

HISTORIA ROSSICA

Майкл Ходарковский

Горький выбор

ВЕРНОСТЬ
И ПРЕДАТЕЛЬСТВО
В ЭПОХУ
РОССИЙСКОГО
ЗАВОЕВАНИЯ
СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА

НОВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБОЗРЕНИЯ

Michael Khodarkovsky

Bitter Choices

LOYALTY AND BETRAYAL
IN THE RUSSIAN CONQUEST
OF THE NORTH CAUCASUS

Cornell University

2011

Майкл Ходарковский

Горький выбор

ВЕРНОСТЬ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО
В ЭПОХУ РОССИЙСКОГО
ЗАВОЕВАНИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Новое
Литературное
Обозрение

2016

УДК 323.1(470.62/.67)(091)«18»

ББК 63.3(2)52-38

X69

Редакционная коллегия серии

HISTORIA ROSSICA

Е. Анисимов, А. Зорин,

А. Каменский, Ю. Слѣзкин, Р. Уортман

Редактор серии

И. Жданова

Ходарковский, М.

X69 Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа / Майкл Ходарковский; авторизованный пер. с англ. А. Терещенко. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 232 с.: ил. (Серия HISTORIA ROSSICA)

ISBN 978-5-4448-0519-0

Книга рассматривает историю Северного Кавказа через призму жизни Семена Атарщикова (1807—1845). Чеченское происхождение и российская карьера военного так и не смогли мирно ужиться в его личности. Он дважды дезертировал на сторону горцев и в конце концов погиб от руки беглого казака. Работа живо воссоздает географический, культурный, социальный и политический контекст российского завоевания, позволяя лучше понять корни современных проблем на Северном Кавказе. Майкл Ходарковский — историк, профессор Университета Лойолы в Чикаго (США).

УДК 323.1(470.62/.67)(091)«18»

ББК 63.3(2)52-38

В оформлении обложки использован

фрагмент картины Франца Рубо «Всадники в горах» (1894).

© Bitter Choices: Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus, by Michael Khodarkovsky, originally published by Cornell University Press.

This edition is a translation authorized by the original publisher.

© 2011 by Cornell University

© А. Терещенко, пер. с английского, 2016

© Оформление. ООО «Новое литературное обозрение», 2016

*Памяти моих родителей,
Клары и Ефима Ходарковских,
и Лоику и Тосе,
детям нескольких культур*

Благодарственное слово

Идея написать книгу о Северном Кавказе появилась у меня где-то в начале 2000 года, во время кровавых боев в Чечне, которые стали известны как Вторая чеченская война. Новостные сообщения и репортажи журналистов подробно описывали отчаянное сопротивление чеченцев превосходящим российским силам, но мало что могли сказать об истории Северного Кавказа и его народов. У русских упоминания Чечни и Дагестана, как правило, ассоциировались с негативными стереотипами, а для западных людей эти названия вообще ничего не значили. Меня увлекла идея написать книгу, которая познакомила бы читателей с основами исторической, этнической и географической мозаики Северного Кавказа. Но было неясно, как превратить эту мозаику разнообразных этнических и клановых идентичностей в единое полотно.

Лишь в 2001 году, находясь в отпуске благодаря Американскому совету ученых обществ (American Council of Learned Societies), предоставившему мне грант, я наткнулся на сведения о биографии Семёна Атарщикова. Это было краткое описание папки, обнаруженной М.О. Косвеню в Российском государственном военно-историческом архиве, изложенное в его классической книге по этнографии и истории Кавказа¹. Я понял, что биография Атарщикова может послужить метафорой, отражающей историю коренных народов Северного Кавказа. Так родился мой проект. И, следовательно, человек, перед которым я в наибольшем долгу, — Марк Осипович Косвен (1885—1967), великий русский этнограф и специалист по Кавказу.

¹ Косвен М.О. Дело сотника Атарщикова // Косвен М.О. Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы. М.: Издательство восточной литературы, 1961.

Большую пользу при написании этой книги мне принесли помощь, советы и критика со стороны коллег и друзей, которым я хочу выразить глубокую признательность. Это — Владимир Бобровников, Игорь и Лиза Гомберг, Игорь Курукин в Москве, Владимир Колесов и Игорь Кузнецов в Краснодаре, а также Суфьян Жемухов в Кабарде. Суфьян заслуживает особой благодарности за быстрые ответы на мои вопросы и за щедрую готовность делиться своими познаниями.

Я выражаю благодарность Роберту Данкоффу, Валери Кивельсон, Барбаре Розенвайн и Люсетте Валенси, прочитавшим ранние версии моей рукописи и сделавшим ценные замечания. Я признателен рецензентам из Cornell University Press, в особенности Брюсу Гранту, который, внимательно читая книгу и со знанием дела комментируя ее, сделал куда больше, чем был обязан. Многочисленные разговоры о прошлом и настоящем Кавказа с Георгием Дерлугьяном за стаканом местной наливки, которую он каким-то образом умудрялся получать из своего родного Краснодарского края, никогда не были скучными.

Я многим обязан Дэну О'Коннеллу, бывшему литературному агенту, делавшему на раннем этапе написания книги ценные замечания касательно стиля и структуры рукописи. Я также признателен редакторам, в особенности Энджу Ромео-Холлу, за столь удачное сочетание полезных и приятных качеств, проявленных с их стороны. Наконец, еще большим я обязан Джону Аккерману, директору Cornell University Press, который лично заинтересовался книгой. Хотя сначала его замечания и критика заставляли меня задумываться, является ли его вовлеченность в редактуру рукописи счастьем или наказанием, конечный результат, безусловно, указывает, что мне необыкновенно повезло. Я очень благодарен ему.

Окончательная правка рукописи была осуществлена в Берлине, где я провел год в качестве приглашенного профессора в Университете имени Гумбольдта (Humboldt University). Я очень благодарен Йоргу Баберовски, который сделал мое пребывание в Берлине максимально комфортабельным. Также я выражаю признательность Феликсу Шнеллю, Кристиану Тайхманну и многим другим коллегам и аспирантам, составлявшим нам компанию во время ежедневных встреч в столовой, где если не еда, то разговоры всегда были теплыми. Наконец, я выражаю признательность Мальте Рольфу: без его дружбы и сотрудничества мое пребывание в Германии было бы куда менее плодотворным.

Конечно, с моей стороны было бы нечестно не упомянуть моих детей, Лоика и Тосю, чьи каждодневные заботы, вне всякого сомнения, способствовали тому, что я дольше вынашивал книгу, моего отца,

который не прекращал удивляться тому, как много времени у меня уходит на написание новой книги, и мою жену Инзу, проявлявшую терпение и толерантность там, где их не хватило бы у других. Всем вам большое спасибо за то, что вы были со мной.

Чикаго — Берлин, 2011 год

ВВЕДЕНИЕ

Семен Семенович Атарщиков был русским казацким офицером. Щегольской мундир, пышные усы, высокая папаха из черной овчины, добротная шашка и кинжал — ничто в облике этого человека не отличало его от других офицеров, которые, подобно ему, служили в пограничных полках на Северном Кавказе. Вместе с тем он явно выделялся на фоне своих соотечественников знанием четырех языков — русского, арабского, а также двух кавказских — чеченского и кумыкского. Благодаря свободному владению языками и тонкому знанию туземных обычаев он стал незаменимым переводчиком и посредником в контактах с горским населением Северного Кавказа.

Военная карьера Атарщикова развивалась без препятствий, хотя и неспешно. В 1830 году он оказался нужен в качестве переводчика в Петербурге, где и вступил в Кавказско-Горский полуэскадрон, известный как Черкесская гвардия.

Двумя годами позже Атарщиков, признанный ведущим экспертом по чеченцам, получивший повышение и награжденный орденом, был вновь направлен на Кавказ, где третий имам, по имени Шамиль, начинал объединять местные народы, которым предстояла долгая и кровавая священная война с русскими. В 1836 году Атарщиков был переведен на Северо-Западный Кавказ и назначен приставом карачаевского народа. За эти годы он завоевал уважение и доверие одного из главных русских военачальников на Кавказе, пресловутого барона Григория Христофоровича фон Засса. Эксцентричный генерал, известный в равной степени своей отвагой и жестокостью, Засс регулярно посылал Атарщикова с деликатными поручениями в глубь горной местности, и тот всегда был на высоте. Но в 1841 году, в возрасте тридцати четырех лет, внезапно и без какой-либо видимой причины наш герой бежал к горцам-адыгам и нашел у них пристанище.

Подобные случаи дезертирства происходили куда чаще, чем российские власти были готовы признать. Большинство дезертиров составляли рядовые солдаты и казаки, бежавшие от правосудия или притеснений со стороны командиров. Некоторые просто предпочитали несколько лет на воле двадцати пяти годам тяжелой военной службы. Но на сей раз перебежчиком оказался офицер с многолетним безупречным послужным списком — и российские власти не могли отмахнуться от этого факта или отрицать его.

Однако далее история Атарщикова приняла еще более интригующий оборот: через четыре месяца после своего побега он решил вернуться в Россию и подать прошение о помиловании. Когда его петиция достигла Петербурга, император Николай I, убежденный заверениями генерала Засса, согласился подписать ее. Но, хотя император и помиловал человека, обвиненного в измене, это еще не означало, что он вновь готов доверять ему. Николай I, пришедший к власти в бурной атмосфере декабристского восстания 1825 года, всюду видел мятеж и измену. По указу императора Атарщиков получил назначение в казачий полк — но теперь в Финляндию.

Возможно, подозрения царя были не так уж необоснованны, потому что незадолго до отправки в Финляндию Атарщиков вновь бежал в горы. На этот раз он обратился в ислам, женился на дочери представителя местной знати и принял активное участие в набегах на российское пограничье. В 1845 году, на привале в ходе одного из таких набегов, спутник Атарщикова, беглый казак Фома Головкин, выстрелил в него, когда тот спал. Головкин решил сдаться русским властям и, предавая Атарщикова — к тому времени одного из самых известных и опасных их врагов, — мог надеяться на прощение. Семен Атарщиков умер от ран вскоре после того, как за ним приехал казачий отряд, чтобы взять его в плен¹.

Полная драматизма жизнь Атарщикова и ее трагический конец были неотделимы от того романтизма и той таинственности, которые у русских романтиков начала XIX века ассоциировались с Кавказом, ставшим для России одновременно «парнасским святилищем и кровавым полем боя». Целое поколение русских писателей и поэтов было призвано на военную службу и сослано в «Южную Сибирь» за открытую оппозиционность по отношению к монархии. Жизнь многих из них пресеклась рано и внезапно — как того и желали власти².

К примеру, Александр Бестужев-Марлинский, автор популярных в России рассказов, действие которых происходило на Кавказе, погиб в июне 1837 года — во время неудачной высадки русских в Адлере на Черноморском побережье. Служивший в полку на том же берегу Александр Одоевский умер от тифа, а Александр Грибоедов был убит озлобленной толпой в Тегеране. Спустя четыре года, в июле 1841 года, Михаил Лермонтов погиб на печально известной дуэли

¹ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. С. 254—258.

² Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 229.

с Н.С. Мартыновым в северокавказском городе Пятигорске. Оба дуэлянта были очарованы местной культурой: Лермонтов создавал романтический образ Кавказа в стихах и прозе, а Мартынов подражал местным воинским традициям, предпочитая носить не русский мундир, а бешмет горца, папаху и большой кинжал. На самом деле фатальную дуэль спровоцировала именно насмешка Лермонтова над Мартыновым, которого он назвал «le chevalier des monts sauvages» [рыцарь диких гор (франц.). — *Примеч. пер.*], и над его причудами в одежде¹. На Кавказе воображение и реальность часто сливались воедино, окутанные экзотическим флером пограничья.

Итак, русские офицеры превращали свое изгнание в приключение, романтизируя регион и его обитателей. А вот для горцев общение с русскими не несло в себе никакой романтики. Желая сохранить власть, имущество и общественное положение, представители местной знати были вынуждены выбирать между сотрудничеством и сопротивлением. Подобно Хаджи-Мурату, которого в одноименной повести обессмертил Лев Толстой, они, однажды сделав выбор, придерживались его не всегда. Хаджи-Мурат был влиятельным представителем аварской знати, служившим интересам России, пока местные политические интриги и произвол российской администрации не заставили его перейти в 1841 году на сторону Шамиля. Через несколько лет, разочарованный своим новым союзником, Хаджи-Мурат бежал обратно к русским, но спустя несколько месяцев вновь попытался вернуться к Шамилю, был выслежен и убит. История Хаджи-Мурата была типичной для многих представителей местной знати, в поисках политической стабильности постоянно колебавшихся между российской властью и собственным народом. Каковы бы ни были их отношения с Россией, они сохраняли свою местную идентичность и были чужды русскому образу жизни.

В то же время постоянное присутствие империи в регионе способствовало росту влияния местной элиты другого рода — людей, получивших воспитание в России и позднее вернувшихся, чтобы служить российским интересам среди собственного народа. Это был третий путь, пролежавший между сотрудничеством и сопротивлением. Кажется, что они чувствуют себя как дома и в русской культуре, и в своей родной, но на самом деле эти люди были привилегированными чужаками в обоих мирах. Их лояльность оставалась под сомнением, поскольку они часто не могли определиться со своей идентичностью.

¹ Андроников И.Л. Лермонтов: Исследования и находки. М.: Художественная литература, 1964. С. 521.

Даже десятилетия успешной военной службы в русской армии не исключали возможности их возвращения к своим корням.

Яркий пример следования по этому третьему пути — история Мусы Кундуха (Кундухова). Родившийся в знатной осетинской семье, он служил офицером в русской армии и продвигался по службе, пока не стал генерал-майором, кавалером множества наград. Но после разгрома Шамиля Кундух был столь недоволен русской политикой в отношении местного населения, что организовал массовый исход в Османскую империю. В 1865 году его корабль с сотнями горцев прибыл в турецкий порт на Черном море. Впоследствии Муса Кундух получил турецкий титул генерал-паши и отличился в баталиях с Россией⁴.

Малоизвестная история сотника Семена Атарщикова — ценное свидетельство о жизни людей, которые были необходимы России для завоевания Кавказа и управления местным населением. В конечном счете образцовый русский офицер оказался родным сыном Кавказа. Его история — это история самого Кавказа, региона обворожительных пейзажей, экзотических языков, многочисленных народов, древних обычаев, запутанных идентичностей и неоднозначных понятий о верности. Это история местных народов, которых Россия пыталась завоевать, и история империи с ее попытками превратить горцев в своих верноподданных. Жизнь Семена Атарщикова воплощает собой встречу мира колонизаторов и мира колонизируемых, а также тех, кто, как Атарщиков, оказался между этими двумя мирами.

Эта книга — попытка реконструировать жизнь Семена Атарщикова, русского офицера чеченского происхождения. Это захватывающая история человека, который во многом был типичным уроженцем российского имперского пограничья. Но написание биографии отнюдь не являлось моей главной целью. Жизнь Атарщикова позволяет приоткрыть более масштабную историю — всего Северного Кавказа на протяжении трехсот лет российского завоевания (1560—1860-х годов).

С удивительным постоянством в течение веков имперский Петербург и советская Москва не давали хода подобным проектам, опасаясь обнародовать в высшей степени неприятные страницы из истории российской власти. Царские цензоры отсекали сведения о крайней жестокости российских завоеваний, а их советские наследники создавали истории, воспевавшие добродетели завоевателей и ту пользу, которую

⁴ Мемуары генерала Муса-паши Кундухова (1837—1865) // Звезда. 2001. № 8. С. 100—123.

они приносили местному населению. Единственными исключениями стали два десятилетия переходных периодов: с середины 1920-х по середину 1930-х, когда получило официальную санкцию отображение колониальной природы Российской империи, и 1990-е годы, когда в результате краха Советского Союза кавказские историки выпустили несколько ревизионистских исследований. В настоящее время Кремль вернулся к прежним советским басням и вновь препятствует ревизионистским исследованиям, но уже не при помощи открытой цензуры, как в старое время, а посредством более искусного давления, характерного для постмодернистского авторитарного режима⁵.

Историк, изучающий Северный Кавказ, имеет дело не только с политическими и идеологическими сложностями, но и с методологическими. Как представить историю региона, который, пусть и объединенный одной религией, был раздроблен с любой другой точки зрения — политической, географической, лингвистической, этнической, экономической? Как можно выпутать историю коренных народов Кавказа из имперского дискурса, долго господствовавшего в историографии? Более того, любая попытка выйти за пределы имперского нарратива затруднена тем фактом, что родовые общества почти не оставляют письменных источников — и уж точно оставляют их в количестве явно недостаточном, чтобы уравновесить огромное делопроизводство имперской администрации.

Жизнь Семена Атарщикова позволяет нам найти ответы на оба вопроса. На протяжении своей карьеры Атарщиков служил в различных

⁵ В западной историографии Северный Кавказ досоветского периода рассматривается, как правило, в контексте всего Кавказа. См. недавние работы: *King C. The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press, 2008; *Grant B. The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. Другие исследования посвящены отдельным аспектам, например: *Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan*. London: Frank Cass, 1994; *Barrett T.M. At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700—1860*. Boulder, CO: Westview, 1999; *Jersild A. Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845—1917*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002; *Kemper M. Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan: Von den Khanaten und Gemeindefürstentümern zum jihad-Staat*. Wiesbaden: Reichert, 2005. Всесторонние же труды по Северному Кавказу существуют только на русском языке: История народов Северного Кавказа: В 2 т. М.: Наука, 1988 (здесь осторожно нащупываются новые подходы, что отражает советский переходный период конца 1980-х годов); Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007 (авторы этой книги, созданной в атмосфере путинской России, избегают спорных вопросов).

частях Северного Кавказа, и рассказ о его жизненном пути дает возможность охватить историю всего региона. В то же время, поскольку личность Атарщикова была сформирована и русской, и кавказской культурами, его жизнь позволяет увидеть историю региона как с точки зрения местных жителей, так и с более привычной точки зрения имперского центра.

Подобный проект ставит историка перед необычными трудностями, и некоторые читатели могут задаться вопросом, как именно я решил справляться с ними. Биографические сведения об Атарщикове весьма скудны. Большая часть информации о нем содержится в тонкой папке, впервые обнаруженной М.О. Косвенем в Военно-историческом архиве в Москве, в котором я нашел еще несколько документов, касающихся Семена Атарщикова. Чтобы соединить известные нам точки из его жизни в единую линию, нет иного выхода, кроме как включить воображение. Например, у нас мало информации об отце Атарщикова и об обстоятельствах, которые привели Атарщикова-старшего в Россию. Но будет разумным предположить, что его послали в метрополию как заложника, поскольку это было распространенным явлением. Точно так же, хотя Семен Атарщиков и другой русский офицер, Федор Торнау, принимали участие в одних и тех же кампаниях и Торнау упоминает имя Атарщикова в своих знаменитых мемуарах, мы не знаем, были ли эти двое лично знакомы. Однако с целью выстраивания повествовательной линии книги я предполагаю, что они встречались.

Не колеблясь, я заполняю пробелы в жизни Атарщикова при помощи информации, полученной из хорошо известных данных о местной практике и имперской политике. Моя главная задача — не достоверность биографических данных Атарщикова, а история Северного Кавказа. Разумеется, я не первый историк, использовавший этот подход, чтобы попытаться сделать свое повествование более последовательным и воссоздать атмосферу времени и места⁶.

На этих страницах Северный Кавказ показан как регион с невероятно сложной историей. Я сосредотачиваю внимание на определенных темах и вопросах, играющих особую роль для понимания того трехсот-летнего процесса, в результате которого Северный Кавказ превратился

⁶ В числе самых известных примеров — Фернан Бродель, приписывавший те или иные конкретные мысли историческим персонажам в своем труде (*Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М.: Языки славянской культуры, 2003*), а также Натали Земон Дэвис (*Zemon Davis N. The Return of Martin Guerre. Cambridge: Harvard University Press, 1983; Eadem. Trickster Travels: A Sixteenth-Century Muslim between Worlds. New York: Wang and Hill, 2006*).

из классического пограничья в часть Российской империи. Я стремлюсь создать отправную точку для тех, кто захочет изучить историю Северного Кавказа более подробно и глубоко, и надеюсь, что эта узкая горная тропка однажды станет хорошо изъезженной дорогой знания. И хотя политические, лингвистические, географические и архивные трудности могут обескуражить будущего историка, заманчивые ландшафты стоят того, чтобы предпринять путешествие.

Глава 1

ГРАНИЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

После многодневного пути через кажущиеся бескрайними просторы южных степей России путник, подъезжавший к реке Терек, наконец видел величественные горные вершины Северного Кавказа. Готовясь к переправе через реку, путешественник XIX века не смог бы сдержать трепета: он покидал привычный европейский ландшафт и погружался в таинственный мир Азии. В представлении русских того времени, именно по Тереку проходила граница, отделявшая Европу от Азии, знакомый мир от чужого, цивилизацию от варварства, рациональность от экзотики, обыденную жизнь от героических деяний.

Устремляющаяся вниз с северных склонов гор и затем текущая на восток до Каспийского моря, река Терек была естественной границей между степными землями и предгорьями могучих Кавказских гор. Она же служила и военным рубежом, отделявшим казачьи станицы и крепости на ее северном берегу от аулов, расположившихся на горных склонах на некотором расстоянии от реки.

Конечно, эти места не всегда выглядели таким образом. До середины XVIII века, т.е. пока российская колонизация Северного Кавказа не началась всерьез, в степях к северу от Терека находились превосходные пастбища, которые оспаривали друг у друга кабардинцы, кумыки и ногайцы. Северный Кавказ издревле был пограничной землей: в XV веке именно здесь проходили южные рубежи Золотой Орды — тюрко-монгольской державы, простиравшейся от реки Дунай до Аральского моря. Народы Кавказа никогда не могли укрыться от политических ветров, дувших с севера.

Вплоть до российского завоевания Северный Кавказ оставался типичнейшей пограничной территорией. Несколько факторов спасали регион от завоевания соседними, более сильными государствами: традиционная, примитивная экономика, основанная главным образом на скотоводстве и набегах, географическая неприступность и незначительная стратегическая ценность (за исключением Дербентского прохода) — все это отнюдь не способствовало тому, чтобы одна из соседних держав потратила значительные ресурсы на полномасштабное вторжение, захват и присоединение данной территории.

В XVI—XVII веках Османская империя предприняла несколько слабых попыток установить прямой контроль над Северным Кавказом. Турок отвлекали более важные дела на западе, и они были рады найти опору в лице крымских ханов — те обеспечивали некоторую степень контроля над Северо-Западным Кавказом и поставляли в Порту высоко ценившихся адыгских (черкесских) рабов. Периодические вторжения Сефевидской Персии на Северо-Восточный Кавказ имели целью лишь сбор налогов и податей с местного населения. Только с первых лет XIX века, когда Россия начала полномасштабную колонизацию и военное завоевание Северного Кавказа, он приобрел стратегическую важность как барьер против российских устремлений и стал одной из горячих точек знаменитой Большой игры¹.

МОСКВА ПРОДВИГАЕТСЯ НА КАВКАЗ

Когда в 1550-е годы Москва захватила и присоединила к себе Казанское и Астраханское ханства — два важнейших политических и торговых центра на Волге, — значимость этих событий сразу была оценена элитами Кавказа. Исключительную роль играла Астрахань — ключевой торговый и транспортный узел, связывавший Северный Кавказ с подвластными Москве северными центрами торговли и располагавшимися на востоке рынками Средней Азии. Ногайцы, которые пасли свой скот у Яика и Волги, а позже у Терека, не имели никаких иллюзий по поводу значимости московского присутствия в регионе. В 1587 году в письме к турецкому султану ногайский князь Урус с грустью признавал, что «чья будет Астрахань, и Волга, и Еик, того будет вся ногайская орда»².

¹ По поводу османских вторжений см.: *Osmanlı Devleti ile Azerbaycan Türk Hanlıkları arasındaki Münâsabetlere dair Arsiv Belgeleri*. 1. Cilt (1578—1914). Ankara: T.C. Başbakanlık, 1992; а также: *Bilge S.M. Osmanlı Devleti ve Kafkasya*. Istanbul: Eren, 2005. По поводу интересов Персии на Кавказе см.: *Kazemzadeh F. Iranian Relations with Russia and the Soviet Union, to 1921* // *The Cambridge History of Iran*. 7 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1969—1991. Vol. 7. P. 314—349; а также: *Atkin M. Russia and Iran, 1780—1828*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1980. По поводу первоначальной политики России в регионе см.: *Khodarkovsky M. Of Christianity, Enlightenment and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550—1800* // *Journal of Modern History*. 1999. Vol. 71. № 2. P. 394—430.

² *Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века*. СПб.: Университетская типография, 1887. С. 441—443;

Быстрый взлет Москвы не ускользнул от внимания кабардинского князя Темрюка Айдара (Кемиргуго Идаров), чей народ был известен русским под названием пятигорских черкесов (тюрки называли этот регион Бештау, что значит «пять гор»). В 1557 году Темрюк отправил в Москву послов с целью заключить союз против традиционных врагов кабардинцев — крымских татар на западе, требовавших большего числа знаменитых кабардинских рабов, и кумыков на востоке, выдвинувших претензии на аулы, раньше платившие дань кабардинцам. Видя, как слабеет его власть, Темрюк ощущал потребность в помощи и против других кабардинских князей.

Кремль радостно приветствовал нового союзника, сразу же сочтя его новым подданным царя. В краткосрочной перспективе это означало союз против общего врага — крымского хана. Кроме того, этот альянс давал России бесценную возможность закрепиться на Кавказе, что способствовало достижению ее долгосрочных торговых и идеологических целей: получению доступа к легендарным богатствам персидских городов на Каспийском море и возвращению православия на берега Черного моря.

В 1558 году два сына Темрюка, Булгеруко и Султануко, прибыли в Москву и поступили на службу к царю. Они приняли крещение, получили имена Андрей и Михаил и вскоре достигли высоких военных чинов. Со временем потомки Темрюка, известные как Черкасские, стали одним из знатнейших и богатейших родов российского дворянства³.

Важность Северного Кавказа для геополитических замыслов Москвы сделалась в полной мере очевидна в 1561 году. Похоронив свою первую жену, Анастасию Романову, русский царь Иван IV начал искать новую супругу среди кабардинцев. Таким образом, он следовал примеру своего знаменитого современника, османского султана Сулеймана Великолепного, чья первая жена тоже была из адыгов. Иван избрал одну из дочерей Темрюка, Кученей (Гуашэне), два брата и зять которой уже служили царю. Она приехала в Москву, приняла крещение под именем Марии Темрюковны и оставалась женой Ивана до самой своей смерти, последовавшей в 1569 году.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948. С. 35.

³ Сокуров В.Н. Институт выезда на службу у черкесов // Эльбрус. 1999. № 1. С. 123—125. В 1700 году Черкасские были записаны как самые богатые землевладельцы в России: им принадлежали 12 032 души. См.: Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е — начало 1770-х годов). Нальчик: Эль-Фа, 2001. С. 147.

Женитьба Ивана на дочери Темрюка должна была, помимо прочего, стать опорой для притязаний русского царя на сюзеренитет над землями, прежде принадлежавшими Золотой Орде. В сложном мире степной политики подобные притязания могли выдвигать лишь Чингизиды — князья, происходившие из монаршего рода Чингисхана. Хотя Иван IV и не был Чингизидом, он использовал различные способы, чтобы представить себя законным наследником ханов Золотой Орды. Отнюдь не являлось случайностью то, что другая дочь Темрюка, Алтынчач, вышла замуж за Бек-Булата, Чингизида и хана Астраханского, а их сын, крещенный в Москве под именем Симеона Бекбулатовича, был коронован как государь всея Руси в тот странный момент в 1575 году, когда Иван временно отрекся от трона.

В течение какого-то времени союз Ивана и Темрюка был выгоден обеим сторонам. Отряд московских стрельцов, присланный в распоряжение Темрюка, позволил ему устоять против внешних врагов и соперников в самой Кабарде. Взамен Москва получила свой первый аванпост на Кавказе — Терский город, основанный в начале 1560-х годов на месте впадения в Терек реки Сунжи. Именно с этого северо-восточного угла Северного Кавказа, в настоящее время находящегося на севере Дагестана, началось постепенное проникновение России в регион.

Как всегда, геополитические амбиции Москвы далеко превосходили ее возможности, и спустя всего лишь несколько лет форт пришлось сжечь по требованию крымского хана. От другой попытки построить русский форт пришлось отказаться спустя десятилетие, когда Османская Порта заявила, что кабардинцы — ее подданные, а постройка форта означает вторжение в мир ислама. В конечном счете в 1588 году Терский город (Терки) был построен в другом месте, более надежном, где и остался, — в устье Терека, поближе к Астрахани⁴.

Главный пограничный русский гарнизон на Кавказе находился именно в Терках — вплоть до середины XVIII века, когда с ростом соседнего Кизляра необходимость в Терском городе отпала. По мере того как казачьи станицы и русские крепости продвигались вперед, Терский город, построенный исключительно в качестве военного аванпоста, оказался в тылу и вскоре был покинут.

⁴ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: Документы и материалы: В 2 т. М.: Издательство АН СССР, 1957. Т. 1. С. 1—20.

РЕЛИГИЯ И ЗАВОЕВАНИЕ

Российское завоевание Северного Кавказа в полной мере началось в 1760-е годы со строительством Моздокской укрепленной линии. К середине XIX столетия Россия смогла превратить Кавказ из спорной территории в пограничье Российской империи. Но даже это завоевание поначалу не оказало сильного влияния на глубоко укоренившееся традиционное самосознание местных жителей и их экономический уклад.

Местная экономика оставалась в полной мере периферийной по отношению к рынкам соседних держав, за исключением оживленной работорговли. Северный Кавказ служил одновременно источником большого количества невольников и перевалочным пунктом для их перепродажи — так было вплоть до середины XIX века, когда Россия наконец смогла остановить работорговлю. До российской аннексии Крыма, произошедшей в 1780-е годы, в рабство обращали немало представителей адыгских народов Северо-Западного Кавказа, оказавшихся в плену у крымских татар или предоставленных им в качестве дани. Их продавали на невольничьем рынке в крымском городе Каффа. Самый большой невольничий рынок в северо-восточной части Кавказа находился в Эндери, в центре Дагестана, где работорговцы из Персии и Средней Азии покупали тысячи славянских, грузинских и местных невольников.

Крушение экономики, основанной на работорговле, и одновременно рост русских городов и промышленности привели к тому, что все большее число местных жителей уезжало в поисках новых возможностей. В северо-восточной части Кавказа некоторые приняли решение переселиться в азербайджанские города Северной Персии, но большинство переехало в российские города и деревни и, поселившись там, было обращено в христианство. Северо-Западный Кавказ по большей части опустел — после того, как в 1860-е годы российские власти провели здесь свою версию этнической чистки, заставив несколько сотен тысяч адыгов и представителей других местных народов переселиться в Османскую империю.

Не утихавшая век от века экономическая и политическая борьба соседних империй за Северный Кавказ, во время российского завоевания дополнилась конкуренцией религиозной. Несколько предыдущих попыток внедрить в этом регионе монотеистические религии (в частности, византийцы распространяли христианство, а турки-османы — ислам) особого успеха не имели, оказавшись по большей

части бесплодными. Лишь в XIX веке две религии прочно обосновались на Северном Кавказе. Одной из них было православие, которого придерживались недавно прибывшие колонизаторы; порой они ясно демонстрировали свои намерения, давая соответствующие имена своим поселениям — таким, как недолговечная Крепость Святого Креста у Каспийского моря или существующий и поныне Ставрополь (что по-гречески означает «город креста»). Другой религией был ислам, в который обратилось местное население. Вряд ли можно удивляться тому, что местные народы считали христианство религией имперских властей, а ислам воспринимали как религию сопротивления.

Влияние ислама в регионе было неравномерным. Северо-восточный угол Кавказа, Дагестан, попал под мусульманское влияние во время арабских завоеваний VII—VIII веков и поэтому был исламизирован раньше и глубже, чем другие области Кавказа. На равнинном побережье Северного Дагестана возобладал ислам суннитского толка, а в некоторых более южных областях — шиитского.

В то же время степень исламизации северокавказских горцев, живших за пределами дагестанского побережья, весьма различалась. Так, в центральной области Северного Кавказа, среди чеченцев, кабардинцев (восточных адыгов) и части осетин, ислам утвердился, хотя и непрочно, а населявшие северо-запад Кавказа западные адыги (в наши дни — жители Карачаево-Черкесской республики и Краснодарского края) приняли его лишь номинально, как и ингуши, по большей части остававшиеся анимистами вплоть до 1860-х годов.

Лишь в конце XVIII и в XIX столетии Северный Кавказ пережил то, что можно назвать пробуждением ислама. Одной из причин этого пробуждения было проникновение на Кавказ мистических суфийских орденов, в первую очередь накшбандийцев. К началу XIX века как светские, так и духовные элиты Северного Кавказа были вынуждены искать средства защиты от стремительно растущего числа последователей накшбандия⁵.

Другим толчком к пробуждению ислама среди местного населения стала непреклонная экспансия России, развязавшей здесь жестокую войну. Слишком поздно российское правительство начало осознавать, что его военные действия на Северном Кавказе и тактика выжженной земли, применяемая генералом Ермоловым, приводят к обратному результату — к усилению сопротивления со стороны местного

⁵ Подробнее о накшбандия см. в главе 6. Обзор суфийских орденов на Кавказе см. в кн.: Knysh A. *Islamic Mysticism: A Short History*. Leiden: Brill, 2000. P. 289—300.

населения. К 1829 году раздоры между членами братства накшбандия на Кавказе были преодолены, и влиятельный накшбандийский шейх Гази-Мухаммед был провозглашен первым имамом и вождем *газавата*, или священной войны, целью которой являлось создание на Кавказе исламского государства (имамата)⁶.

В течение следующих тридцати лет Гази-Мухаммед и его наследник, имам Шамиль, продолжали сопротивляться российскому продвижению на Северный Кавказ. Идея создания имамата, исламского государства, основанного на шариате (исламском праве) и управляемого мусульманскими религиозными властями, стала неотделимой от идеи газавата против русских. И не случайно русские называли повстанцев *мюридами* (слово, обозначающее ученика суфийского шейха)⁷.

Война Шамиля была в такой же степени направлена на внедрение истинного ислама и превращение северокавказского населения в правоверных мусульман, как и на сопротивление российскому вторжению. Для Шамиля и его сторонников ислам и шариат должны были отделить мусульман от христиан, верующих от неверных, жертв от угнетателей и местные народы от чужаков.

Прошло три столетия, прежде чем Россия смогла заявить о полном сюзеренитете над Северным Кавказом и его народами. Ограниченность ее собственных ресурсов, негостеприимные северокавказские земли, состоявшие из бесплодных степей и непроходимых гор, сопротивление местного населения, вдохновляемого исламским духовенством и получавшего помощь со стороны соседних мусульманских государств, — все это мешало быстрому и успешному завоеванию.

К 1800 году значительная часть северокавказской равнины, заполненная переселенцами, была включена в состав Российской империи, а непрерывная цепь фортификационных сооружений от Каспийского до Черного моря прочно отделяла равнины от предгорий и гор, где продолжало жить местное население. К 1860-м годам долгое и кровавое завоевание Северного Кавказа закончилось, но оно стоило многих жизней и огромных денежных сумм.

Полную денежную стоимость этого завоевания подсчитать невозможно. Достаточно упомянуть, что если в 1820-е годы ежегодные военные расходы российского правительства на Кавказе составляли

⁶ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000. С. 165—194; Kemper M. Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan.

⁷ Российское завоевание и сопротивление Шамиля освещены в кн.: Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar.

24 тыс. серебряных рублей, то в 1840-е Кавказ обходился империи в одну шестую всего ее бюджета. Но еще более ужасающими были людские потери. Считается, что русские потеряли 100 тыс. солдат на поле боя и в девять раз больше — от болезней. Допустимо предположить, что за время российского завоевания Северного Кавказа погибло такое же число местных жителей. А значит, 2 млн людей погибли для того, чтобы примерно 4 млн местного населения стали подданными России⁸.

МЕСТНЫЕ ОБЩЕСТВА

История российского продвижения на Кавказ — не просто летопись военного завоевания и колонизации. Это еще и история встречи двух миров, обладавших несовместимыми структурами: в высшей степени централизованного имперского государства и местных родовых обществ с зачатками политической организации. В этом смысле все происходившее сплеталось и в историю непрерывного взаимного изучения. Воспринимая внешний мир через призму своего общества, каждая из сторон проецировала на другую собственные ценности и ожидания. Тот факт, что клановые, племенные, языковые и позднее этнические идентичности в регионе были перемешаны самым сложным и малопонятным образом, отнюдь не облегчал коммуникацию. Таким образом, политику Российского государства надо воспринимать не только как следствие российских целей и идеологий, но и в контексте серьезного и продолжительного взаимонепонимания двух сторон⁹.

С самого начала единственной задачей России на Северном Кавказе было обеспечение политической лояльности местных народов. С точки зрения Москвы, это обеспечивалось ритуальной присягой на верность (*шертью*) русскому государю. Но раздутая важность казенной риторики и ритуал присяги, изображавший местных жителей подданными Москвы, приводили к постоянному непониманию того, что реальность отличается от официальных заявлений. Государство предпочитало отрицать тот неудобный факт, что в действительности отношения России

⁸ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII—XIX вв. СПб.: Европейский дом, 2008. С. 46—48.

⁹ Эти вопросы подробно освещены в кн.: Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500—1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002. Ch. 2.

с местными вождями скорее напоминают военно-политический союз неравных, но тем не менее независимых правителей¹⁰.

Время от времени русские чиновники и военные замечали, что применять казенную имперскую терминологию к местному населению довольно бессмысленно. Григорий Котошихин указал на это в 1660-х годы в своем знаменитом трактате, а князь Александр Бекович-Черкасский — в 1710-е. Но если замечания Котошихина можно было списать на его предательство, а Бековича — на чрезмерное сочувствие сородичам, то о легендарном русском полководце, будущем фельдмаршале Александре Суворове нельзя было сказать ничего подобного. А между тем в 1779 году, получив доклад о принесении клятвы верности адыгами, Суворов на полях этого документа написал: «[П]одданство термин не столь важный на тамошнем языке, как на российском. Лучше такие объяснительные изречения миновать»¹¹.

С точки зрения Суворова, различие в понятийных аппаратах русских и местного населения означало, что нужно стремиться к лучшему пониманию тех, с кем имеешь дело. Однако в глазах других это различие служило основанием для применения еще более жестоких мер по отношению к местным жителям. Именно такого взгляда придерживался генерал И.П. Дельпоццо, в 1809 году сообщивший своему начальнику, генералу А.П. Тормасову, что для местного населения присяга ничего не значит, даже когда приносится письменно. Но, если в своей переписке русские военачальники иногда смотрели правде в глаза, в официальных докладах в Петербург они себе этого не позволяли. Годом позже, не вняв предостережению Дельпоццо, генерал Тормасов докладывал императору, что ингуши добровольно приняли присягу и навечно стали подданными его императорского величества¹².

В какой-то момент российские власти начали использовать термин «полупокорные горцы», позволявший отметить всю двусмысленность ситуации. Россия заявляла, что Кавказ и его народы находятся под ее властью, и найти точки соприкосновения между подобными заявлениями и реальностью было непростой задачей. В 1830 году это попытался сделать главнокомандующий на Кавказе генерал И.Ф. Паскевич, получивший из столицы приказ составить

¹⁰ Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе. С. 337—342.

¹¹ Сокуров В.Н. Институт выезда на службу у черкесов. С. 116—117.

¹² Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею [далее — АКАК]: В 12 т. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1870. Т. 4. С. 340 (№ 1272).

карту Кавказа и отметить на ней те народы, которые покорились российской власти. Значительная часть карты, которую он отправил в Петербург, была выкрашена в зеленый цвет, обозначавший народы, верные России. Тем не менее Паскевичу пришлось приложить к карте специальный доклад с объяснением, что хотя «линия, проведенная на карте зеленой краской, означает пределы народов, принесших присягу на верноподданность государю императору, но сие не значит, чтобы они были покорены, ибо многие из них часто нарушали присягу свою, которую давали, уступая временной необходимости во время бывших против них военных экспедиций»¹³.

Несмотря на преобладание геополитических и военных задач, в XIX веке российские власти проявляли все больший интерес к изучению региона и его жителей. Многие экспедиции проникали глубоко на Кавказ, создавая топографические описания и собирая информацию о местных народах и языках. Русифицированная местная элита получила задание составлять своды обычного права и собственные трактаты, описывающие кавказские народы и их общественную организацию. К середине XIX века в распоряжении русских было довольно много информации. Но военные власти продолжали спорить о том, как именно следует применять эту информацию для достижения имперских целей.

Знакомство России с регионом началось с народов, живших на равнинах и в предгорьях Северо-Восточного Кавказа, — кумыков и кабардинцев. Именно кумыки дали русским самое первое представление о традиционных обществах Северного Кавказа. Кумыки были частью тюрко-монгольского мира и говорили на тюркском диалекте — языке общения Евразийской степи. Они обладали самой централизованной политической структурой среди всех северокавказских народов. На вершине общественной иерархии князей и аристократов, известных как *уздени*, находился правитель с титулом *шамхал*, располагавший немалой политической властью.

Язык кабардинцев относится к отдельной абхазо-адыгской ветви кавказской языковой группы. Адыги, более известные под названием черкесы, населяли большую часть Северо-Западного и Центрального Кавказа. Самыми могущественными и многочисленными из различных групп адыгов были кабардинцы, и их территории, широко известные как Большая и Малая Кабарда, занимали центральную часть Северного Кавказа. К востоку от них находились скопления аулов, жители

¹³ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне. С. 257—258.

которых в более позднее время были объединены общим названием чеченцев; к юго-востоку находились ингуши, осетины и балкарцы.

В кабардинском обществе, как и в кумыкском, существовало сильное социальное расслоение. Наследственная знать состояла из членов четырех княжеских семей, *пиши*, которых русские называли князьями, и дворян *уорк*, которых русские называли *узденями*. Применение к кабардинцам термина «узденъ» показывает, насколько слабо Россия понимала социальную иерархию различных северокавказских обществ. Этот титул, происходивший из тюркского языка, применялся знатью кумыков и других тюркских народов (карачаевцев и балкарцев). Кабардинцы же и другие адыгские народы его не использовали, зато различия между разными категориями уорков имели для них принципиальную важность.

Лишь в 1820-е годы правительство начало понимать всю необходимость более подробного разграничения рангов кабардинской аристократии. Но, даже когда российская власть попыталась систематизировать кабардинское дворянство и разделить его на узденей четырех различных рангов, от нее продолжали ускользать тонкости местного общественного устройства. Для самих кабардинцев эта новая административная терминология оставалась малопонятной¹⁴.

Другие местные народы, в особенности абадзехи на Западном и чеченцы на Северо-Восточном Кавказе, объединялись в свободные общины. Русские наблюдатели XIX века выделяли эти образования, называя их демократическими обществами. В основном они состояли из групп аулов или кланов, объединенных родством, территорией и присягой, принесенной друг другу; совет старейшин принимал решения по общим вопросам, а самые искусные бойцы предводительствовали в набегах и внезапных нападениях.

Социальное расслоение в этих свободных общинах было незначительным. Они представляли собой братства, союзы групп, объединенных взаимной присягой — тем, что русские переводили как *соприсяжничество* (данные общины можно сравнить с *Eidgenossenschaft* ранней Швейцарской Конфедерации). Чеченцы называли подобные братства *тукхум*; они состояли из нескольких кланов (*тейпов*). Эти союзы

¹⁴ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов: XVIII — первая половина XIX в. М.: Наука, 1967. С. 180—182. Традиционные социальные ранги часто понимались неправильно — см.: Оразаев Г.М. Тюркоязычные документы из архива кизлярского коменданта — источник по социально-экономической истории народов Северного Кавказа // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1984. С. 182.

позволяли принять в местный клан беглеца и укреплять связи между различными кланами, создавая сложные группы братств¹⁵. В высшей степени независимые общины чеченцев и западных адыгов оказали наибольшее сопротивление русским: у них не было традиционной знати, которую можно было бы привлечь на сторону России, и поэтому их было намного сложнее покорить.

Тем не менее главная слабость местного населения заключалась в его раздробленности и недостатке единства. В 1790-е годы была предпринята важная попытка создать более широкую конфедерацию западных адыгов. При поддержке российских властей простолудины трех адыгских племен — шапсугов, абадзехов и натухайцев — объединились против шапсугской знати и ее союзников — бжедугов. Позже, под впечатлением Французской революции, Екатерина II решила перейти на сторону знати. В 1796 году, в решающей битве на берегах реки Бзюк неподалеку от нынешнего Краснодара, отряд черноморских казаков, вооруженных пушками и шрапнелью, сыграл главную роль в спасении местной аристократии от полного разгрома. Возможность создать устойчивую адыгскую конфедерацию была пресечена Россией, вставшей на сторону местной знати¹⁶.

Другая попытка создания конфедерации относится к 1861 году, когда представители абадзехов, убыхов и шапсугов собрались в долине реки Сочи и организовали общее правительство с целью усилить сопротивление русскому вторжению. Получив ультиматум, по которому адыги должны были переселиться на прикубанские равнины или подвергнуться депортации в Османскую империю, адыгский Большой совет, известный как Меджлис вольности черкесской, принял решение сопротивляться и отправил послов в Стамбул, Париж и Лондон с просьбой о помощи. Когда помощь не пришла, а сопротивление оказалось тщетным, несколько сотен тысяч адыгов были вынуждены покинуть родину. В 1863—1865 годах состоялась их массовая эмиграция в Османскую империю¹⁷.

Попытка России навязать местным обществам свои политические и правовые нормы натолкнулась на традиционные ценности и практики, сложившиеся за столетия общинного опыта. Некоторые из местных

¹⁵ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. С. 254—261; Мамакаев М.А. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973.

¹⁶ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. С. 249—250; Хан-Гирей. Бесльный Абат. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 232—240.

¹⁷ Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар: Эдви, 1997. С. 266.

практик вызывали у русских особую неприязнь, так как сильно затрудняли установление на Кавказе российского закона и порядка. К примеру, местные народы осмыслили свои отношения с русскими властями при помощи двух традиционных институтов: *маслахат* (перемирие и союз против общего врага) и *куначество* (разновидность покровительства и взаимной защиты). Ни один из этих институтов не подразумевал той покорности, которой русские ожидали от тех, кого они считали подданными своего императора.

Многие обычаи, с которыми российские власти сталкивались по всей Евразийской степи, теперь преграждали путь российской колонизации Северного Кавказа. Популярность в местном обществе сохраняла широко распространенная *барымта* (угон скота или захват пленников в качестве компенсации по решению суда) — российские власти считали ее простым разбоем. *Канлы* (кровная месть врагу и его сородичам, которая могла продолжаться на протяжении нескольких поколений) часто казалась русским непреодолимой. Семьи и кланы становились еще шире благодаря *аталычеству*, устанавливавшему связи между различными кланами и социальными группами посредством усыновления чужих детей. Другая давняя традиция заключалась в изгнании объявленных вне закона людей и групп, *абреков*; будучи изгнанными и живя в горах, они совершали бесстрашные набеги на русские поселения. Наконец, такой институт, как *куначество*, создавал нерасторжимые узы гостеприимства между отдельными людьми, и те, кто искал убежища у своих кунаков, часто могли укрыться от российских властей¹⁸.

Народы Северного Кавказа представляли собой конгломерат сильно раздробленных исламских обществ, организованных на основе родства, языка и общей территории. Их социальное устройство отличалось большим разнообразием — от свободных обществ у западных адыгов и чеченцев до более сложных политических объединений на севере Дагестана и в Кабарде. Местные аристократы и дворяне стремились к сохранению и увеличению своей власти, опираясь на обычное право (*адат*), предоставлявшее преимущества элите. Другим средоточием власти были местные мусульманские судьи (*кади*) и ученые (*улемы*),

¹⁸ Более подробная информация об этих и других традиционных институтах Кавказа содержится в последующих главах, а также в кн.: Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Репринтное издание 1882 г. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. 1; Косвен М.О. Этнография и история Кавказа; Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов.

желавшие ограничить применение обычного права в пользу эгалитарных принципов шариата.

К середине XIX столетия Россия уже могла обеспечить нечто вроде *Rex Russica*, гарантируя относительную стабильность и развитие региона. Но христианская колониальная власть, пытавшаяся закрепиться среди кавказского населения при помощи обычного сочетания кнута и пряника, представала в глазах мусульман чуждой и нежеланной. Неудивительно, что именно ислам стал той силой, вокруг которой сплотились все, кто решил сопротивляться захватчикам под зелеными знаменами шейха Мансура в 1780-е годы и трех других имамов — в 1824—1859-м. Лишь после того, как попытки создать устойчивые союзы или исламские государства в регионе потерпели неудачу, на Северный Кавказ начали приходить современные идеи этнической и национальной идентичности и он постепенно стал втягиваться в орбиту Российской империи.

МЕТОДЫ ЗАВОЕВАНИЯ И КОЛОНИЗАЦИИ

Российское завоевание Кавказа было систематическим. В отличие от персов, периодически посылавших в регион военные отряды, служившие опорой их временному доминированию, или турок, чьи случайные военные кампании не ставили иных целей, кроме обеспечения непрерывного потока дани и рабов в Крым и Стамбул, российское правительство предприняло всестороннюю колонизацию региона, разместив гарнизоны в многочисленных крепостях, направив в новопостроенные города чиновников, купцов и священников и поощряя переселенцев оседать на земле и обрабатывать ее.

К середине XIX века, почти через три столетия после первой попытки России завоевать и колонизировать Северный Кавказ, регион под воздействием российской политики существенно изменился. Большинство перемен произошло в первой половине XIX века. Изменились географические условия: поменялось течение рек, девственные леса повсеместно вырубались, а там, где раньше находились пастбища, разместились крепости, поселения, промышленные предприятия и курорты. Местная экономика стала в большей степени зависеть от русских товаров и денег. Широкомасштабная работорговля была формально уничтожена, хотя детей и женщин нередко продавали представителям российских властей, обрекая на неволю по ту сторону границы. Традиционные законы все больше подпадали под влияние

российского законодательства, а некоторые народы начали переосмысливать свою идентичность, исходя из современных представлений об этничности. Наконец российская политика создала колониальную ситуацию, послужившую катализатором, усилившим социальные противоречия между местной знатью и простыми людьми, а также между различными группами местной знати. В итоге в северокавказских обществах возникли две резко противоположные партии: про-русская и происламская, а следовательно, антирусская.

Как и в других краях, российская экспансия в регионе началась с установления косвенного управления — с подкупа местной знати и манипулирования местными группами в попытке добиться политической лояльности населения региона. К концу XVIII столетия растущая численность русских войск, прибытие колонистов и заинтересованность коренных жителей в торговле с Россией позволили перейти к прямому управлению захваченной территорией и покоренными народами.

В начале 1790-х годов правительство решило, что пришло время упрочить российскую власть на Кавказе, введя новую систему правосудия. Как считала Екатерина II, одной военной силы недостаточно, чтобы покорить горцев: «Не единою силою оружия подлежит побеждать народы, в неприступных горах живущие и имеющие в оных горах от войск наших убежище, но паче правосудием и справедливостью смягчать, выигрывать сердца и приучать их более общаться с русскими». В XIX веке некоторые правительственные чиновники продолжали считать осторожное, поэтапное изменение местных законов и обычаев единственным способом, которым «туземные племена нечувствительно могут достигнуть со временем до желаемого нравственного и гражданского развития»¹⁹.

Пытаясь ввести российские правовые и административные нормы, власти создали родовые и пограничные суды. Родовые суды, состоявшие из выборных представителей местной аристократии, дворянства и части духовенства, руководствовались адатом. На их решения можно было подавать апелляцию в пограничный суд, располагавшийся

¹⁹ Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII—XIX в. Ростов-на-Дону: СКАГС, 2001. С. 147; Маремкулов А.Н. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII — начале XIX века. Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 110. См. также различные эссе в кн.: *Rechtspluralismus in der Islamischen Welt. Gewohnheitsrecht zwischen Staat und Gesellschaft* / Hrsg. M. Kemper und M. Reinkowski. Berlin: Walter de Gruyter, 2005.

в Моздоке, состоявший как из местных, так и из российских представителей и находившийся под председательством моздокского военного коменданта. В конечном же счете пограничный суд относился к юрисдикции астраханского генерал-губернатора и подчинялся ему. Несмотря на символическое участие местных жителей в каждом из судов, все важнейшие решения принимались российскими властями. Новая судебная система функционировала именно так, как и было задумано правительством, — в качестве едва замаскированного орудия российского владычества.

Вероятно, российские власти не вполне осознавали всю степень вреда, которую нанесли отношениям России с местным населением новые суды и новые законы. Мусульманское духовенство и шариатские суды потеряли возможность выносить решения. Кроме того, была принята серия мер, сильно ограничивших традиционные права светских элит: они должны были получать специальные разрешения, чтобы перемещаться с места на место, созывать собрания или оказывать гостеприимство и предоставлять убежище чужакам. Другими словами, российское правительство восстановило против себя как религиозные, так и светские элиты.

Члены судов стали чиновниками, получающими жалованье, а значительная часть элиты была подкуплена чинами и привилегиями; местные жители чем дальше, тем больше считали родовые и пограничные суды орудием российской колонизации. Выборы в родовые суды обычно проводились после размещения русских войск среди местного населения и проходили под угрозой применения силы²⁰.

В 1807 году, в самый разгар длительных войн с Персией и Османской империей, произошла серия восстаний, вынудившая российские власти заменить родовые суды на *мехкеме*. Состоявшие из местной светской элиты и мусульманских судей, суды мехкеме выносили решения преимущественно на основе шариата, и никакая апелляция к российским властям не позволялась. Учреждение мехкеме означало временный отказ от русификации Кавказа.

В 1822 году, продолжая свое постепенное, но упорное завоевание региона, Ермолов сообщил о новом наступлении на мусульманские учреждения: был запрещен хадж (паломничество в Мекку и Медину), а на смену мехкеме пришел Кабардинский временный суд, включавший элементы адата, шариата и русского законодательства. Члены этого суда уже не выбирались, а назначались российскими властями. Новый суд,

²⁰ АКАК. Т. 4. С. 341 (№ 1272).

временный юридический и административный орган, имевший задачу управлять кабардинцами, вмешивался в их дела куда больше, чем это делалось во время предыдущих российских попыток установить власть империи в регионе. Но, несмотря на свое название, этот суд оказался куда более долговечным, чем входило в намерения Ермолова. Он просуществовал до 1858 года, когда на смену ему пришел другой гибридный суд, получивший название народного и наделенный более четко очерченными судебскими функциями²¹.

На протяжении всего этого периода российское руководство имело лишь отрывочные и неполные представления как об адате, так и о шариате. В 1841 году местные военные власти предложили создать сборник обычного права народов Северного Кавказа и перевести его на русский язык вместе с шариатом. Спустя четыре года были собраны и снабжены примечаниями первые адаты. В 1847 году капитан М.Я. Ольшевский, имевший задачу систематизировать адаты Северного Кавказа, был вынужден признать, что работа остается незаконченной, а некоторые из его описаний, вероятно, ошибочны. В 1849 году другой капитан Генерального штаба в Тифлисе, барон К.Ф. Сталь, снабдил комментариями большой сборник адыгских адатов. Тем не менее в целом процесс сбора адатов шел медленно и продолжался до 1860-х годов. Управленцы по-прежнему были знакомы с адатным правом и шариатом лишь поверхностно и в попытках разобраться в хитросплетениях местных законов рассчитывали на помощь русифицированной местной элиты²².

Однако Россия восстанавливала против себя северокавказскую знать не только различными попытками усилить влияние имперского законодательства, но и политикой поощрения миграции местных простолудинов во внутренние российские губернии. На протяжении всего XVIII столетия подобные мигранты наделялись землей, обращались в христианство и оставались в России — несмотря на настойчивые обращения местной аристократии к властям с просьбой об их возвращении. В 1770-е годы правительство решило успокоить знать и пообещало возвращать беглецов или выплачивать местным дворянам компенсации за тех, кто остался во внутренних областях России. И все же в начале XIX века многочисленные крестьяне и группы крестьян

²¹ *Маремкулов А.Н.* Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе. С. 108—130; *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе. С. 148—161; *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. С. 133.

²² *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. С. 73—94.

продолжали искать и получать убежище по другую сторону границы. Им предоставлялось освобождение от налогов и разрешение селиться на земле и обрабатывать ее.

Решение вбивать клин между аристократией и простыми людьми было очень спорным. Простые люди собирались в нерегулярное ополчение, в то время как аристократическая кавалерия являлась эквивалентом профессионального войска, и некоторые русские военачальники считали, что ссориться с местной аристократией неразумно. Одна из рекомендаций сводилась к тому, чтобы отнять у местных жителей их стада, сделать этих людей зависимыми от России, а затем поселить их в глубине русских земель²³.

В то же время власти стремились расколоть местную элиту, поддерживая один народ против другого, одну партию против другой. Многие местные вожди и аристократы обращались за помощью к России, соблазненные многочисленными преимуществами, которые могли получить от сотрудничества с нею. Не будет преувеличением сказать, что в это время большинство внутренних конфликтов в местных обществах прямо или косвенно были связаны с российской политикой на Кавказе.

Впрочем, то обстоятельство, что некоторые вожди становились более лояльными России, чем другие, имело побочные эффекты. Это означало, что российские власти все больше втягивались в местную политику. Они уже не являлись внешними наблюдателями или третьей партией — им приходилось вставать на чью-то сторону. Теперь они были заинтересованной стороной и должны были защищать своих подопечных — отдельных вождей или целые группы — от угрозы со стороны соперников.

Экспансия России и ее стратегия дробления элиты, предоставление убежища как аристократам, так и простолюдинам и в особенности обращение некоторых мусульман в христианство — все это привело к длительному и яростному сопротивлению местного населения. Наиболее известна война Шамиля с Россией, продолжавшаяся с 1829 по 1859 год, но Северный Кавказ бунтовал практически непрерывно на протяжении долгого времени как до Шамиля, так и после него. Начиная с 1760-х годов вспышки насилия и репрессивные меры России против «мятежников» шли циклическими волнами. В 1770-е годы правительство отправило войска на подавление восстаний кабардинцев, чеченцев и ногайцев. В 1780-е оно пыталось подавить восстание

²³ АКАК. Т. 4. С. 860 (№ 1304), 866 (№ 1312).

ейха Мансура (1785—1791), угрожавшее охватить весь регион. В 1790-е среди адыгов распространилась новая волна восстаний междоусобиц.

Несмотря на угрозу со стороны Наполеона и последовавшее французское вторжение, в первое десятилетие XIX века Россия продолжала активно участвовать в кавказских делах. Завершение строительства Военно-Грузинской дороги в 1799 году дало возможность двумя годами позже формально аннексировать Грузию и возобновить деятельность империи в Закавказье. Успешное завершение Русско-турецкой (1806—1812) и Русско-персидской (1804—1813) войн привело к сосредоточению большинства грузинских и азербайджанских территорий в руках России.

Но, хотя российская хватка в регионе становилась все крепче, восстания северокавказских народов продолжались с прежней силой. Серия карательных военных экспедиций с 1806 по 1813 год против различных народов Дагестана — чеченцев, кабардинцев, осетин и адыгов — оставила за собой след крови и разрушений. В 1815 году, когда Наполеон потерпел поражение, а Петербург вновь обрел уверенность в себе и осознание своей миссии, пришло время укрепить российский контроль над Закавказьем и утвердить власть империи над «дикими» народами Северного Кавказа.

Глава 2

ДЕТСТВО АТАРЩИКОВА

Семен Семенович Атарщикова родился в 1807 году в станице Наурской, одном из самых крупных казачьих поселений на Тереке. Семен был настоящим сыном пограничья — казаком в первом поколении, чьи родители в юношеском возрасте покинули свои общины и оказались в России. Его отец был чеченцем из небольшой деревушки по ту сторону Терека, а мать — ногойкой, родичи которой кочевали по степи между реками Терек и Кума. Наш рассказ начинается с отца Семена и его одиссеи, приведшей Атарщикова-старшего из семьи мелкого вождя в русскую армию, где он выполнял обязанности переводчика.

ОТЕЦ

Отец Семена, Измаил, был вторым сыном видного чеченца — сельского жителя из области Борохан, занимавшей небольшую полосу земли к югу от Терека и к западу от устья Сунжи. В то время как Северный Кавказ в целом был спорной пограничной территорией между Российской, Османской и Персидской империями, Борохан (в русском варианте — Брагуны) являлся пограничной зоной, на которую претендовали кумыкские вожди на востоке и кабардинские князья на западе. Область состояла из скопления небольших деревень, в основном заселенных чеченцами, и более крупной кумыкской деревни Борохан. Как это нередко бывает в приграничных землях, жители этой области были двуязычны, смешанные браки встречались здесь часто, и местные чеченцы, жившие в окружении традиционной кумыкской культуры, были в большой степени ассимилированы.

Экспансия Москвы, как обычно, сопровождалась немедленным выставлением претензий на сюзеренитет над всеми встреченными народами, и Брагуны не стали исключением из правила. Хотя Россия включила Брагуны в список «новоприобретенных земель» уже в 1593 году, вплоть до второй половины XVIII века подобные притязания оставались лишь риторическим упражнением по политической

экспансии¹. И даже позже на верность брагунских вождей нельзя было положиться — российским военным властям приходилось брать заложников, чтобы Брагуны оставались «мирной деревней».

Таковы были обстоятельства в конце 1780-х, когда Измаил Атарщиков стал заложником у российских властей в Кизляре. Два события заставляли Россию требовать немедленного предоставления заложников: быстро ширившееся антироссийское восстание под руководством чеченца по имени Ушурма, известного как шейх Мансур, и начало новой войны с Османской империей (1787—1791).

Петербург был очень обеспокоен первоначальными успехами шейха Мансура, призвавшего к джихаду (священной войне) против русских на Кавказе, и тем, что турецкие власти энергично поддерживали его. Но к 1791 году русские победили на обоих фронтах: разгромили восстание шейха Мансура и заставили турок просить мира. Мансур был схвачен, когда русские войска завладели турецкой крепостью Анапа на Черноморском побережье. Он был немедленно отправлен в Петербург и заточен в печально известную Шлиссельбургскую крепость, где и оставался до самой смерти в 1794 году. Все это случится позже, а в 1786-м исход войны был далеко не очевидным, и русские прибегли к освященной веками традиции — потребовали у местных вождей предоставления заложников, рассчитывая обеспечить себе поддержку со стороны кавказских правителей или, что было более реалистично, их нейтралитет.

Взятие заложников являлось стандартной практикой в отношениях России с нехристианским пограничным населением. Обычно заложником (*аманатом*) становился один из наследников вождя по мужской линии. Его отправляли в пограничный русский город и селили на специально построенном «аманатном дворе». Обычно заложники жили в нищенских условиях, фактически на правах заключенных. Считалось, что эта мера позволяла предотвратить враждебные действия местных вождей в отношении России².

Ближе к концу XVIII века российское правительство понемногу стало переходить к более тонким способам осуществления своей власти над нехристианскими народами. Оно по-прежнему брало

¹ Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI — XVII в.: Сборник документов / Сост. Е.Н. Кушева. М.: Восточная литература, 1997. С. 39 (№ 13); Бейтуганов С.Н. Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 15—16.

² Подробнее об институте заложничества см.: Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. P. 56—60.

заложников, но под другим предлогом: теперь сыновья местной аристократии и дворянства направлялись в Россию для получения там образования. Знатных заложников часто отсылали к императорскому двору в Петербург, где они получали образование, приличествовавшее владетельному наследнику. Измаил, сын незначительного вождя, был отправлен в новый пансион для нехристианских мальчиков в Астрахани.

Эта школа была только что основана усилиями астраханского губернатора Петра Кречетникова, рисовавшего в своих мечтах Кавказ, преобразенный цивилизующей дланью российской администрации. Типичный представитель века Просвещения, Кречетников верил, что невежество, воплощавшееся для него в мусульманской религии и варварских туземных обычаях, — важнейшее препятствие на пути к цивилизации, которую он ассоциировал с христианскими и русскими ценностями. Школа должна была познакомить мальчиков с русским образом жизни и подготовить их к военной службе — тогда отпала бы необходимость в самой системе заложников и дети обратились бы в христианство³.

Измаил приехал в Астрахань в возрасте тринадцати лет и был записан в пансион. Школа располагалась в старом одноэтажном здании, выделенном для этой цели губернатором. Оба ее помещения — классная комната и спальня — не отапливались. Четырнадцать учеников в возрасте от двенадцати до семнадцати лет представляли разные народы Кавказа: здесь были калмыки, ногайцы, кабардинцы, кумыки и чеченцы. С мальчиками обращались жестоко, кормили их мало и требовали строгой дисциплины. Умерших учеников было больше, чем окончивших школу⁴.

Измаилу повезло. Он пережил три года обучения в школе, освоив арифметику, русское чтение и письмо и, конечно же, Закон Божий. В возрасте семнадцати лет он обратился в христианство, был крещен под именем Семен и получил фамилию Атарщиков. Фамилии для новообращенных выбирались по-разному. Чаще всего в их основе была русифицированная форма семейного имени, названия этноса или места рождения. Фамилия Атарщиков дословно означала «относящийся

³ Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 316 (№ 220).

⁴ О школах в Дагестане в XIX веке см.: *Каймарзов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М.: Наука, 1971. С. 64—80, 114—118. В 1770 году в школе для местных жителей в Кизляре обучали как русскому, так и татарскому языку. См.: *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: В 3 т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. Т. 1. С. 268.

к пастуху, отарщику» и была образована от названия родной деревни Семена — Отар⁵. Став православным русским христианином, Семен Атарщиков был завербован в армию и приписан к казачьему полку, стоявшему в Моздоке, как переводчик с чеченского и кумыкского языков.

Работа военного переводчика оставляла не слишком много возможностей для личной жизни. Но в последующее десятилетие Атарщиков несколько раз брал отпуск и посещал родную деревню, где все напоминало ему о том, как сильно отличалась его нынешняя жизнь от воспоминаний детства. Его родители и старший брат умерли и были похоронены на местном кладбище. Сестры вышли замуж: одна — за второстепенного кумыкского дворянина из соседней деревни, другая — за терского казака из казачьего поселения по ту сторону Терека. Отец Семена завещал семейную собственность благотворительному фонду (*вакыфу*) при местной мечети. Подобное распоряжение соответствовало благочестивым устремлениям этого человека (возможно, чувствовавшего свою вину за то, что позволил сыну стать русским) и в то же время обеспечивало семье стабильный доход из фонда.

Где-то в первом десятилетии XIX века, в ходе одного из русских военных походов, Семен-старший оказался в Карабудахкенте, далекой кумыкской деревне на берегу Каспийского моря. Именно здесь он когда-то несколько лет жил и учился — до того, как был передан русским в качестве заложника. По традиции мальчиков растили вне родительского дома и воспитанием их занимался приемный отец — *аталык*. Сложные родственные связи привели к тому, что Семен в свое время был отправлен сюда — жить в доме одного из карабудахкентских дворян.

И теперь деревня, уютно расположившаяся в предгорьях Кавказа, по-прежнему была здесь, окруженная знакомыми полями, пастбищами, виноградниками и плодовыми садами. Но растущее присутствие России уже ощущалось и в этом райском уголке. Плодородная земля деревни продолжала давать персики, абрикосы, хурму, виноград и мед,

⁵ Бывшая чеченская деревня Отар, расположенная к западу от Брагунов, ныне известна под названием Новые Брагуны. См.: Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. Нальчик: Эль-Фа, 1997. С. 579. Слово «отар» на нескольких тюркских языках означало «пастбище», а впоследствии стало ассоциироваться с понятием «деревня». В русском языке слово «отара» приобрело значение «стадо овец», а отарщиком/атарщиком в степи называли пастуха, следившего за лошадьми. См.: Шолохов М.А. Тихий Дон // Шолохов М.А. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 4. С. 63—64.

и они во все бóльших объемах продавались в русских городах к северу, а не в персидских — к югу. Особым спросом пользовалась красивая марена, растение, из которого делали ярко-красную краску. Повсюду в обиходе были заметны товары российского производства: ткани, сапоги, различная утварь и предметы роскоши. В деревне появилось даже несколько новых домов, построенных в русском стиле: их возвели приехавшие из России рабочие. Эти дома легко было отличить от местных: в них были жестяные или черепичные крыши, оконные стекла со ставнями и печи.

Многие деревенские жители помнили Семена-старшего прилежным мальчиком, который показывал блестящие успехи в изучении арабского языка и запоминании стихов из Корана. Но сейчас, в своей казачьей униформе, Семен был чужаком, оккупантом, переводчиком для высокопоставленных русских офицеров. Его присутствие в деревне, должно быть, вызывало восторг и испуг одновременно. Кто-то презирал его за то, что он обратился в христианство, другие трепетали, видя произошедшую с ним перемену и достигнутые им успехи. Однако все были заморожены тем новым миром, который он представлял, — малоизвестной, но подступавшей все ближе христианской страной под названием Россия.

После пребывания в Карабудахкенте Семен-старший решил осесть и создать свою собственную семью на новой родине. Путь назад, к обществу, в котором он вырос, был теперь, по-видимому, отрезан. В нем видели русского — вне зависимости от того, кем сам он себя считал. Итак, вскоре после своего возвращения Семен женился на казачке Антонине Урусовой. Она родилась в простой юрте ногайского пастуха и, как и ее муж, лишь недавно познакомилась с русскими нравами и обычаями. Некогда ногайцы составляли могучий кочевой союз, но теперь были рассеяны по всем северокавказским степям и жили в крайней нужде.

Когда Антонине было шесть лет, родители продали ее армянскому купцу в Кизляре. Хотя российские законы и запрещали работорговлю, на практике она оставалась распространенной. Покупка нехристиан была очень прибыльным делом, и многие местные русские чиновники, получая взятки и откаты, закрывали на нее глаза. В Петербурге мнения по поводу невольничьей торговли разделились, в результате чего инструкции многократно менялись, позволяя местным чиновникам, купцам и казакам покупать и обращать в рабство местных жителей, чтобы цивилизовать их и обратить в христианство. На Кавказе было множество обедневших и разорившихся семей, желавших отдать нескольких из своих детей в обмен на деньги, скот или другие ценности.

Антонина, покинув семью в юном возрасте, так и не вернулась к своему ногайскому прошлому. Поэтому она в большей степени чувствовала себя христианкой, чем ее муж, сохранивший детские воспоминания, родной язык и связи с семьей и деревней. Именно в этой семье урожденного чеченца и урожденной ногайки в 1807 году родился Семен-младший. Произошло это в казачьем пограничном поселении под названием станица Наурская.

НАУРСКАЯ

Наурская отнюдь не была заурядной казачьей *станцией*. Это было одно из первых казачьих поселений в степи, выстроенное между 1642 и 1645 годами на северном берегу Терека. Дата создания маленького казачьего укрепления с двадцатью—тридцатью защитниками так и осталась бы неизвестной, если бы казаки не решили ограбить представителя кабардинской знати, направлявшегося в Терский город на военную службу царю.

Камбулат Пшимахович Черкасский и его свита из восьми узденей едва сумели спастись, когда на их лагерь неподалеку от станицы Наурской напал отряд казаков. Их кони, доспехи и оружие (луки и колчаны) были захвачены, а один уздень убит. Когда Камбулат обратился к военному руководству Терского города с просьбой провести расследование и вернуть награбленное, ему ответили, что не решаются иметь дело с казаками, опасаясь рассердить их. Тогда знатный кабардинец послал царю челобитную, в которой просил задержать казачьих главарей и представить их к допросу, что в то время означало подвергнуть пытке. На обороте полученной челобитной царь написал приказ: для установления истины предать главарей пытке и вернуть награбленное кабардинскому вельможе и его людям⁶.

Небольшие группы казаков жили в кавказских предгорьях у Терека (на Гребенских высотах) уже с 1580-х годов. А к середине XVIII столетия по левому берегу Терека расположились российские военные укрепления и казачьи станицы. Наурская значительно выросла в 1765 году, когда сюда были переведены несколько сотен волжских казаков⁷.

⁶ Кабардино-русские отношения. Т. 1. С. 256—257 (№ 159), 215 (№ 142), 302 (№ 193).

⁷ Броневский С.М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана

Военное и торговое значение Наурской сделало ее желанной целью нескольких военных походов, состоявшихся в конце XVIII века. В 1774 году станицу осаждала большая армия крымских татар, но жители сумели устоять, несмотря на огромное численное превосходство нападавших. По некоторым свидетельствам, чрезвычайную храбрость во время этой отчаянной обороны проявили казачьи жены — они расположились на крепостных стенах, окружавших поселение, и обливали нападавших кипятком, а тех, кто сумел взобраться на земляной вал, рубили серпами. Когда превратившийся в легенду рассказ о героической обороне Наурской достиг Петербурга, Екатерина II выделила женщинам станицы за их беспримерную отвагу пожизненные пенсии. Отныне в годовщину осады жители Наурской праздновали Женский день: раз в году женщины получали полную власть над мужчинами⁸.

Но эта станица была славна не только военными доблестями и отвагой ее защитников. К началу XIX века она стала важнейшим региональным центром. От других казачьих городов и крепостей ее отличали торговые и ремесленные связи с территориями по ту сторону границы. Наурская ярмарка была одной из самых крупных — мало-помалу на нее начали приезжать со всего Северного Кавказа. Например, в 1837 году в станицу приехали 6,5 тыс. чеченцев, ингушей, кумыков и других кавказских сельских жителей, которые купили товаров на 39 тыс. рублей.

Торговля всегда играла важную роль в российской стратегии, имевшей целью сделать местное население зависимым от России. Торговля с горцами строго регламентировалась. Запрещены были все товары, которые потенциально можно было превратить в оружие или использовать в качестве такового: железо, сталь, порох, огнестрельное оружие, золото и серебро. Начиная с 1810 года торговля проводилась на специально выстроенных *меновых дворах* на окраине русских пограничных городов под надзором русских чиновников. Горцы привозили на рынок сырье (шкуры, кожи), лошадей, местные ткани и ремесленные изделия; они имели право обменивать свои товары на другие, но не продавать. В ответ они стремились получить текстиль, сахар, зерно, мыло, бумагу,

Васильевича доныне / Ред. И.К. Павлова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. С. 103.

⁸ В 1785 году станица Наурская вновь устояла против большого кабардино-чечено-кумыкского отряда, опустошавшего российское пограничье во время восстания шейха Мансура. См.: Там же. С. 114, 127—128; Торнау Ф.Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XX, 2002. С. 288.

зеркала, другие самые различные промышленные товары из России. Наиболее ценным товаром была, безусловно, соль, продававшаяся по чрезвычайно завышенной цене из-за государственной монополии на торговлю этим продуктом.

К середине XIX столетия промышленность станицы Наурской, до той поры зачаточная, стала быстро развиваться из-за выросшего спроса на нефть, которая была обнаружена в природных скважинах неподалеку от крепости Грозной. Наряду с Моздоком Наурская стала важнейшим центром очистки и перегонки нефти. К 1855 году объем добычи нефти в этих скважинах достиг примерно 1,4 тыс. баррелей в год⁹.

Когда путешественник, ехавший на Кавказ в начале XIX века, прибывал в станицу Наурскую, он не мог не заметить, что достиг дальней окраины России. Наурскую нельзя было перепутать с каким-либо русским городом или деревней. Станица была выстроена без какого бы то ни было плана. Дома, не имевшие ни дворов, ни заборов, представляли собой дымные лачуги, украшенные иконами в медных окладах. На стенах в сенях висели ружья, сабли, седла, сбруя и другие предметы, необходимые при казачьем образе жизни. Сундуки и лари для хранения вещей размещали на широких и низких скамьях, которые, помимо прочего, выполняли функцию кроватей. На скамьях лежали матрасы и подушки в клетчатых, яркой расцветки шелковых наволочках.

В интерьере домов и их хаотичном расположении угадывалось влияние местных традиций и стиля — следствие нескольких столетий контакта с культурами Кавказа. Особенно бросалась в глаза одежда обитателей этой пограничной станицы. Подобно кавказцам, казак носил суконный кафтан (*чекмень*), а женщина — длинное платье (*сарафан*) с короткими рукавами, подпоясанное шелковым поясом (*кушаком*). Чтобы обеспечить себя пищей, казаки возделывали сады, занимались рыбной ловлей и выращивали скот. Лошадей и скот держали в загонах на окраинах станицы под охраной сторожей-казаков¹⁰.

Общее число жителей Наурской составляло около 2 тыс. человек — это было одно из крупнейших казачьих поселений, уступавшее лишь таким региональным центрам, как Кизляр, Моздок и Ставрополь. Подобно другим пограничным населенным пунктам, станица находилась в окружении многих культур, посреди смешения народов, языков и обычаев. Тем не менее в разных городах наблюдался разный этнический состав населения. К примеру, неславянское население Моздока,

⁹ История народов Северного Кавказа. Т. 2. С. 75, 79—85.

¹⁰ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. С. 246—247.

состоявшее в основном из нескольких сотен грузин, армян и греков, было размещено в этом городе для развития различных ремесел. Нерусские жители Наурской обычно являлись новообращенными христианами, происходившими из соседних народов: чеченцев, кумыков и ногайцев. Кроме того, в ней было много гостей из соседних аулов. Прямо на противоположном берегу Терека находилось несколько аулов, заселенных в 1780-е годы чеченцами, спустившимися сюда с гор. Многие казаки и чеченцы становились кунаками, завязывали дружбу и часто навещали друг друга¹¹.

Как и другие казачьи станицы на Северном Кавказе, Наурская была миниатюрным плавильным котлом, в котором русско-украинские традиции, принесенные сюда донскими и волжскими казаками, смешивались с обычаями местного населения, создавая особую культуру северокавказских казаков. Вместе с тем происходившие из различных народов и терпимо относившиеся к чужим обычаям и языкам наурские казаки обладали важнейшей общей идентичностью: они были православными христианами.

Несмотря на этот факт, казаки относились к религии с удивительным безразличием. Их интерес к христианству ограничивался висевшими в домах иконами и празднованием христианских праздников. Единственная церковь в станице чаще всего пустовала. И тем не менее они считали себя добрыми православными, поэтому всякому, кто желал стать казаком и поселиться в станице Наурской, необходимо было отказаться от своей веры и перейти в христианство. Другими словами, плавильный котел был отчетливо христианским¹².

КАЗАЧЬЕ ДЕТСТВО

Ранние годы жизни Семена-младшего, проведенные в станице Наурской, вначале ничем, казалось, не отличались от детства других казачьих детей. Он занимался тем же, что и другие мальчики: учился ездить верхом и обращаться с ружьем и саблей, ловил рыбу, помогал в уходе за скотом, в работе по дому и терпеливо ждал возвращения

¹¹ Документы по взаимосвязям Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке / Сост. В.Н. Гамрекли. Тбилиси: Издательство АН Грузинской ССР, 1968. С. 202 (№ 57); Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Т. 2. С. 112.

¹² Подробнее о терских казаках см.: Заседателева Л.Б. Терские казаки: Историко-этнографические очерки. М.: Издательство МГУ, 1974; Barrett T.M. At the Edge of Empire.

отца из бесконечно длившихся военных походов. Семен осознавал, с каким уважением относятся к его отцу другие казаки, Семен-старший принадлежал к числу немногочисленных грамотных казаков: он мог читать, писать и, кроме русского, говорил на нескольких местных языках. Именно отец познакомил сына с азбукой и к семи годам научил основам чтения. Лишь немногие мальчики в станице могли похвастаться умением читать в столь юном возрасте — это были сыновья писаря, казначея и казачьего атамана.

Но, когда Семену исполнилось восемь, его жизнь внезапно изменилась самым решительным образом. Отец решил, что пришло время отправить сына жить по ту сторону границы — чтобы он не забыл полностью язык и культуру своих предков. Это решение было не столь удивительным, как может показаться, поскольку опиралось на старинный обычай, широко распространенный в то время среди большинства северокавказских народов (и уже упоминавшийся вскользь в этой книге): дворянин отдавал своего сына, а порой и дочь на воспитание кому-нибудь из своих служителей либо другому дворянину из иного клана или народа. Ребенок мог воспитываться в возрасте от семи до тринадцати лет в семье такого человека, который становился его аталыком — кем-то средним между приемным отцом, опекуном и гувернером (в различных формах подобный обычай существовал во многих культурах).

Стать аталыком было честью, и нередко несколько кандидатов оспаривали право поселить ребенка у себя. Кроме того, аталык мог рассчитывать и на более ощутимые выгоды, чем честь. Он получал щедрое вознаграждение от отца ребенка и вместе со своей семьей становился его родичем. Аталычество позволяло расширить критически важный круг друзей и союзников, поскольку ребенок, росший с аталыком, приобретал приемного отца и братьев (их называли *имелдеи* — молочными братьями)¹³.

Старший Семен не стал придерживаться, скажем так, буквы обычая. По правилам кумыков — у чеченцев, по-видимому, этого обычая не было — мальчик должен был получить аталыка вскоре после своего рождения или в возрасте трех-четырех лет, а не восьми. Но сам факт, что Семен-старший решил вырастить своего сына в соответствии с местной традицией, говорит о сохранении связей новообращенного

¹³ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. С. 104—125. По всей видимости, иногда аталык мог быть христианином: известен аталык-армянин. См.: Bell J.S. *Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838, and 1839*. 2 vols. London: E. Moxon, 1840. Vol. 1. P. 288.

казака с коренным населением Кавказа. Кроме того, российские власти не возражали против этого решения, что красноречиво свидетельствует об их понимании того, насколько неустойчивым и непрочным оставалось самоопределение людей в пограничных районах.

Возможно, Семен нашел бы аталыка для сына и раньше, если бы жизнь на Кавказе была более спокойной. Но в первое десятилетие XIX века весь регион погрузился в войну. В 1804 году восточная часть Кавказа, в особенности Дагестан, стала главным театром военных действий в очередном конфликте между Российской и Персидской империями. Спустя два года началась война между русскими и турками в западной части Северного Кавказа. Военные действия продолжались вплоть до 1812 года, когда Петербург, ожидавший наполеоновского вторжения, оказался перед необходимостью заключить мир на Кавказе. В мае 1812 года был подписан мирный договор с Османской империей в Бухаресте, а годом позже — с Персией в Гюлистане. Гюлистанский мирный договор подтверждал власть России над большей частью западного побережья Каспийского моря, включая Дагестан и значительную часть Азербайджана.

Лишь к 1815 году жизнь стала достаточно безопасной, чтобы Семен мог отослать своего сына. Некоторое время он потратил на то, чтобы убедить жену, непривычную к подобной практике. Семену-младшему предстояло провести семь лет вдали от дома, в Карабудахкенте, большой и процветающей кумыкской деревне, где тридцатью годами раньше Семена-старшего растил его аталык.

Более того, аталыком мальчика должен был стать не кто иной, как Арслан-бек, правитель Карабудахкента. Как правило, аталык занимал более скромное социальное положение, чем отец его воспитанника. Но положение Семена-старшего было весьма нетипичным. Он сопровождал высокопоставленных русских офицеров во время важнейших миссий и чувствовал себя одинаково уверенно как среди русских, так и среди кумыков. Он несколько раз посещал эти края, и Арслан привык доверять ему — человеку, выполнявшему незаменимые функции переводчика и посредника. В знак уважения к роли Семена в успешных переговорах с русскими Арслан предложил себя в качестве аталыка для его сына.

В мае 1815 года, когда все приготовления к отъезду Семена-младшего были закончены, несколько узденей Арслана приехали для сопровождения мальчика в Карабудахкент. Как было предусмотрено обычаем, Семен-старший устроил пир, пригласив соседей и друзей-казаков отпраздновать начало важнейшего ритуала взросления своего

сына. Ожидалось, что мальчик вернется через семь лет — взрослым мужчиной, умелым в военных искусствах, закаленным в трудностях, знающим языки и образ жизни коренных народов Кавказа.

ОТЪЕЗД

В конце весны 1815 года небольшой отряд отправился с восьмилетним Семеном в Карабудахкент. Без лишних задержек такой путь занимал три дня. Дорога, начинавшаяся от станицы Наурской, вилась вдоль северного берега реки Терек; здесь они могли путешествовать под защитой Моздокской укрепленной линии, растянувшейся от Моздока до Кизляра. Через пятьдесят километров по этой дороге располагалась следующая крупная казачья станица, Червленная. Она была основана на месте, где раньше находился ногайский летний лагерь, рядом с важнейшим бродом через Терек.

Брод находился в трех километрах ниже по реке, его охранял небольшой казачий пост. Проверив бумаги путешественников, казаки переправили отряд через быстрые и мутные воды Терека, разлившегося в этом месте примерно на 400 метров. По другую сторону Терека мир казачьих станиц и постов, охранявших реку, сменился чеченскими аулами, разбросанными посреди полей и густых лесов кавказских предгорий. Теперь Семен и его спутники пересекли границу. Российское правительство издавна заявляло о своем сюзеренитете над землями и народами области к югу от Терека и заставило Персию по договору 1813 года признать этот сюзеренитет. Фактически же Терек и Моздокская линия продолжали оставаться южной границей Российской империи.

Переправа через Терек дарила путешественнику желанный отдых. Позади оставалась суровая, бесплодная Ногайская степь, лежавшая к северу от Терека и казавшаяся бесконечно монотонной. Эту степь не случайно называли *солончаками* или солеными землями: почва здесь была крайне сухой и соленой, а единственным источником воды являлись глубоко вырытые колодцы¹⁴. Теперь, после переправы, суровый пейзаж сменялся густыми лесами, украшавшими правый берег Терека. Казачьи города и станицы всегда зависели от поставок дерева из лесов по ту сторону реки и были вынуждены заключать соглашения с местными чеченскими аулами¹⁵.

¹⁴ Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. С. 613—624.

¹⁵ Barrett T.M. At the Edge of Empire. P. 31, 61; Маремкулов А.Н. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе. С. 108—130; Малахова Г.Н.

Переправа через Терек означала и конец относительной безопасности, которую обеспечивало российское пограничье. Конечно, и на российских приграничных территориях было немало разбойников: многие казаки предпочитали суровую жизнь разбоя и свободы более предсказуемой оседлой жизни казачьих станиц. Но по ту сторону Терека риск подвергнуться нападению из засады и грабежу был куда сильнее. Северный берег реки являлся частью Российской империи, суверенного централизованного государства, пытавшегося осуществлять контроль над происходящим и применять имперские законы. Разбой был преступлением — разбойников следовало ловить и наказывать. А вот земли, лежавшие к югу от Терека, представляли собой скопление свободных чеченских деревень, кумыкских аулов и городов, находившихся под номинальной властью местных вождей. Многие из местных жителей, в особенности чеченцы, считали разбой не преступлением, но проявлением доблести, мужества и военного искусства.

Первозданные дубовые и буковые леса, тянувшиеся от Сунжи до Терека, кишели беглецами — кумыками, чеченцами и казаками¹⁶. Долина реки Сунжи уже давно служила предметом спора между кабардинскими князьями и кумыкскими беками. В XVIII веке кабардинцы были вынуждены отказаться от своих притязаний на земли за Сунжей, и река стала границей между Малой Кабардой на западе и кумыками и чеченцами на востоке.

В трех километрах к западу от устья Сунжи отряд, сопровождавший Семена-младшего, достиг первого безопасного убежища — уже знакомого нам большого кумыкского аула Борохан, который русские называли Брагунами. Расположенный на склонах одноименного горного хребта, аул Брагуны находился на западной окраине кумыкских поселений, в непосредственном соседстве со скоплением чеченских деревень несколькими километрами выше по Сунже. Здесь располагался Отар — деревня предков Семена. К началу XIX века жители Брагунской области оказались вблизи от рубежей России, что мешало им бесчинствовать по ту сторону границы.

Большая дорога (Уллу йол) проходила по северным склонам Брагунского хребта. Рядом с ней еще виднелись остатки некогда глубоких рвов. Согласно легенде, это была древняя дорога, использовавшаяся

Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе. С. 148—161; Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. С. 133.

¹⁶ Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. С. 579—580, 613—615.

еще в XV веке, во времена знаменитого завоевателя Тимура. Она была известна и под названием «Османская дорога», поскольку в конце XVI века по ней продвигались турецко-крымские армии, пересекавшие Северный Кавказ на пути из османского порта Азак (Азов) к берегам Каспийского моря. Они сумели завладеть северными персидскими провинциями Дербент, Шемаха, Баку и Тебриз, но эти успехи оказались недолговечными¹⁷. К началу XVII века Турция была вынуждена покинуть регион и отказаться от масштабных планов по контролю над каспийскими берегами.

Остался здесь след и преждевременных амбиций другой империи — развалины двух русских крепостей. Терский город в 1560-е и 1570-е годы был дважды построен, а затем покинут; Сунженский острог был трижды построен и затем, в XVII веке, покинут. Зловещее безмолвие окружало эти руины: они свидетельствовали об упорстве России и о том, что, хотя вот уже несколько столетий русские периодически появлялись в здешних краях, Кавказ и его народы продолжали противостоять имперским замыслам России и не склонились перед ее властью.

Отряд, сопровождавший Семена, переправился через Сунжу в месте, известном как Тимуров брод. Река здесь была неглубока, а дно ее устилали камни. Подобно дороге, этот брод связывали с именем Тимура, который, как считалось, приказал соорудить подобные переправы, чтобы его тяжелогруженные верблюды могли спокойно переправиться через реку. На протяжении последующих двадцати километров дорога пересекала несколько чеченских сел и дошла до реки Аксай. Река, берущая начало в горах Салатау, несет свои воды на северо-восток, через негостеприимную Ногайскую степь, а затем сдается, так и не достигнув широко раскинувшегося Терека, и исчезает посреди бесплодной степи и песчаных дюн¹⁸.

Переправившись через Аксай, отряд оказался в центральной части кумыкских земель, состоявшей из четырех княжеств: Брагуны на западе, Аксай на северо-западе, Костек на северо-востоке и Эндери на юго-востоке. На протяжении столетий российские чиновники считали жителей этих четырех областей настоящими кумыками, а остальных, находившихся дальше к востоку, называли засулакскими кумыками (т.е. живущими за рекой Сулак). В наше время четыре бывших

¹⁷ Кабардино-русские отношения. Т. 1. С. 89 (№ 56).

¹⁸ Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. С. 571—590; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Т. 1. С. 129.

княжества составляют Хасавюртовский район, а местный диалект, наряду с буйнакским, является основой литературного кумыкского языка¹⁹.

Русские обычно называли центры упомянутых княжеств термином «деревня», хотя некоторые из этих поселений были весьма велики. В городе Костек, к примеру, было 650 дворов, или около 3,5 тыс. жителей, а в Аксае, где имелось 800 дворов, жило не менее 4 тыс. человек. Для сравнения: в станице Наурской, где родился Семен, было около 260 дворов и двухтысячное население. Самым крупным и важным из кумыкских городов являлся Эндери, насчитывавший 1,5 тыс. дворов, или примерно 7,5 тыс. жителей. Уступая по размерам Кизляру (20 тыс. человек), он превосходил численностью населения все остальные русские города на Кавказе, в том числе Моздок (4 тыс. человек) и Ставрополь. Тем не менее русские продолжали называть Эндери деревней и переделали кумыкское название (буквально «место молотбы пшеницы») в созвучное русское — Андреев²⁰.

ЭНДЕРИ

100 километров пути от берегов реки Аксай до кумыкского города Тарки, расположенного на берегу Каспийского моря, пролегали по Кумыкской плоскости вдоль северных отрогов горного хребта Салатау, вершины которого достигают высоты 2500—2700 метров. Здесь почва была менее плодородной, леса встречались реже, а болота — чаще. Перед тем как переправиться через реку Сулак, отряд, сопровождавший Семена, остановился в Эндери. В прошлом этот цветущий кумыкский город был важнейшим центром торговли и участником политических игр на Северном Кавказе.

У обитателей Эндери, как и у других жителей Кавказа, отношения с быстро продвигающейся в глубь региона Российской империей были

¹⁹ Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в.: Сборник документов / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988. С. 223; Кумыки // Народы Кавказа: В 2 т. / Ред. М.О. Косвен. М.: Издательство АН СССР, 1960. Т. 1. С. 421.

²⁰ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. М.: Наука, 1974. С. 270; Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. С. 74. Для сравнения заметим, что население Тифлиса, резиденции грузинского царя, в 1803 году составляло, по оценке исследователей, 3 тыс. дворов, или 15 тыс. жителей (Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Т. 2. С. 340 [№ 1]). См. также: Берже А.П. Чечня и чеченцы. Репринтное издание 1859 г. Грозный: Книга, 1991. С. 100.

противоречивыми. Они, с одной стороны, легко приносили присягу и предоставляли заложников, когда желали получить выгоду от военных и экономических связей с Россией, а с другой — охотно нападали на русские отряды и поселения, когда представлялась удобная возможность. Русские войска не щадили Эндери. Они сожгли этот город в 1591 году и несколько раз осаждали его в XVII веке. Во время военного похода Петра I в 1722 году русская армия сровняла Эндери с землей, методично разрушив имевшиеся в городе 3 тыс. дворов. В скором времени Эндери отчасти возвратил себе прежнюю торговую значимость, но в полной мере так и не оправился²¹.

В то время, когда отряд, сопровождавший Семена, въехал в Эндери, это еще был шумный город и крупнейший нероссийский рынок в данной части Кавказа. С конца XVI века здесь находился самый большой рынок рабов во всем регионе. Представители кавказских народов — кумыки, чеченцы и аварцы — приходили в Эндери, чтобы обменивать рабов на лошадей, доспехи и другие ценные вещи, а многие отчаянно нищие семьи продавали здесь своих детей.

Прежде всего Эндери был известен как важнейший международный рынок рабов-пленников: здесь продавались захваченные в плен адыги, славяне, грузины и армяне. Персидские купцы покупали рабов, которых позже перепродавали на рынках Дербента и Шемахи. Турецкие и крымские купцы везли рабов из Эндери в порты Азак и Каффу (в Крыму), пока основной центр работорговли не переместился в Анапу и Сухум-Кале на берегу Черного моря. Возможно, именно Эндери имел в виду османский путешественник XVII века Эвлия Челеби, когда с присущей ему страстью к преувеличениям описал региональную ярмарку, каждой весной притягивавшую купцов со всего мира и продолжавшуюся сорок дней²².

²¹ В 1741 году, по оценке одного из путешественников, шотландского хирурга Джона Кука, в Эндери находилось от 300 до 400 дворов: *Cook J. Voyages and Travels through the Russian Empire, Tartary, and Part of the Kingdom of Persia*. Edinburgh, 1770. Reprint. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1997. Vol. 2. P. 260. См. также: *Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века*. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 278, 287; *Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа*. Т. 1. С. 21—23, 129; *Броневский С.М. Историческая выписки*. С. 42, 67.

²² *Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа*. Т. 1. С. 166; *Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией*. С. 106. См. исследование османской работорговли: *Toledano E.R. The Ottoman Slave Trade and Its Suppression, 1840—1890*. Princeton: Princeton University Press, 1982.

Требования России прекратить работорговлю на Кавказе не возымели особого эффекта. В 1763 году правительство прибегло к новой мере, приказав подвергать телесным наказаниям тех кавказских купцов, ведущих дела в русских городах, которые были уличены в торговле невольниками. В 1804 году Россия запретила работорговлю на Северном Кавказе и на берегу Черного моря. Но ни одна из этих мер не имела успеха, поскольку работорговля была самым прибыльным занятием на Кавказе. В первой половине XIX века цены на черкешенок варьировались от 200 до 800 рублей, привлекательную молодую женщину могли продать за 800—1500, а мальчика — за 200—500 рублей.

Попытки русских прекратить работорговлю увенчались успехом лишь в результате российской военной экспансии на Кавказе. Эндери оставался важнейшим рынком рабов вплоть до 1819 года, когда вблизи от него была заложена новая русская крепость Внезапная, позволившая российским военным властям провести свой запрет в жизнь. Конечно, русское начальство было в первую очередь обеспокоено судьбой рабов-христиан, продаваемых нехристианам. Российские власти закрывали глаза на продажу нехристианских пленников русским, а часто и поощряли ее. Русская борьба с рабством была в большей степени продиктована заботой о христианах, чем более глубоким нравственным чувством²³.

Отряд, с которым ехал Семен, переночевал в одном из многочисленных караван-сараев Эндери — гостинице, предназначенной для купцов, путешествующих с многочисленными вьючными животными. На следующее утро взрослые и мальчик встали рано — чтобы помолиться в местной мечети и ненадолго посетить шумный базар. Здесь они купили русские ткани, шелк низкого качества, сделанный в казачьей станице Шелковской, а также несколько сундуков, зеркал, ножиц, чугунных горшков и другие товары, ценившиеся в аулах²⁴.

Теперь путешественники были готовы преодолеть короткий отрезок пути, отделявший их от города Тарки. От Эндери они поехали по извилистой дороге, повторявшей изгиб Кавказского горного хребта, вплоть до Тарки, главной резиденции *шамхала*, правителя кумыков.

²³ История народов Северного Кавказа. Т. 2. С. 38—39, 78—79, 109; Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. P. 207—208. В отличие от русского абolicционизма англо-американский опирался на общие моральные и религиозные принципы. Роль России в отмене работорговли на Кавказе рассматривается в кн.: Kurtynova-D'Herluggan L. The Tsar's Abolitionists: The Slave Trade in the Caucasus and Its Suppression. Leiden: Brill Academic Publishers, 2010.

²⁴ Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 245—248 (№ 181).

ТАРКИ

Этот город был основан в XIV веке и, как считается, на том самом месте, где некогда стоял Семендер, древняя столица хазар, господствовавших на Кавказе в VI—X веках. Тарки строился с таким расчетом, чтобы лучшим образом использовать его природные условия в оборонительных целях²⁵. Основная часть города, занимавшая территорию в форме круга, располагалась на крутом склоне горы над Каспийским морем. Семен и его спутники въехали через единственные городские ворота и оказались на узких улочках, ведущих на гору. Эти улочки были настолько узкими, что два всадника не могли проехать по ним бок о бок. В городе путешественники увидели великое множество мельниц, построенных на многочисленных источниках и ручьях, низвергавшихся с горы.

Примерно 1,5 тыс. домов были вырублены в скале и хорошо защищали жителей от захватчиков — город оставался практически неприступным вплоть до появления турецкой и русской артиллерии. В пригородах Тарки располагались обширные кладбища, неприятельские могильные плиты которых сообщали имена умерших.

Оставив позади мечеть и жилые дома, отряд двигался вверх по склону горы, пока всадники не заметили на ее вершине сторожевую башню и большой дом. Это была резиденция шамхала. Три столетия раньше, в XVI веке, шамхал по-прежнему был типичным крупным средневековым сеньором. Он жил в большой резиденции, обнесенной стенами, с каменными и деревянными домами. Башня и резиденция возвышались над поселением, которое лежало ниже по склону горы. Жители поселения возделывали ближайшие долины, взамен получая защиту со стороны шамхала. В конце 1500-х годов личная свита этого сеньора составляла около 200 всадников. Когда ему удалось объединить вокруг себя вождей соседних городов и деревень, он мог выставить в поле могучую силу — 5 тыс. конных воинов²⁶.

²⁵ Тарки легко идентифицировать на картах XIV века — см.: Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М.: Наука, 1985. С. 121, 137.

²⁶ Описание города Тарки опирается на несколько рассказов, подтверждающих друг друга: Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел, 1578—1613 / Сост. С.Л. Белокуров. М.: Университетская типография, 1889. С. 404—405; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Т. 2. С. 567—270 (приложения); Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 44—45. Этимология термина «шамхал» остается неясной.

На протяжении столетий шамхалы пользовались удобным географическим положением своих владений — на северной границе персидского ареала и одновременно у восточных пределов османско-крымской сферы влияния. Искусно играя на противоречиях между двумя державами, шамхалы могли сохранять собственную политическую независимость, а контроль над важнейшим сухопутным проходом по узкой равнине вдоль Каспийского моря обеспечивал им немалую прибыль. Появление в конце XVI века московитов грозило нарушением этого равновесия.

В 1589 году шамхал Сурхай, обеспокоенный быстрой экспансией Москвы на Кавказе, написал покровителю всех мусульман, османскому султану Мураду III. В этом ярком послании, позже переведенном в Посольском приказе в Москве, Сурхай рассказал, как московиты захватили его реку, построили крепость и готовят против него большую армию. Он предупреждал, что в скором времени они захватят его, Сурхая, землю, обратят его народ в христианство, и

Дербени твоей и Шамахе и Ширване и Гонже и всем городом, что ты поимал у Кизылбашского и у Семена Олександрова зятя — как устояти? Все те города будут за царем за московским; а бусурман в тех городах высекут — и за те души Богу тебе ж ответ дати. А как те города поемлет, а государева рать будет в соединенье с Кизылбашским шахом и с Олександром царем и с Семеном Олександровым зятем — и ты не удержишь тое рати и до Царягорода. И толко та рать придет на Царьгород с сей стороны, а фрянки и шпанской король придут з другие стороны — и тебе как усидети и самому в Царегороде? Поймают тебя, а бусурман всех высекут, а иных в свою веру хрестьянскую приведут — и наша бусурманская вера вся розоритца от тебя, толко не вступишься за нас, и за все те души ответ взыщет Бог на тебе²⁷.

Однако в Османской империи уже начинался медленный, но необратимый упадок. В условиях тяжелой войны с Сефевидской Персией и волнений внутри самой империи задача сохранения контроля над отдаленной областью Северо-Восточного Кавказа отнюдь не была для султана приоритетной. Пророчества Сурхая сбылись через 200 лет. К началу XIX века Россия бесспорно контролировала этот регион,

²⁷ Сношения России с Кавказом. С. 203 (№ 12). [Дербень (Дербент), Шамаха (Шемаха), Ширвана (Ширван) и Гонжа (Гянджа) — города на западном берегу Каспийского моря. Кизылбашский шах — персидский шах. Олександр царь — грузинский царь. — *Примеч. пер.*]

а шамхалы, находившиеся на русском жалованье, превратились в верных слуг империи.

Шамхал, о котором пойдет речь, Мехти, был посажен на трон российскими властями и в мае 1797 года принес присягу императору Павлу I. В отличие от многих своих предшественников, одинаково часто приносивших присягу и отказывавшихся от нее, Мехти не имел других возможностей, кроме тесного сотрудничества с Россией. Близкое соседство русских военных крепостей, а также растущее число наград и заманчивых перспектив приводили к тому, что местным вождям становилось все труднее избежать русского кнута и отказаться от русского пряника.

В 1797 году российские власти провозгласили Мехти правителем Дагестана, пожаловав ему ежегодное содержание в 6 тыс. рублей и чин тайного советника. Тремя годами позже он был повышен до генерал-лейтенанта армии и оделен щедрыми подарками. После русских завоеваний на Кавказе, в 1806 году, он на короткий срок получил титул хана дербентского и бакинского²⁸. Но самой очевидной наградой для него стало то, что он оставался шамхалом с 1797 по 1833 год — куда дольше, чем любой из его ближайших предшественников.

Мехти был последним шамхалом, правившим при полной поддержке российского правительства и имевшим авторитет и статус, в котором с ним мог соперничать только хан дербентский: оба властителя получали содержание в 6 тыс. рублей и находились в чине генерал-лейтенанта. Правители других дагестанских регионов — Кайтага (даргинцы), Табасарана, Казикумуха (лакцы) и Кюры (лезгины) — имели чин генерал-майора и годовое содержание 1,5—2 тыс. рублей.

В 1830—1860-е годы, когда Дагестан и Чечня вели священную войну с Россией, российские власти начали демонтировать традиционные политические структуры в регионе. В 1860 году, вскоре после окончания войны на Северо-Восточном Кавказе и укрепления российской военной власти, правительство приняло «Положение об управлении Дагестанской областью». Отныне Дагестан разделялся на четыре военных округа под российским контролем. Титул шамхала стал чисто номинальным и был окончательно упразднен в 1867 году, когда последнего шамхала, Шамсуддина, принудили к отречению. Шамхальство Тарковское перестало существовать и было

²⁸ Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. С. 240—249 (№ 323—326).

преобразовано в Темир-Хан-Шуринский округ (в наше время — Буйнакский район)²⁹.

Шамхал Мехти, умный и получивший хорошее образование человек тихого и меланхоличного нрава, понимал, что к худу ли, к добру ли, но будущее Кавказа и его народов неразрывно связано с Россией. Возможно, этот мальчик, Семен Атарщиков, был лучшим символом наметившейся новой связи: он был рожденным в России и русскоговорящим, однако его отец изо всех сил старался, чтобы сын сохранил родовые узы, соединявшие его с миром кумыкских обычаев и традиций. Шамхал был в высшей степени рад приветствовать у себя мальчика, которому предстояло жить в его землях, под покровительством и опекой карабудахкентского бека.

Аудиенция у шамхала была, несомненно, великой честью и вызвала у Семена большое любопытство. Шамхал, мужчина средних лет, одетый в простую местную тунику, пригласил гостей к себе во двор. В середине двора находился колодец, окруженный верандой, а в углу они увидели обветшалую сторожевую башню. Оттуда Мехти провел их в двухэтажный каменный дом с небольшими дверями, а затем наверх, в скромно обставленную комнату для аудиенций. Пол был покрыт традиционными дагестанскими коврами. Паласы из дорогих тканей были свернуты и лежали на полках вдоль стен. Слуги развернули паласы, чтобы гости могли сесть, а шамхал устроился в единственном кресле, стоявшем в комнате³⁰.

Пока шамхал и два спутника Семена беседовали за чаем и фруктами, мальчик вышел на прилегавший к комнате балкон. Внизу он увидел весь город с узкими изогнутыми улочками и бессистемно разбросанными домами, вырубленными в горе, подобно следам гигантского скалолаза. На севере до самого горизонта простиралась негостеприимная степь, а на юге поля и леса, казалось, волшебным образом сливались с водами Каспийского моря.

Аудиенция у шамхала скоро закончилась, и три посетителя приступили к последнему этапу своего путешествия. Они проехали около тридцати километров в узком сухопутном коридоре, зажатом между горами и Каспийским морем, а затем повернули на запад и начали подниматься на восточные отроги Кавказа. Проехав еще тринадцать километров, они добрались до пункта назначения — деревни

²⁹ История народов Северного Кавказа. Т. 2. С. 136, 278.

³⁰ Описание основано на: Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Т. 1. С. 568—569.

Карабудахкент, главенствовавшей в группе деревень и аулов, которые составляли единое княжество. Это было одно из небольших княжеств (наряду с такими, как Темир-Хан-Шура, Эрпели, Дженгути [Мехтули] и др.), находившихся под властью шамхала. Именно в Карабудахкенте было больше знатных кумыкских семейств и мечетей, чем где-либо в Дагестане³¹. Границы владений шамхала постоянно меняли свои очертания: то одна деревня, то другая признавала его сюзеренитет или отказывалась от этого признания. Хотя основное население владений шамхала составляли кумыки, в число его подданных входили также жители даргинских деревень на юго-западе, аварских и чеченских — на западе и кочевые ногайцы на севере.

Темир-Хан-Шура была вторым по важности княжеством после Тарки и являлась местопребыванием *крым-шамхала* — наследника престола. Правители других княжеств тоже происходили из династии шамхала. Они обязаны были сохранять верность шамхалу в политических вопросах, но обладали полной самостоятельностью в вопросах денежных и военных. Семену предстояло прожить семь лет в семье карабудахкентского бека.

КАРАБУДАХКЕНТ

Карабудахкент представлял собой типичное кумыкское поселение. Он был живописно расположен в том месте, где река Параулозень принимает в себя воды реки Губден и продолжает течь к Каспийскому морю под новым именем — Манас. В отличие от города Тарки с его террасой домов, встроенных в гору, в Карабудахкенте использовалась в основном горизонтальная застройка, как в кумыкских равнинных селениях. Центральная площадь была окружена закрытым кольцом домов. Несколько узких извилистых улочек вели от площади к тупику на вершине холма. Кроме того, в поселении имелось несколько мечетей, при которых были медресе (религиозные начальные школы). Вдоль стен мечетей обычно лежали грубо высеченные камни и стволы деревьев, служившие скамьями, на которые мужчины могли усесться, чтобы обсудить деревенские дела или поболтать после молитвы.

³¹ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 44; История народов Северного Кавказа. Т. 2. С. 293, 398. В 1871 году в Карабудахкенте к семьям беков относились 99 мужчин и 71 женщина, мечетей было одиннадцать. См.: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х гг. XIX века: Сборник документов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. С. 696.

Деревня, включавшая несколько сотен домов, была разделена на кварталы, в каждом из которых бок о бок жили члены одного клана. Если на равнине дома обычно строились из земли и камыша или из кирпичей, сделанных из глины, смешанной с сеном, то в Карабудахкенте использовались прочные материалы — камень и имевшееся здесь в достаточном количестве дерево. Безошибочным знаком процветания Карабудахкента являлось немалое число двухэтажных строений и несколько огороженных пространств вокруг более типичных одноэтажных (однокомнатных) домов.

Как и в случае других поселений на Северном Кавказе, при планировке Карабудахкента главную роль играл вопрос безопасности. В деревне имелась сторожевая башня, но не было защитной стены в обычном понимании этого слова — ее место занимали укрепления, состоявшие из непрерывной цепи стен домов и заборов. Во многих стенах домов располагались маленькие окошки, обычно заложенные камнями. В военное время эти окошки превращались в амбразуры, через которые горожане могли обстреливать врага. Подобная система обороны, состоявшая из домов, была вполне достаточной, чтобы отбить нападение враждебного клана или небольшого отряда налетчиков, но оказалась бесполезной против артиллерии современных армий³².

Бек Карабудахкента жил в большой резиденции, включавшей несколько домов и просторный двор, огороженный каменной стеной. Главный дом был обширным, двухэтажным. Большую часть первого этажа занимал гарем. Здесь жили женщины и дети, а мужчинам вход в эту часть дома был запрещен. На втором этаже находились гостиная и мужские спальни. Комнаты освещались в основном через двери с очень низкими притоками — чтобы войти в комнату, требовалось сильно наклониться. Окна имели вид маленьких щелей в стене. Обедали, отдыхали и прочую деятельность вели на полу, поэтому окна находились примерно на высоте тридцати сантиметров от поверхности пола. Склады, загоны для скота и небольшие домики для слуг и рабов были разбросаны по всей территории резиденции. Снаружи под навесом находилась печь, в которой выпекали хлеб и готовили пищу³³.

Обычно дорогому гостю предоставлялась одна из комнат в доме кунака — отдельном здании, построенном специально для гостей. Идея

³² Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 197—202; Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев / Ред. А.И. Исламгагомедов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 1988. С. 41—46.

³³ Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 204—215.

гостевой комнаты (для кунаков) или, если речь шла о более зажиточных людях, гостевого дома была столь важной в жизни кавказских народов, что такая комната имела даже в самом скромном доме. Кунак был более чем гостем. К примеру, двое мужчин из двух разных деревень могли стать кунаками, т.е. близкими друзьями или кровными братьями, готовыми предоставить друг другу помощь, радушный прием и защиту. Но посетитель или гость тоже считался кунаком, пока находился в гостях, и обычай гостеприимства требовал, чтобы ему обеспечивали такую же защиту, как и самому близкому родственнику.

Семен, слишком юный, чтобы жить в доме кунака, и недостаточно юный, чтобы поселиться на гаремном этаже, получил комнату в мужской части дома на втором этаже и быстро стал частью семьи бека. Со временем он особенно сблизился со вторым сыном бека, Арасланом, который был на год его старше, и друзья разделили все радости и тяготы взросления в кумыкской деревне. От Семена и Араслана, как и от других мальчиков из семей кумыкских аристократов, ожидали, что они приобретут необходимые мужские качества: овладеют военными искусствами, станут физически сильными, выносливыми, способными руководить и непосредственно предводительствовать в битвах и набегах. Практические занятия по воспитанию настоящих воинов незаметно сливались со свободным временем, и нет ничего неожиданного в том, что в числе любимых видов времяпрепровождения Семена и Араслана оказались конные скачки и стрельба из лука. Тренировались они и в стрельбе из традиционного длинноствольного ружья, практикуя свои навыки во время охоты.

Конечно же, мальчики играли и в другие, более невинные игры, а также пели, танцевали и рассказывали друг другу разные истории. Не счесть того времени, что они провели, наблюдая за лошадиными табунами или ночуя в горах под открытым небом. Подобно любым мальчикам, вне зависимости от социального статуса, они научились у взрослых мужчин смотреть на женщин как на собственность, относиться к ним с презрением и не ждать от них почти ничего, кроме исполнения обычных обязанностей — повседневной работы по дому и вынашивания детей³⁴.

Помимо изучения военных искусств, дети знатных родителей должны были посещать медресе, где они осваивали арабский язык и заучивали наизусть аяты Корана. Впрочем, Семен занимал особое положение в Карабудахкенте. Местные жители исходили из того, что,

³⁴ Там же. С. 262—267.

поскольку мальчик родился и рос в христианской деревне, он крещеный. Однако они понимали, что подобное крещение часто бывает принудительным и имеет лишь номинальное значение. Хотя Семен был в недостаточной степени мусульманином, чтобы посещать медресе и радовать местного имама, он был и не настолько христианином, чтобы его презирали и воспринимали как чужака и неверного. Поэтому он оставался в доме своего аталыка, частным образом изучая кумыкский, чеченский и арабский языки³⁵.

Положение Семена отнюдь не было необычным. Пограничная среда способствовала появлению все новых обладателей двойной идентичности по мере того, как все большее число заложников из народов Кавказа посылалось в Петербург и другие русские города, где их обучали в русских школах, обращали в христианство и записывали в русскую армию. Одним из самых ранних и известных примеров подобной трансформации стала история кабардинского князя и русского полковника Измаила Атажукова (Хатокшоко на кабардинском языке), ставшего прототипом главного героя поэмы Михаила Лермонтова «Измаил-Бей». За двадцать лет, прошедших после того, как отец передал его в руки русских, Атажуков вырос и получил образование в столице империи, в совершенстве выучил русский и французский языки, служил в армии, достиг чина полковника и обеспечил себе большое жалованье и награды. Но свою жену он держал в Кабарде, десятилетнего сына отправил к кабардинскому аталыку и, как известно, снимал с себя крест, медали и офицерскую ленту, когда посещал родные края.

Вплоть до самой смерти в 1812 году Измаил Атажуков продолжал искать шаткое равновесие между неизбежными последствиями российского завоевания и интересами своего народа. А вот его двоюродный брат, полковник Рослаббек Мисостов, тоже воспитанный и получивший образование в России, поступил более решительно — он бежал к горцам, совершал набеги через линию границы и в конечном счете был убит своим родственником, подкупленным русскими. Семен еще не знал, что его собственная жизнь, которая спустя века осталась бы незамеченной, если бы не несколько пожелтевших страниц военного рапорта, сохранившегося в русском архиве,

³⁵ В рапорте о военной службе Семена Атарщикова, составленном в 1839 году, сообщалось, что Семен «российской грамоте читать и писать умеет; по арабски, чеченски и кумыкски знает» (Российский государственный военно-исторический архив [далее — РГВИА]. Ф. 395. Оп. 145. Д. 205. Л. 7 об.).

будет так сильно напоминать жизненные пути Измаила Атажукова и Росламбека Мисостова³⁶.

Годы для юного Семена пролетели быстро. Он достиг совершеннолетия в мирном кумыкском ауле Карабудахкент, и память о детстве в казачьей деревне потускнела. Но русское прошлое юноши оказалось не столь далеким, а Карабудахкент — не столь мирным, как он думал. Еще раньше, в 1816 году, российское правительство решило укрепить и расширить свой контроль над Северным Кавказом. Эта задача была поручена военному герою, генералу Алексею Петровичу Ермолову.

Ермоловская политика безжалостной экспансии не замедлила превратить Кавказ в кипящий котел антироссийского сопротивления. Новые русские крепости строились на земле, занятой войсками, рядом с аулами, где проживало коренное население. Имамы и суфийские шейхи проповедовали сопротивление во имя ислама, как предателей избличая тех, кто соглашался с российским господством, и обвиняя их в том, что они ставят собственные интересы выше интересов своего народа. В этой атмосфере надвигающейся бури жители Карабудахкента восстали против шамхала, отказавшись платить ему налоги. Будучи не способен подавить восстание своими силами, тот обратился за помощью к русским.

Напоминания о русских нашествиях всегда были рядом. Об одном из них свидетельствовала полустершаяся надпись на стене главной карабудахкентской мечети, посвященная персидскому походу Петра I в 1722 году. В ней говорилось: «В году 1134-м... белый царь сжег Карабудахкент»³⁷. И вот теперь, в 1818 году, одиннадцатилетний Семен увидел, как в Карабудахкент вступили войска Ермолова. Напуганные жители деревни охотно приняли предложение генерала о даровании им прощения и обязались возобновить платежи шамхалу. А чтобы не осталось никаких сомнений по поводу того, что может ждать мятежников в будущем, Ермолов приказал казнить одного из подстрекателей, изгнать из деревни его семью и сровнять с землей его дом.

В течение нескольких дней Ермолов стоял лагерем рядом с деревней. Здесь он принял шамхала, ехавшего из Дербента в свою резиденцию в городе Тарки. Это была их первая встреча. Как впоследствии признавался благодарный шамхал, он был потрясен простотой быта

³⁶ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. С. 130—149.

³⁷ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках: В 3 ч. / Тексты, пер., коммент., введ. и прил. Л.И. Лаврова. М.: Наука, 1968. Ч. 2. С. 51, 126.

Ермолова в сравнении с бытом его предшественников и даже отказывался верить, что имеет дело с прославленным русским полководцем, решив, будто Ермолов прислал какого-то другого военачальника под своим именем³⁸.

В последующие годы жители Карабудахкента восставали еще несколько раз, и в каждом таком случае шамхал призывал русские войска подавить восстание и восстановить статус-кво. Хотя Семен этого еще не понимал, мир его детства окончательно вступил на путь столкновения с миром его отрочества.

³⁸ Записки А.П. Ермолова, 1798—1826 / Ред. В.А. Федоров. М.: Высшая школа, 1991. С. 320—321, 341; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. С. 21, 22.

Глава 3

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМУ КАВКАЗУ

В 1822 году Семен достиг пятнадцати лет — возраста, когда мальчики становятся мужчинами. Теперь он имел право носить кинжал, участвовать в советах мужей и жениться. Прожив семь лет в доме аталыка в кумыкской деревне, юноша был готов вернуться в станицу Наурскую. Но сначала он пожелал совершить путешествие по региону, чтобы своими глазами увидеть разнообразие его природы и народов. Весной 1822 года Семен в сопровождении двух узденей покинул Карабудахкент и пустился в путь по Северо-Восточному Кавказу.

ДЕРБЕНТ

Его первой — и великолепной — целью являлся Дербент — древнейший, величайший и самый утонченный город Северного Кавказа. Двухдневный путь вдоль Каспийского побережья был ничем не примечателен. Путешественники ехали через полупустыню, покрытую зарослями тамариска, травой и кустами. Во второй половине дня над горами появлялись тучи и двигались к Семену и его спутникам, угрожая, как казалось, разразиться дождем. Но тучи эти так и не выпустили ни разу свой драгоценный груз, и в то время, как над горами шли ливни, побережье оставалось сухим и жарким.

Прибрежная равнина представляла собой узкую полосу земли в ширину не более 25 километров, растянувшуюся примерно на 240 километров вдоль восточного берега Каспийского моря. Однако, когда путешественники подъехали к Дербенту, монотонная прибрежная равнина, казалось, закончилась. Ее сменила грозная стена, которая поднималась чуть ли не из воды, взбиралась на несколько километров в гору, обходила ее кругом, а затем обращалась к Каспийскому морю и вновь исчезала в воде. Словно гигантская змея обвила тесной петлей этот участок равнины и ближайшую гору Джалганского хребта, а затем навеки окаменела. Перед Семеном и его спутниками высились древние стены Дербента.

Город, построенный в самом узком месте, где горы подходили к морю на расстояние всего двух с половиной километров, преградил единственный сухопутный проход, соединявший азиатские земли к югу от Кавказских гор с землями северными. С давних пор торговые караваны и армии проходили по Каспийской прибрежной равнине, и укрепления Дербента могли остановить и тех и других. Именно поэтому персы называли город Дербентом, или «закрытыми воротами»: он контролировал узкий проход, имевший решающее значение как в военное, так и в мирное время.

Первые известные стены были построены здесь уже в VI веке до н.э. Но история современного Дербента прослеживается до персидских Сасанидов, в начале VI века н.э. построивших здесь цитадель, чтобы защитить Персию от вторжений кочевых народов с севера. С тех самых пор и на протяжении долгих веков город, укрепленный могучими стенами, сохранял свое стратегическое и торговое значение. Дербент оставался самым северным рубежом персидской цивилизации, защищавшим ее от вторжений хазар в VI веке, тюрок — в XI, монголов и Золотой Орды — в XIII, османов — в XVI и, наконец, русских — в XVIII веке.

Все эти годы Дербент оказывался под властью разных держав, но были и долгие периоды, когда его жители могли наслаждаться независимостью. В то время, когда сюда приехал Семен со своими спутниками, город пребывал в упадке: он утратил свое стратегическое значение после того, как российская граница сдвинулась дальше на юг, в Азербайджан. Неподалеку от города стояли русские войска, а хан дербентский находился на российском жалованье и имел чин генерал-лейтенанта¹.

Путешественники въехали в Дербент через главные ворота в северной стене, Кырхляр-Капы (Врата сорока). Как утверждает легенда, эти ворота были названы в честь сорока мусульманских мучеников, павших здесь в VIII веке в бою с хазарами и похороненных на кладбище неподалеку. Арабские историки и путешественники называли эти ворота, а впоследствии и весь город Баб-аль-Абваб (Врата ворот) или Баб-эль-Джихад (Врата священной войны), что указывает на стратегическую важность Дербента, располагавшегося на северном рубеже исламского мира. В ширину ворота были около трех метров. Некогда их

¹ Бартольд В.В. Дербент // Бартольд В.В. Работы по исторической географии. М.: Восточная литература, 2002. С. 419—430; Кудрявцев А.А. Феодальный Дербент. М.: Наука, 1993; Гурлев И.А., Хан-Магомедов С.О., Малкин Г.А. Дербент: Путеводитель по городу и окрестностям. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1976.

украшал изысканный архитектурный орнамент, ныне в значительной мере утраченный. Лишь две статуи львов так же величаво и горделиво, как и в прежние годы, продолжали взирать на путешественников, проезжавших через ворота.

Северная стена, которую век от века перестраивали и укрепляли, представляла собой могучий образец фортификации. Три с половиной метра в толщину, она возвышалась над землей в среднем на двенадцать метров, а через каждые шестьдесят метров располагались башни. Южная стена была воздвигнута много позже, и ее укрепления оказались куда менее впечатляющими, что подчеркивало очевидный факт: Дербент был построен в первую очередь для того, чтобы сдерживать нападения с севера.

Кырхляр-Капы, которые русские называли Кизлярскими воротами (поскольку они были обращены к российскому городу Кизляру), являлись главным въездом в Дербент для караванов, прибывавших с севера. Этим объяснялось присутствие вблизи от ворот как небольшой мечети, так и общественных бань — мест, где уставшие купцы могли очистить свои души и тела. Неподалеку располагались шумный базар и три караван-сарая для тех, кто нуждался в отдыхе. Семен и его спутники проехали через ворота и оказались на окраине города. Слева от них находилась прибрежная равнина с садами, плодовыми деревьями и пастбищами. Лишь в 1860-е годы, когда российская администрация предприняла масштабную трансформацию Дербента, плодовые деревья уступили место жилым домам.

Проехав через Кырхляр-Капы, Семен и его спутники повернули на главную улицу, которая, поднявшись по холму, привела их к знаменитой дербентской Джума-мечети. Во двор мечети они вошли через ворота в восточной стене. Всего несколькими годами раньше часть стены вокруг мечети была продолжением внутренней стены, отделявшей густонаселенный центр города от его окраин. Теперь внутренняя стена исчезла, и двор мечети предстал перед ними большим открытым квадратом, от которого расходились старые узкие и извилистые улочки.

Из пятнадцати мечетей Дербента Джума-мечеть была древнейшей и самой большой. Размерами она превосходила все мечети Дагестана: длина ее главного зала составляла шестьдесят метров, а диаметр купола достигал девяти метров. Арабская надпись, высеченная на камне над главными воротами, сообщала, что мечеть основана в 733 году н.э. Таким образом, это была старейшая мечеть на Кавказе, что свидетельствовало о важности Дербента в глазах древних арабских завоевателей.

Как и во всех областях Древнего мира, истово верующие захватчики торопились разрушить старые храмы, чтобы перестроить их во имя собственного Бога. Вначале христианские церкви пришли на смену языческим святилищам, а позже на месте церквей выросли мечети. С архитектурной точки зрения Джума-мечеть очень походила на Большую мечеть Дамаска в Сирии и, подобно ей, была построена на фундаменте разрушенной христианской церкви.

С первой половины V века н.э., когда на Восточном Кавказе стала распространяться вера в Иисуса Христа, и до арабского завоевания в начале VIII века Дербент был важнейшим центром христианской религии — не случайно здесь находилась резиденция патриарха. После арабского завоевания он превратился в мусульманский город со значительными меньшинствами — еврейским и христианским. В начале XIX века самую большую группу христиан в Дербенте составляли армяне. В городе насчитывалось 1,6—2 тыс. домов, а общее его население оценивалось в 8—10 тыс. жителей².

Семен много слышал о старинной Джума-мечети. Теперь, гуляя по ее двору под сенью старых платанов, он, должно быть, почувствовал связь с тысячами богомольцев, приходивших сюда век за веком, чтобы молиться, учиться и отдыхать.

К мечети примыкало старинное медресе с рядом небольших комнат, два с половиной на три метра, в которых жили ученики. Семен прошел под сводами школы, наблюдая за своими сверстниками — молодыми людьми, которые жили и учились здесь, изучая мусульманское право и готовясь стать имамами и кади. Если бы жизнь сложилась иначе, он мог бы быть одним из них.

Поднявшись выше на холм, Семен прошел мимо общественных бань — единственной уцелевшей части некогда шумного рынка. В XVII веке на этом месте находились торговые ряды и караван-сарай, но затем главным рынком стал Кырхляр-Капы. Улица, по которой шел юный путешественник, сужалась и перешла в короткую лестницу, а затем уперлась в стену. За стеной, на вершине горы, находилась цитадель, известная как Нарын-Кала — древнейшая часть Дербента и резиденция хана³.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана, XVII — начало XIX в.: В 2 кн. Махачкала: Издательство Института истории, археологии и этнографии, 2001. Кн. 2. С. 62—63.

³ Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Бартольд В.В. Сочинения: В 9 т. М.: Издательство восточной литературы, 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 670—672, 786—796; Хан-Магомедов С.О. Дербент. Горная Стена. Аулы

Скалистый склон горы и сложенные человеческими руками стены, усеянные сторожевыми башнями, вместе составляли укрепления Нарын-Кала, некогда считавшиеся неприступными. В цитадель вели две пары ворот, западные и восточные. Семен и его спутники проследовали через восточный вход, Нарын-Кала-Капы. Над воротами можно было увидеть полустершуюся, еле различимую надпись, в которой упоминалось имя шаха Аббаса, — прямое указание на то, что ворота восходили к началу XVII века, когда город находился под властью персов.

Основную часть цитадели составлял разросшийся комплекс зданий ханского дворца вкупе с находившимися рядом банями и резервуаром воды. Своими размерами и изысканностью дворец резко контрастировал со скромным жилищем шамхала тарковского. Восходивший к XII столетию, ханский дворец был капитально перестроен в 1770—1780-е годы, когда Дербент оказался под властью Фатх Али-хана из Кубинского ханства (со столицей в городе Куба, примерно в пятидесяти километрах к югу от Дербента, в настоящее время находящемся на территории Азербайджана). Фатх Али, искусно сочетавший, с одной стороны, военные походы, а с другой — заключение политических альянсов с самыми заметными местными властителями — шамхалом тарковским, ханом бакинским и прежде всего русскими военачальниками, — оправдал свое имя (Фатх означает «завоевание») и стал самым могущественным правителем в регионе. Его наследники правили Дербентом, пока российское правительство не упразднило титул хана и не превратило город в очередную административную единицу Российской империи.

Между тем хан дербентский продолжал жить в своем дворце. Современник хана, русский офицер, оставил описание этой резиденции, отметив, что в ней был красивый бассейн, а также несколько комнат с замысловато украшенными потолками и ярко расписанными стенами, на которых были изображены военные и любовные сцены.

В городе и его архитектурном облике чувствовалось влияние череды различных обитателей дворца. В то время, когда Семен посетил город, новые правители — русские — меняли Дербент в соответствии с собственными представлениями. Очевидно, они сочли цитадель самой безопасной частью города и, следовательно, подходящим местом для размещения своего гарнизона. Кроме того,

совсем рядом с ханским дворцом русские построили *гауптвахту* (военную тюрьму). Как и в отношении многих других действий России на Северном Кавказе, вставал вопрос: было ли это проявлением обычной бесчувственности, предостережением или преднамеренным оскорблением?

ЮЖНЫЙ И ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДАГЕСТАН

Проведя несколько дней в Дербенте, Семен и его спутники покинули город через западные ворота и отправились в путь вдоль так называемой Горной стены — древней линии укреплений, протянувшейся на юго-запад от Дербента в земли Табасарана. Хотя стена стояла покинутой уже долгие века, ее остатки с крепостями и башнями были живым свидетельством прежних славных дней. Стратегическое значение Горной стены состояло в том, чтобы служить барьером, защищавшим располагавшиеся южнее Сасанидскую Персию и Арабский халифат от нападений хазар с севера. Стена должна была дойти от Каспийского моря до Большого Кавказского хребта, но осталась незаконченной. Главная ее часть была построена в VI веке н.э.; она растянулась на пятьдесят километров от Дербента до берегов реки Рубас. После падения в X веке Хазарского каганата надобность в стене отпала, и она постепенно обветшала⁴.

Заканчивалась стена в верховьях реки Рубас, в табасаранских землях. Армянские и арабские авторы упоминали о Табасаране уже в VII—VIII веках. В 1820-е годы около 30 тыс. человек жили в семидесяти аулах Табасарана, разбросанных в долинах рек Рубас и Чирагчай. Одной частью этих аулов правил кади, другой — *майсум* (по-арабски — «нравственно чистый»). К тому времени оба они находились у России на жалованье.

Семен и его спутники переправились через Рубас и двинулись в табасаранский аул Хучни. Насчитывавший более 300 домов, Хучни являлся одним из крупнейших населенных пунктов Южного Дагестана. Приближаясь к аулу, можно было увидеть ряд простых строений с коническими крышами. Это были *сарай* — хранилища для сена, обычно размещавшиеся на аульских окраинах. Сам аул состоял из двухэтажных домов, построенных из местного песчаника, где под одной крышей жили люди и скот.

⁴ Хан-Магомедов С.О. Дербент. Горная Стена. С. 207—226.

В Хучни, оседлавшем одну из тех двух дорог, которыми аулы Южного Дагестана соединялись с селениями, лежавшими дальше на север, располагались большой базар и мечеть, построенная в XVIII веке. Но, возможно, самым интересным местом для посещения являлось местное кладбище. На нем можно было встретить не только множество старинных надгробных камней со странными геометрическими орнаментами, но и мавзолеи выдающихся мусульман, в частности жившего в XVIII веке суфийского святого (*ири*) Башлы⁵.

Куда теперь вела Семена его дорога? К югу от Дербента, вдоль берега Каспийского моря находились аулы азербайджанцев, давних подданных хана дербентского. Еще южнее располагались свободные деревенские общества лезгин, господствовавшие над долинами и горами Южного Дагестана и Северного Азербайджана⁶.

В центре Дагестана, немного к северу от Табасарана, лежали земли Кайтага — могущественного княжества, где преобладали даргинцы, один из самых многочисленных народов Северного Кавказа. В первой половине XVII века, по сообщению современника событий, хорошо осведомленного кабардинского князя, Рустем-хан, правивший Кайтагом с титулом *уцмий*, не уступал никому из соседних властителей — он был способен вывести в поле 12 тыс. вооруженных воинов. При Рустем-хане был составлен кодекс обычного права, а Кайтаг достиг вершины своего могущества. Рустем-хан успешно играл на соперничестве русских, турок и персов в регионе вплоть до 1640-х годов, когда его свергла персидская армия шаха Аббаса II. И без того измученный междоусобицами, Кайтаг был еще больше разорен в 1740-е, когда через его территорию прошла армия другого персидского властителя — знаменитого Надир-шаха⁷.

К концу XVIII века персидское влияние пошло на спад, и теперь региональным устремлениям *уцмий* мешали уже русские. Один примечательный инцидент, произошедший в 1774 году, привел русскую армию в Кайтаг: доктор Самуил Готлиб Гмелин, член российской

⁵ Там же. С. 231—269; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана. Кн. 2. С. 62, 131—148; Броневский С.М. Исторические выписки. С. 177—178.

⁶ Централизованной политической власти не было в лезгинской традиции вплоть до 1812 года — пока российское правительство не решило вмешаться в местную борьбу за власть и не создало Кюринское ханство на землях, расположенных между реками Рубас и Самур. См.: Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана. Кн. 2. С. 131—192; История Дагестана: В 2 т. М.: Восточная литература, 1968. Т. 2. С. 65—68.

⁷ История народов Северного Кавказа. Т. 1. С. 241, 293, 323, 344—345, 420; Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. С. 63—67 (№ 17).

Императорской Академии наук, возвращаясь в указанном году из своей второй экспедиции в Персию, в ходе которой он исследовал местную флору и фауну, был задержан уцмием Амиром Хамзой. Уцмий сообщил российским властям, что Гмелин будет находиться у него в качестве заложника, пока его, уцмий, жалобы не будут удовлетворены. Амир Хамза в очередной раз требовал, чтобы ему вернули его подданных — 200 семей терекеменцев (тюркский земледельческий народ, живший на Каспийской равнине) и восемьдесят еврейских семей, бежавших в 1740-е годы в кумыкские города Эндери и Костек. Предыдущие требования уцмий — чтобы ему вернули подданных или выплатили компенсацию в 30 тыс. рублей — удовлетворены не были.

Пока шли переговоры, Гмелин, которого, по слухам, держали в тяжелых условиях, умер в плену. Хотя в Петербурге всячески желали избежать каких-либо провокаций со стороны тех или иных сил в регионе, на смерть Гмелина, путешествовавшего под покровительством императрицы Екатерины II, нельзя было не отреагировать. В 1775 году Россия послала в Кайтаг карательную экспедицию под руководством генерала И.Ф. де Медема⁸.

Гюлистанский мирный договор, завершивший Русско-персидскую войну (1804—1813) и закрепивший власть России над Дагестаном и Азербайджаном, лишь подтвердил неизбежность продолжения российской экспансии. Некоторые из местных правителей, когда им предлагали жалованье и чин генерал-майора российской армии, выбирали сотрудничество с Россией, но большинство дворян, улемы и простые люди реагировали на растущее присутствие российских войск и администрации с враждебностью и негодованием. Новые, христианские власти накладывали куда более суровые ограничения, чем те, что когда-либо в прошлом осмеливались вводить персы или турки. В частности, вмешивались в местную политическую борьбу, поддерживая и назначая вождей, лояльных русским, но не пользовавшихся популярностью у населения. Строго контролировали передвижения местных жителей, требуя, чтобы те получали паспорта у российских властей. Взяли под контроль местную торговлю, поставив ее в зависимость от политической лояльности населения по отношению к России.

⁸ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Т. 2. С. 14—15; История народов Северного Кавказа. Т. 1. С. 446; Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы: XIX — начало XX в. М.: Наука, 1990. С. 22—23.

И, что хуже всего, попытались ограничить паломничество мусульман в Мекку — а потом и вовсе его запретили⁹.

В течение всего лишь нескольких лет жалобы, адресовавшиеся российским властям, сменились вооруженными восстаниями, а когда генерал Ермолов начал бороться с повстанцами при помощи тактики выжженной земли, это еще больше ухудшило отношения с местным населением. В 1818—1819 годах российские войска прошли через Дагестан, громя мятежных правителей и дотла сжигая аулы. В числе побежденных был Адиль-хан, уцмий Кайтага. В следующем году Ермолов упразднил титул уцмий — отныне тринадцатью районами (*магалами*) Кайтага правили их беки под контролем российского военного представителя. Все налоги, которые раньше собирал уцмий, теперь должны были поступать в российскую казну¹⁰.

Семен и его спутники прибыли из Хучни в Маджалис (по-арабски — «место встречи») вскоре после этих событий. Маджалис, бывшее местопребывание уцмий, оставался цветущим селением, но тем не менее представлял собой лишь тень прежнего величия. Расположенный на равнине, в среднем течении реки Уллучай, он являлся почти райским уголком, защищенным горами от ветра, утопающим в изобильных плодовых садах и виноградниках. По краям главной улицы были высажены гигантские ореховые деревья. В центре находились несколько мечетей и рынок. Бывшая резиденция уцмий располагалась на склоне горы, в верхней части города, как и большинство других резиденций.

В Нижнем Маджалисе был другой безошибочный знак, указывавший на прежнее торговое значение города, — синагога и жилища нескольких сотен евреев. Горские евреи, известные среди местного населения как джухуд, общей численностью в несколько тысяч человек, жили в главных дагестанских центрах торговли. Ни внешним обликом, ни образом жизни, ни языком ничуть не походя на своих европейских единоверцев, они выглядели в точности как их дагестанские соседи и говорили на татском наречии иранского языка. Поскольку джухуд использовали тот же язык, что и таты — иранские жители Дагестана, — в советское время горских евреев будут путать с татами. В действительности же горские евреи и таты — мусульмане-шииты — представляли собой две различные группы населения.

⁹ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа. С. 23—42 (№ 4—21).

¹⁰ История Дагестана. Т. 2. С. 67; История народов Северного Кавказа. Т. 1. С. 36—37.

Маджалис был последним крупным населенным пунктом на дороге, ведущей в горы. В тридцати километрах к западу от него, на высоте полутора тысяч метров, находилась следующая цель путешественников — Кубачи, легендарный город ремесленников и мастеров. Даже тех, кто был привычен к горным аулам и городам, Кубачи поражал с первого взгляда. Сквозь тонкую пелену тумана проступали отвесные склоны гор с сотнями домов, расположенных друг на друге — так, что крыша одного дома была основанием другого. С расстояния город казался одним громадным многоэтажным домом.

Знаменитый своими кузнецами, золотых и серебряных дел мастерами, резчиками по камню, Кубачи особенно славился как центр производства ценнейших воинских доспехов и оружия. Традиция изготовления здесь оружия была, по-видимому, весьма старинной. Уже в VI веке н.э. город был известен как Зирихгеран (на персидском — «оружейник»), а его нынешнее название происходит от тюркского слова *кюбечи* с тем же значением. Несколько конкурирующих легенд окружали Кубачи и его жителей. Некоторые утверждали, что кубачинцы по происхождению европейцы — потомки генуэзцев, греков или мораван.

Какие бы мифы ни рассказывали про этот город, в любом случае он был одним из древнейших среди непрерывно существовавших поселений в Дагестане — именно здесь находился центр древней Кавказской Албании. Три полуразвалившиеся старинные башни и остатки стены — вот и все, что осталось от городских укреплений. По слухам, одна из мечетей была построена на фундаменте христианской церкви¹¹.

На протяжении всей своей истории Кубачи был самоуправляемым городом, в котором принимал решения совет семи старейшин, избираемых городской общиной. Многочисленные армии завоевателей пощадили селение, позволяя ему сохранять свою уникальность. Иноземцы предпочитали брать дань оружием и другими ценными изделиями городских ремесленников, чьи высоко чтившиеся умения передавались из поколения в поколение.

К северу от Кубачи находилась другая важная часть бывшего Кайтагского княжества — Акуша, большой аул, в котором располагалась резиденция кади. Подобно другим свободным обществам Дагестана, Акуша заключала союзы с соседними аулами и была лишь слабо

¹¹ Народы Дагестана. М.: Наука, 2002. С. 334—348; Атаев Д.М., Гаджиев К.К. Путеводитель по Дагестану. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1965. С. 104—106, 109—119; Броневский С.М. Исторические выписки. С. 170—172.

связана с уцмием. В конце XVIII века Акушинский союз, в который входило примерно 100 аулов, порвал с уцмием и превратился в один из самых могущественных союзов на Северном Кавказе. В 1819 году вооруженное акушинское ополчение противостояло русской армии генерала Ермолова. Хотя в битве у аула Леваши акушинцы были разгромлены, их отвага и решительное сопротивление произвели на Ермолова и других современников глубокое впечатление¹².

К северо-западу от Кубачи находился Кумух, бывшая резиденция шамхала и центр Казикумухского княжества. Казикумух, разгромленный монголами в 1240 году, воспрянул вновь и к началу XVI века стал самым могущественным княжеством в Дагестане. Аул Кумух, стоящий на реке Казикумухское Койсу, был столицей региона, населенного небольшим народом лакцы, но власть шамхала простиралась далеко за пределы лакских аулов: ему подчинялись находившиеся по соседству многочисленные аварские, кумыкские, даргинские и лезгинские аулы.

В конце XVI века в Казикумухском княжестве произошел раскол на две партии: одна поддерживала Османскую империю и Крымское ханство, другая — Сефевидскую Персию. Турки, на короткий момент сумевшие установить свое господство на Каспийской прибрежной равнине, поддерживали отколовшихся от Казикумуха правителей Эндери и Тарки. Персы сохранили влияние среди горских правителей. Но в 1580-е годы, когда османское господство в этом отдаленном углу Кавказа пошло на спад, Москва принялась заполнять вакуум, используя для распространения собственного влияния в регионе только что построенный Терский город¹³.

В начале XVII столетия русские были уже настолько уверены в себе, что напрямую вмешались в спор между наследниками шамхала. Зависимость от Москвы продолжала возрастать, и шамхалы решили перенести основную резиденцию в Тарки, а в Кумух приезжать лишь на лето. Однако из-за близких связей с Москвой шамхалов стали воспринимать как русских марионеток, и в 1640-е годы в Кумухе началось народное восстание. После того как Кумух вышел из-под власти шамхала, в нем стал править местный старейшина, которого выбирало народное собрание и который носил титул *халклавчи* (представитель народа)¹⁴.

¹² Народы Дагестана. С. 295; История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 328—329.

¹³ *Kırzioğlu M.F. Osmanlılar'ın Kafkas — Elleri'ni Fethi (1451—1590). Ankara: Sevinç Matbaası, 1976. P. 307—317; Kütükoglu B. Osmanlı-İran Siyasi Münasabetleri. İstanbul: Edebiyat fakültesi matbaası, 1962.*

¹⁴ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.: Документы и материалы / Ред. М.М. Ихтилов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958. С. 31—59 (№ 2—14); История Дагестана. Т. 1. С. 248—249.

В последующие века Казикумух стал жертвой карательных экспедиций персидского завоевателя Надир-шаха в 1740 году и генерала Ермолова — в 1820-м. Когда в 1822 году Семен прибыл в Кумух, казалось, что после недавней кампании Ермолова аул покорился русским. Но потребовалось еще сорок лет кровавых войн, прежде чем Россия смогла раздавить сопротивление на Северо-Восточном Кавказе, заменить местных правителей российскими чиновниками и включить Казикумух в административную систему империи.

Бросив последний взгляд на Кумух, руины его крепости, разрушающиеся башни, кладбище и мечети, Семен со спутниками отправился на север, в земли аварцев. Проехав через большое плато, они миновали аулы Меgeb и Чох, а затем достигли крупного аварского аула Гуниб¹⁵. Аварцы были древним народом и одним из самых многочисленных этносов в горах Западного Дагестана. Аварские аулы были окружены практически непрерывным кольцом горных хребтов и занимали основную часть плато, расположенного между притоками реки Сулак: Андийским Койсу, Аварским Койсу и Кара-Койсу. Эта территория некогда являлась частью древней Албании, а с V по XII век здесь располагалось могущественное христианское царство Серир. Название аварцы предположительно происходит от титула серирского царя (никакой связи между могущественным древним гуннским народом аваров и кавказскими аварцами нет).

Подобно другим политическим объединениям Дагестана, Аварское ханство с центром в ауле Хунзах было организовано достаточно свободно. Его правитель, *нуцал*, заявлял, что начальствует над подвластными ему аварскими аулами, а также над союзами аулов соседних чеченцев, кумыков и лакцев. Как правило, обитатели аула ассоциировали себя либо с этим аулом, либо с союзом аулов.

Аварское ханство стало заметной региональной державой при Умма-хане — в начале XVII века. Умма-хан приказал составить первый свод законов, что недвусмысленно указывало на усиление центральной власти. Спустя несколько десятилетий на смену традиционному наследованию, когда титул нуцала оспаривали старшие члены правящей династии, пришел принцип первородства, т.е. передачи титула от отца к старшему сыну. Это свидетельствовало о дальнейшей централизации власти. Вплоть до начала XIX века аварские нуцалы и кумыкские

¹⁵ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа. С. 47; Алиев Б.Г., Ахмедов Ш.М., Умаханов М.-С.К. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала: Институт истории, языка и литературы, 1970. С. 72—77.

шамхалы правили двумя самыми крупными и влиятельными политическими объединениями на Северо-Восточном Кавказе.

Путешествуя по аварским землям в начале XIX века, трудно было представить, что тысячелетием раньше здесь встретились три мировые религии. В VIII—X веках соседями христианских властителей Серира были не только мусульманские правители Дербента, но и хазары-иудеи в Семендере (уже упоминавшемся в этой книге и — напомним — стоявшем, как многие считают, на том месте, где позже был основан Тарки)¹⁶. Но к временам Семена и христианство, и иудаизм уже давно исчезли. Северо-Восточный Кавказ оставался неотъемлемой частью мира суннитского ислама вплоть до середины XVIII века, когда суфийские проповедники из ордена накшбандия начали забирать руководство религиозной жизнью из рук суннитского клира в свои.

Аварцы издавна научились защищать свои аулы, окруженные труднопроходимыми горами, от иноземных нашествий. В стратегически важно расположенных аулах они строили укрепления с башнями и защитными стенами. Совместная оборона скрепила военные союзы между аулами. Нападение на один из них немедленно влекло за собой мобилизацию и развертывание ополчений союзников. Отдельные люди или аулы, которые не оказывали помощи, должны были платить большие штрафы и подвергались бесчестью. Система функционировала в точности так же, как система полисов Древней Греции или аналогичные союзы общин в других краях.

В начале XIX века новый грозный враг попытался вторгнуться в аварские земли и разрушить традиционную власть на Кавказе. Хуже того: если раньше контроль над регионом пытались установить мусульманские державы, то новые захватчики были неверными — православными русскими христианами. Не случайно именно аварские земли стали в первой половине XIX века эпицентром сопротивления России и тем самым местом, где прославленный аvarец по имени Шамиль создал свой имамат.

При подъезде к Гунибу с его исключительным расположением путникам предстояло испытать сильные впечатления. Непрístupная крепость, как будто созданная самой природой, Гуниб высился на вершине горы, господствовавшей над всеми окружающими высотами. Крутые склоны поднимались снизу на 800 метров под углом

¹⁶ Бартольд В.В. Дагестан // Бартольд В.В. Сочинения: В 9 т. М.: Наука, 1965. Т. 3. С. 409—410.

в 45 градусов. Вершину горы окружали огромные валуны, создававшие каменный пояс, благодаря которому казалось, что селение расположено на дне большой чаши. Русские солдаты называли Гуниб горой-гитарой, поскольку форма горы напоминала корпус этого музыкального инструмента. В аул вела лишь одна узкая тропка, зажата между виссячими утесами.

Наш герой и его спутники оказались в Гунибе задолго до того, как он вошел в легенду, сыграв важную роль в эпической российской войне на Северном Кавказе. Это был последний оплот Шамиля в его борьбе с русскими. Именно здесь, в Гунибе, 25 августа 1859 года борьба Шамиля закончилась. Несколько сотен защитников аула были полностью окружены русскими войсками, многократно их превосходившими и проявившими не меньшую решимость и изобретательность, чем их враги. После двух дней кровавого боя русские войска взобрались на гору и взяли Гуниб штурмом. Будучи к тому времени уже пожилым человеком, имам Шамиль вместо мученической смерти предпочел спасти свою семью и сдался главнокомандующему русскими войсками князю А.И. Барятинскому. Так закончился имамат Шамиля и его война с Россией, продолжавшаяся четверть века¹⁷.

За короткой остановкой в Гунибе последовало еще два дня пути, и Семен прибыл к своей следующей цели — в Хунзах, резиденцию аварских правителей и второй по величине (после Дербента) город Северного Кавказа. В конце XVIII века Хунзах, по свидетельствам очевидцев, насчитывал около 2 тыс. домов, а значит, его население составляло примерно 10 тыс. человек, или две трети от тогдашнего населения Тифлиса либо, к примеру, Бостона¹⁸. Добираясь до Хунзаха, Семен должен был пройти через Карадахское ущелье четырнадцать километров длиной — самое длинное в Дагестане. Чтобы войти в ущелье, требовалось миновать узкий проход в скалах, составлявший 300 метров в длину и не больше двух в ширину. Именно в таких местах становилось ясно, до какой степени трудно завоевать и покорить обитателей гор.

¹⁷ Ход войны на Кавказе ярко изложил русский офицер Р.А. Фадеев, ближайший помощник князя Барятинского, участвовавший в военных действиях в Гунибе. Князь подарил Фадееву в награду за службу личное знамя Шамиля и доверил ему написать историю войны. См.: *Фадеев Р.А. Кавказская война*. М.: Эксмо, 2003. С. 7, 98—100. Другие классические книги на эту тему: *Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля*; *Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar*.

¹⁸ *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Старый Тбилиси: Город и горожане в XIX веке*. М.: Наука, 1990. С. 29.

На полпути между Гунибом и Хунзахом располагался большой аул Гергебиля. После Гергебиля Семен проехал еще сорок пять километров, переправился через реку Аварское Койсу и достиг Хунзаха. Аул, расположенный на самом краю ущелья Цолотль, возвышался над цветущими плодовыми садами и водопадами. Все в Хунзахе рассказывало о его славной истории: дворец хана, большое число мечетей, близлежащие руины крепости Арани и несколько христианских могил — молчаливое напоминание о христианском прошлом аула¹⁹.

Дома Хунзаха, как и других населенных пунктов Северного Кавказа, прилегали друг к другу настолько плотно, что улиц как таковых в ауле не было. Вместо них между домами вились крайне узкие тропки, часто заканчивавшиеся тупиками или превращавшиеся в подземные туннели. Каждый дом сам по себе являлся маленькой цитаделью, а город, состоявший из домов, построенных на крышах друг друга, был по сути многоэтажной крепостью.

Дворец хана находился в верхней части города, что отвечало соображениям безопасности. В это время в нем жил Сурхай — протеже России, назначенный в 1819 году генералом Ермоловым на место мятежного Султан-Ахмед-хана. Сурхай, опиравшийся на Россию, так и не приобрел популярности у своего собственного народа. В 1829 году, пытаясь найти приемлемый компромисс, российские власти назначили двух ханов: Сурхай остался во главе небольшой части Аварского ханства, а сын покойного Султан-Ахмед-хана, нуцал Абу-Султан, поселился в Хунзахе и возглавил большую часть ханства. Оба они получили чин полковника и ежегодное содержание в 2 тыс. серебряных рублей²⁰.

Из Хунзаха Семен направился на северо-запад — в Чечню, в сторону своей родной станицы Наурской. Двигаясь к Чечне, он остановился в последнем на этом пути важном ауле, находившемся под властью аварских правителей, — в Ботлихе, располагавшемся примерно в семи-десяти километрах от Хунзаха. Из-за традиционных связей с аварцами жителей Ботлиха и нескольких небольших деревень в его окрестностях часто тоже считали аварцами. На самом деле, подобно другим соседним народам — таким, как андийцы или ахвахцы, — они составляли отдельную этнолингвистическую группу, близкородственную аварцам, но отдельную от них.

¹⁹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Т. 1. С. 215; Атаев Д.М., Гаджиев К.К. Путеводитель по Дагестану. С. 70—72, 93—94; История народов Северного Кавказа. Т. 1. С. 177.

²⁰ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа. С. 31—32 (№ 9), 59—62 (№ 33—35).

Ботлих, находившийся в ущелье, в окружении гор, был процветающим аулом, насчитывавшим примерно 350 домов, или 2 тыс. жителей. Тучные нивы, виноградники, плодовые деревья и сады усеяли соседние склоны, и все путешественники поражались тому, насколько эффективно здесь используются террасы. Их орошение строго регламентировалось, и те, кто начинал тратить воду раньше назначенного времени, платили штраф.

Ботлих был одним из самых укрепленных аулов Северного Кавказа. Его трое ворот позволяли контролировать въезд в аул, для охраны которого предназначались также семь башен (*шеба*), соединявшихся между собой подземными туннелями. Некоторые семьи играли сторожевую роль: они жили в небольших поселениях из нескольких домов, разбросанных вокруг аула, что давало возможность вовремя замечать приближение чужаков и поднимать тревогу. В отличие от большинства аулов Кавказа Ботлих первоначально являлся местом поселения нескольких независимых кланов, у каждого из которых было самоуправление и имела своя территория с башней, мечетью и кладбищем. К XIX веку эта кланово-территориальная структура уже превратилась в чисто территориальную, без родовых связей.

Благодаря своему расположению и богатству аул Ботлих стал важным торговым узлом Западного Дагестана и вел энергичную торговлю с соседними аулами и народами не только того же Дагестана, но и Чечни, Дербента, Грузии, а также персидских провинций. Роль этого аула в северокавказской торговле была серьезно подорвана только в начале 1800-х годов — с приходом русских и в особенности с последовавшим со стороны России запретом Ботлиху торговать с Грузией.

Однажды вечером, когда Семен остановился рядом с местной чайной, где мужчины разговаривали за чаем и игрой в нарды, он достаточно быстро понял, что местные жители возмущены русскими и винят их политику во всех случившихся за последнее время невзгодах: русские не позволяют купцам ездить в грузинские и персидские города, контролируют цены на товары, расставляют правителей-марионеток и вообще приносят на Кавказ перемены, которые сильно сокращают влияние Ботлиха и вредят его благоденствию. Неудивительно, что десятилетием позже ботлихцы с энтузиазмом поддержат Шамиля в его войне против России и время от времени будут поднимать восстания²¹.

²¹ Народы Дагестана. С. 180—185.

ЧЕЧЕНЦЫ

Проведя несколько дней в Ботлихе и на его базарах, Семен был готов отправиться в земли самого многочисленного и, по общему мнению, самого воинственного народа на Северном Кавказе — чеченцев. От Ботлиха дорога вела на север, в горы. Вскоре путешественники оставили позади цветущие луга и большое озеро, известное как Форелевое. За высокогорным перевалом Харамы (высота 2200 метров) лежали верховья реки Аксай, горная страна Ичкерия. Это был юго-восточный угол Большой Чечни, границами которой служили реки: Аксай на востоке и Аргун на западе. На запад от Аргуна до самой реки Ассы простиралась земля Малой Чечни. Первые сообщения о чеченцах достигли Москвы в 1587 году, когда московитские послы, проехавшие через горы на пути в Грузию, сообщили о кланах Мичкиз (Мичик), Индили (на реке Ингилик) и Шубут (в верховьях Аргуна). Как это часто бывало в регионах, где политические объединения еще не вполне сложились, один и тот же народ мог быть известен соседям под разными именами. К примеру, кабардинцы называли чеченцев *шашан* или *чечен* (по названию селения), кумыки — *мичик* (по названию реки), а грузины — *кисты*. Русские, сперва использовавшие все эти названия, в начале XVIII века стали употреблять один-единственный термин — «чеченцы». Когда чеченцы вели дела с чужаками, то называли себя *нохчи*, или «люди», но друг друга они определяли через принадлежность к тому или иному роду.

Тот факт, что чеченцы жили свободными клановыми обществами — группами аулов, связанных родством, территорией и принесенной друг другу присягой, — являлся секретом Полишинеля, но русские предпочитали видеть других лишь через призму собственного общества, и им трудно было представить народ, не имеющий государства и единого правителя. В конце XVIII века настоящим открытием для генерал-губернатора Кавказа П.С. Потемкина стало то, что «из тех народов под названием чеченцев и кумык, никто не составляет настоящей нации, но каждое селение имеет своего владельца, свое управление, с некоторой малою отличностью»²².

²² Сношения России с Кавказом. С. 33 (№ 4); Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. 6. С. 3. Слово «чеченец» впервые появляется в официальных источниках в 1708 году. См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое [далее — ПСЗ]: В 45 т. СПб., 1830. Т. 4. С. 421. Это название присутствует на русской карте 1719 года. См.: Кабардино-русские

Первой целью Семена был Веден (Ведено) — аул из 260 домов, возвышавшийся на берегах реки Хулхулау. Через сорок лет он будет лежать в развалинах, разрушенный русскими, одержавшими решающую победу над Шамилем, но сейчас ничем не отличался от многих других аулов Северного Кавказа. По выезде из Ведено однодневное путешествие привело Семена к крупнейшему селению в Большой Чечне — аулу Шали, насчитывавшему 780 домов и около 4 тыс. жителей. Дорога на Шали вилась вдоль горных склонов, спускаясь к долинам рек Терек и Сунжа. Здесь, на полпути к аулу, реки стали спокойнее, а грозные ущелья гор остались позади. Но чувство безопасности окружающей природы и встречных людей было обманчивым. Именно сейчас путники въехали в густые первозданные леса Чечни, где уже немало путешественников было ограблено и похищено бродячими разбойниками²³.

Шали, расположенный на берегах реки Басс, одного из многочисленных притоков Сунжи, являлся процветающим аулом. Здесь сходились торговые пути, соединявшие горы и равнины. Окруженный полями и плодовыми садами, Шали был известен своим рынком, на котором животные продукты гор выменивались на сельскохозяйственные продукты равнин. Ближайшие леса также обеспечивали ряд важнейших источников дохода: мед, воск и, самое главное, бревна, продававшиеся связками.

В то время, когда Семен путешествовал по Кавказу, аул Шали, подобно всем крупным аулам в Дагестане и Чечне, переживал кардинальные перемены, вызванные все большим присутствием России в регионе. Главной причиной недовольства местных жителей был растущий поток славянских переселенцев. В 1762 году русское население Северного Кавказа составляло около 20 тыс. человек, но спустя тридцать лет оно выросло до 111,4 тыс., не считая 38,5 тыс. украинцев и 14,5 тыс. христиан иного этнического происхождения. Иммигранты селились вдоль реки Терек, лишая ногайцев их традиционных пастбищ. Цифры говорят сами за себя: с 1762 по 1795 год численность ногайцев сократилась со 109 до 44 тыс. человек²⁴.

отношения. Т. 1. С. 289; Т. 2. С. 364 (№ 256); Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 133—150.

²³ Берже А.Л. Чечня и чеченцы. С. 27, 42, 92; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 476.

²⁴ Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. С. 227.

Прибытие славян и других переселенцев (армян, немцев и греков) нарушило традиционные общественные и торговые отношения в регионе. Внезапное продвижение русских войск с позиций вдоль Терека к Сунже в 1818—1820 годах и постройка новых крепостей в непосредственной близости от чеченских аулов были лишь самыми недавними проявлениями непрекращавшейся российской экспансии на Кавказе. Недовольство в Шали столь же бросалось в глаза, как и в других чеченских аулах. В XIX веке Шали стал одним из эпицентров антироссийской деятельности и суфизма, что по большому счету означало одно и то же²⁵.

Здесь, в Шали, Семен понял, что граница России находится гораздо ближе к этим местам, чем он себе представлял. За восемь лет, прошедших с 1814 года — с его отъезда из станицы Наурской, — северокавказский пейзаж заметно изменился. Граница двигалась от Терека к Сунже, и родная станица Семена перестала быть типичным пограничным казачьим поселением. Новая граница, проходившая сразу к северу от Шали, отделяла земли коренных народов от российского Северного Кавказа.

Следы ермоловского завоевания были видны повсюду. В июне 1818 года Ермолов заложил крепость в нижнем течении Сунжи, на

²⁵ Один из самых известных эпизодов сопротивления имел место в Шали в январе 1864 года и глубоко укоренился в памяти чеченцев. События разворачивались следующим образом. Когда российские власти арестовали популярного предводителя суфийского джамаата, шейха Кунта-Хаджи, не менее 3 тыс. его мюридов собрались в Шали, требуя освобождения арестованного. Трижды последователи шейха посылали своих представителей к ближайшему русскому гарнизону, который, как они считали, держал в плену Кунта-Хаджи, и трижды русский командующий отвергал их требования. Последователи шейха не подозревали, что к тому времени Кунта-Хаджи уже увезли тайно в дальнюю часть России. Вскоре после того, как представители мюридов вернулись с очередным отказом, толпа, напевавшая традиционные песнопения (*зикр*), пришла в неистовство. Положившись на свои молитвы и на могущество Всевышнего, мюриды бросали свои ружья, вынули из ножен сабли, кинжалы и с танцами и песнопениями начали двигаться на русский гарнизон. Когда толпа приблизилась, русские солдаты открыли ружейный и артиллерийский огонь. Результатом стала кровавая бойня: 164 мюрида было убито и многие ранены. Сотни рядовых участников этих событий были арестованы, а вождей приговорили к каторге и отправили в Сибирь. Шейх Кунта-Хаджи оказался в ссылке в небольшом городе на севере России, где и умер тремя годами позже. Те, кто был убит русскими солдатами в 1864 году, и другие, кто пал, сопротивляясь российским властям, стали считаться мучениками; они были погребены на южных подступах к аулу Шали, на кладбище, которое получило известность как кладбище газавата. См.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: В 2 т. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967. Т. 1. С. 129; Топонимия Чечни. С. 489.

левом берегу, и назвал ее Грозная. Для нее была выбрана стратегически важная точка, позволявшая русским контролировать подступы к горам через Ханкальское ущелье. Название крепости и ее расположение не оставляли сомнений по поводу намерений Ермолова, который писал: «...живущим между Тереком и Сунжею злодеям, мирным и именующимся, предложу я правила для жизни и некоторые повинности, кои истолкуют им, что они подданные Вашего Императорского Величества, а не союзники, как они до сего времени о том мечтают»²⁶. В течение следующих двух лет генерал построил еще две стратегические крепости: Внезапную возле Эндери и Бурную возле Тарки. Эти три крепости и те, что появились вслед за ними, должны были распространить власть России на равнины и предгорья Кавказа, прежде чем империя двинется вперед — в горы.

В своем докладе петербургским властям в 1817 году Ермолов утверждал, что продвижение российской границы и построение новой линии укреплений по Сунже позволит завоевать Северный Кавказ и, таким образом, достичь стратегических целей империи — защитить российские интересы в Грузии и остальных областях Закавказья. Тем временем новые крепости будут распространять влияние России в ближайших окрестностях: Внезапная и Бурная должны были стать опорой лояльному России шамхалу против непокорной кумыкской аристократии, а Грозная — сделать безопасной дикую местность между Тереком и Сунжей, служившую традиционным прибежищем для разбойников.

Вопрос безопасности, несомненно, не мог быть отделен от вопроса земельного. Ермолов отчетливо дал понять, что намеревается перераспределить плодородные земли вдоль Сунжи между казаками и некоторым количеством лояльных ногайцев, оставив чеченцам лишь «нужное им количество земли». Любое сопротивление со стороны чеченцев приведет к их изгнанию, и «в сем случае уже все земли останутся в распоряжении нашем»²⁷.

В земельной политике Ермолова не было ничего нового — она верно следовала установившейся в XVIII столетии российской практике. Захватывая традиционные пастбища, российские власти могли выселять скотоводческие народы: так они выселили калмыков с берегов Волги, ногайцев с берегов Кубани, кабардинцев с берегов Терека. На смену

²⁶ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 139; Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar. P. 30.

²⁷ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 139.

скотоводам пришли казаки, крестьяне (русские, украинцы, немцы), превратившие бывшие пастбища в богатые земельные угодья, а также армянские, грузинские и греческие купцы, основавшие процветающие коммерческие предприятия. То же самое, в представлении Ермолова, можно было сделать и на землях вдоль берегов Сунжи.

В течение четырех месяцев лета—осени 1818 года генерал лично следил за строительством крепости Грозной. Пока непосредственные намерения русских оставались для жителей чеченских селений неясными, чеченцы, не знали, как реагировать. Но когда русское командование потребовало предоставления заложников из близлежащих чеченских аулов и приказало местным жителям обеспечивать деревом строительство крепости, стало понятно: русские уходить отсюда не собираются. Несколько чеченских аулов, объединившись с соседями из Дагестана, совершили ряд мощных нападений. Однако местное ополчение не могло противостоять разрушительной силе русской артиллерии, тактическим умениям русских офицеров, строгой дисциплине русской армии и ее способности осуществлять долгосрочные военные операции. Не менее важную роль играло также то, что Россия опиралась на местных информаторов и советчиков, которые держали русских в курсе намерений чеченцев и знакомили представителей империи с местной топографией²⁸.

Когда появилась крепость Грозная, обитатели Шали почувствовали, что живут слишком близко к новой границе. Лишь густой лес и быстрые воды Аргуна защищали аул от русского гарнизона. Семен знал, что находится на полпути между Шали и Грозной, когда переправился через Аргун неподалеку от чеченского селения Беглекой. Еще тринадцать километров по лесу — и он приблизился к русской крепости. С расстояния она, должно быть, напоминала типичный мусульманский город. Конечно, это была всего лишь иллюзия, которую создавали четыре соседние чеченские деревни, чьи минареты господствовали над окрестным пейзажем. Когда перед глазами Семена появилась сама Грозная, она отнюдь не оправдывала своего имени. Юноша мог увидеть деревянную крепость, ее земляные насыпи почти в два метра высотой, укрепленные палисадами, два глубоких рва, наблюдательную башню и даже жерла пушек, видневшиеся через бойницы. Подобно многим другим русским крепостям, Грозная представляла собой правильный шестиугольник, каждый угол которого был бастионом, укрепленным двумя пушками.

²⁸ Записки А.П. Ермолова. С. 304—311.

Переpravившись через Сунжу по узкому деревянному мосту, Семен и его спутники въехали в крепость сквозь юго-восточные ворота. Был жаркий летний день, и, за исключением часовых и тех, кто работал вокруг оружейного склада, большая часть гарнизона отдыхала в казармах. Вне стен крепости имелось небольшое огороженное пространство, предназначенное для женатых солдат и другого служебного персонала. Там находились маленькие деревянные домики, часовня, баня, конюшни, кухня и иные строения. В 1830—1840-е там поселились немало ремесленников и торговцев, в том числе небольшая колония горских евреев. Рядом с огороженным пространством было кладбище, и казалось, что для построенной несколько лет назад крепости на этом кладбище слишком много могил. Семен вскоре узнал, что куда большее число русских солдат умерло от желтой лихорадки, чем от вражеского огня²⁹.

Добравшись до Грозной, наш герой пересек не только географическую границу, отделявшую русские войска от коренного населения Северного Кавказа, но также культурную и психологическую — последнее, как он позже выяснит, было совсем не легким делом. В те восемь лет, когда формировалась его личность, Семен находился далеко от места, где родился, и кавказские горы и долины стали его вторым домом. Кавказские языки сделались для его слуха более естественными, чем звуки русской речи. И хотя русские многое позаимствовали у тех людей, которых пришли завоевывать — одежду, обычаи, оружие, манеру строить дома и вести хозяйство, — они очевидным образом отличались от своих кавказских соседей. Теперь же Семен возвращался в мир собственного раннего детства, в мир, который должен был казаться юноше чуждым и странным. Всего через несколько коротких лет русский мир и мир коренных народов Северного Кавказа столкнутся друг с другом сильнее, чем когда-либо прежде, а вслед за ними столкнутся и внутренние миры Семена Атарщикова.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

Крепость Грозная стала первым культурным шоком, ожидавшим Семена по ту сторону границы. После путешествия через процветающие

²⁹ Город Грозный. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1984. С. 8—15; Страницы истории города Грозного. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1989. С. 3—6.

кавказские аулы, окруженные цветущими плодовыми садами и сочными пастбищами, Грозная казалась мрачной и непривлекательной. Как это обычно бывало в русских крепостях, гарнизон жил очень плохо, находясь в полной зависимости от поставок еды и других припасов из соседних чеченских аулов, так что многие солдаты болели.

Семен и его спутники покинули крепость через главные ворота и поехали по единственному пути, соединявшему Грозную с остальной Российской империей. Из Грозной дорога шла через казачью станицу Червленную на Тереке, а затем — дальше на север, к Кизляру и Астрахани. Отрезок пути Грозная—Червленная был новым и символизировал изменения, произошедшие в местном пейзаже благодаря российскому присутствию. Дорога, проложенная через первозданные леса Чечни, являлась необходимым условием российского завоевания. Подобные дороги были жизненно важны для снабжения все новых российских крепостей. Чтобы проложить дорогу через густой лес, требовалась полномасштабная военная экспедиция, и не один русский солдат попал в засаду и был убит, прокладывая ту или иную дорогу на Северном Кавказе³⁰.

Единственным поселением между Грозной и Червленной была чеченская деревня Старый Юрт (позже переименованная в Толстой-Юрт). Через шесть часов после отбытия из Грозной Семен подъезжал к Червленной. Здесь Терек был шире, а переправа через него являлась одной из самых широко используемых речных переправ на Кавказе, одинаково популярной у мирных людей, разбойников и армий. Вначале казачьи поселения строились прямо на берегах реки, но за прошедшее с тех пор время берег отодвинулся в сторону, и теперь от прежних домов оставались лишь руины, скрытые за плодовыми деревьями и зарослями дикой ежевики.

Станица Червленная была основана как ногайский лагерь Ораз-Кала. Подобно другим казачьим станицам на Тереке, она являлась частью оборонительной линии вдоль реки — ряда казачьих станиц, сторожевых постов и башен, охранявших русскую границу. Но, кроме того, Червленная стала и важным экономическим центром — из-за находившихся поблизости мельниц и вследствие собственного выгодного расположения: на дороге из Кизляра в Грозную. В начале 1850-х в Червленной некоторое время находился молодой офицер, будущий русский писатель Лев Толстой, и именно здесь разворачивается действие его

³⁰ Толстой Л.Н. Рубка леса // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1932. Т. 3. С. 40—74.

знаменитой повести «Казачья» (Толстой назвал станицу Новомлинской, т.е. «новые мельницы»).

Перебравшись через Терек, Семен проехал около пяти километров сквозь густой лес и достиг Червленной. Ее окружали земляной вал и терновые заросли. У ворот, через которые он въехал в станицу, была камышовая крыша. Рядом с воротами находился лафет с ржавой пушкой, которая, как казалось, едва ли использовалась. Предполагалось, что на часах должны стоять вооруженные казаки, но в данный момент — как, впрочем, и обычно — ворота не охранялись. Под их крышей висела деревянная табличка с указанием численности населения станицы: 266 домов, 897 мужчин и 1012 женщин.

Даже с первого взгляда резко бросался в глаза контраст между тем миром, который Семен оставил позади, в горах, и тем, в который он теперь возвращался. На смену каменным домам, кривым улочкам и высоким минаретам типичного беспорядочно построенного горного аула пришли длинные ряды чистых деревянных домиков с окнами и высокими украшенными крыльцами обычной казачьей деревни. Дома казаков стояли на балках, находившихся в семидесяти сантиметрах над землей, на удобном расстоянии друг от друга, формируя широкие улицы. Позади домов цвели кусты акации и сирени, яркие желтые подсолнухи, виноградная лоза и фруктовые сады. Но эта сочная растительность вся размещалась на узкой полоске земли шириной около 600 метров. К северу расстились песчаные дюны сухой Ногайской степи. Это была южная оконечность огромной Евразийской степи, тянувшейся от Юго-Восточной Европы через пустыни и степи Средней Азии к берегам Тихого океана.

На главной площади станицы Семен заметил три небольшие лавки, продававшие всякую всячину. За высокой изгородью в тени нескольких раскидистых деревьев располагался самый большой дом в станице — резиденция станичного атамана. Во все дни, за исключением воскресений, улицы станицы были пустыми. Казаки выполняли свои военные обязанности, патрулируя или отправляясь в экспедиции. Старики охотились, рыбачили и помогали женщинам в работе по саду и огороду. Только самые старые, самые юные и те, кто был болен, оставались дома.

Дорога от Червленной до Наурской шла вдоль Терека, соединяя казачьи станицы и сторожевые посты в оборонительную линию длиной девятью километрами. Уже перед самым закатом, после четырех часов пути по знакомой местности, Семен прибыл в Наурскую. Жители станицы возвращались домой после рабочего дня. Обычно пустые,

улицы и дороги в это время оживали. Пастухи вели коров и буйволов, ногайские батраки подгоняли волов, везущих телеги, мужчины возвращались с реки со свежепойманной рыбой, женщины несли на спинах хворост, а мальчишки играли на пыльных улицах. Дым, поднимавшийся из труб, распространял аромат высушенного на солнце навоза (*кизяка*).

Это была станица, в которой Семен родился и вырос. Он вновь поразился тесной связи между казаками и их нехристианскими соседями по ту сторону Терека. Конечно, и те и другие разделяли одинаковые ценности — желание быть свободными от верховной власти и гордость своими воинскими доблестями. Казаки щеголяли умением говорить на татарском языке, который был местным лингва франка, и нередко общались на этом языке даже между собой; у многих были друзья в соседних чеченских деревнях. Некоторые из казаков женились на чеченских женщинах и устанавливали тесные связи с родней жены.

Парадоксально, но казаки испытывали куда большую симпатию к соседям-чеченцам, которые периодически нападали на них, грабили их и даже убивали, чем к русским солдатам, которые приходили защитить их от нападений чеченцев. Казаки презирали размещенных в их деревнях русских солдат и пренебрежительно называли их *москалями*. Почти такое же презрение они испытывали к украинским поселенцам, которые именовались *хохлами* — это название указывало на обычную для запорожских казаков прическу. Если украинцы были чужаками, конкурировавшими с казаками в делах земельных и торговых, то присутствие русских войск угрожало самому образу жизни казачества. Русские ограничили традиционные свободы казаков и, чтобы увести последних от старообрядчества, навязали им русских священников³¹.

Жизнь в казачьей станице имела свой собственный ритм. Для женщин это означало работу по хозяйству, для мужчин — военную службу, а кроме того, большую часть времени все обитатели станицы проводили за обработкой земли. Вначале жизнь Семена потекла совершенно предсказуемо. Следующей весной он был призван, чтобы принести присягу. Несколько сотен молодых казаков собрались на площади перед церковью. Когда священник закончил читать присягу, каждый из призванных подошел к кресту и поцеловал его. С этой минуты они перестали быть деревенскими парнями, а сделались казаками на царской службе, защитниками Российской империи³².

³¹ Толстой Л.Н. Казаки. М.; Л.: Гослитиздат, 1949. С. 16—22.

³² Шолохов М.А. Тихий Дон // Шолохов М.А. Собрание сочинений: В 2 т. М., 1966. Т. 2. С. 162—163.

Летом Семен уехал в лагерь, где собирались местные казаки для ежегодных учений и военных упражнений. Через месяц он присоединился к другим казакам и стал участвовать в дневном патрулировании Терека. Но вскоре оказались востребованными уникальные лингвистические познания Семена, а также его близкое знакомство с народами по ту сторону границы. Чечня и Северный Дагестан восстали, и генерал Ермолов вновь намеревался заняться умиротворением региона. В 1823 году, шестнадцати лет от роду, Семен был зачислен переводчиком в Моздокский казачий полк.

Глава 4

В ЖЕЛЕЗНОМ КУЛАКЕ ЕРМОЛОВА

ГЕНЕРАЛ

Когда Россия, одержав победу над Наполеоном, увеличила свое влияние в европейской политике, Петербург решил, что пришло время умиротворить Северный Кавказ. Российское правительство руководствовалось несколькими тактическими и стратегическими устремлениями: к прекращению разбоя на границах страны, к захвату земель для земледелия и торговли, к приведению местного населения в состояние покорности и закреплению растущей власти России в Закавказье — в грузинских, армянских и азербайджанских землях.

Задача умиротворения Северного Кавказа выпала уже встречавшемуся на страницах этой книги главнокомандующему русскими войсками на Кавказе генералу А.П. Ермолову, чье долгое пребывание в регионе (с 1816 по 1827 год) впоследствии будет оцениваться весьма противоречиво. Одни сочтут его легендарным полководцем, чьи смелость и решимость наконец поставили население Северного Кавказа на колени. В глазах других он будет безжалостным и недальновидным захватчиком, своей тактикой навсегда восстановившим местных жителей против России, чего вполне можно было избежать.

В мае 1816 года Ермолов прибыл в Тифлис, чтобы возглавить Отдельный Грузинский корпус, четырем годами позже переименованный в Отдельный Кавказский. Профессиональный военный, генерал оказался в 1817 году в нетипичной для себя роли: ему поручили деликатную задачу — посольскую миссию в Иран. Целью посольства являлось, смягчив позицию иранского двора, добиться от него признания российской аннексии Азербайджана и согласия на то, что граница России будет проходить по рекам Кура и Аракс. По Гюлистанскому мирному договору 1813 года иранцы были вынуждены уступить России многие азербайджанские провинции, но теперь при поддержке Англии подталкивали Петербург к пересмотру условий договора. Ермолов получил указание отклонить предложение о выводе российских войск за Терек, но при этом не допустить войны с Ираном, армии которого оказывала помощь — в виде оружия и в лице инструкторов — британская Ост-Индская компания.

Генерал не годился для столь деликатной миссии. Его заслуженно считали человеком честным, простым в быту, нетерпимым к коррупции и заботящимся о своих солдатах — и они уважали и боялись его. Но вместе с тем он был эгоистичен, весьма амбициозен и честолюбив — на эти опасные качества обратил внимание глава российской тайной полиции М.Я. фон Фок, сообщавший о них в своих донесениях¹.

Жесткий, откровенный, прямолинейный подход Ермолова в сочетании с его саркастически-снисходительным отношением к «азиатским обычаям» оскорблял принимавших его иранцев и создавал напряженность. Самоуверенный и надменный, генерал вел себя в точности так же, как многие русские посланники до и после него, отказывавшиеся соблюдать традиции различных монарших дворов, чтобы ничем не уронить достоинство государя, которого они представляли. Наперекор обычаю Ермолов отказался снять сапоги и надеть красные носки перед входом во дворец шаха и поэтому не был впущен внутрь, а был принят лишь при дворе².

В ходе своей краткой миссии генерал продемонстрировал, с одной стороны, уверенность в собственной правоте, а с другой — заносчивость и пренебрежение по отношению к «восточному миру». Исходя из тогдашних стереотипов, согласно которым Восток был обиталищем развратного, аморального, вероломного и жестокого деспотизма, Ермолов проигнорировал петербургские инструкции и, вместо того чтобы закупить на выделенную ему крупную сумму денег подарки для иранского двора, большую часть средств посольства направил на постройку русского военного госпиталя в Тифлисе.

Верил Ермолов и в то, что «азиатцами» руководят иные моральные стандарты и в отношениях с ними нет необходимости применять понятия правды и чести. На очередном этапе переговоров он заявил, что является потомком Чингисхана, и, нисколько не смущаясь, пустился в рассуждения о своем жребии представлять ту страну, которой долго правили его предки. Чтобы убедить недоверчивых иранцев, русские представили им одного из родственников Ермолова — его двоюродного брата, служившего в то время в российском консульстве в Тебризе и обладавшего широкими скулами, действительно придававшими ему азиатский вид. Это была грандиозная и дерзкая ложь! В мире азиатской

¹ Медведева М.М. Грибоедов под следствием и надзором // Литературное наследство. М., 1956. Вып. 60. Кн. 1. С. 485—486.

² Записка генерала Ермолова о посольстве в Персию в 1817 году // Записки Алексея Петровича Ермолова. М.: Университетская типография, 1868. Т. 2. С. 1—74.

политики претензия на происхождение от Чингисхана означала законное право на престол; таким образом, полководец-«Чингисид» во главе большой армии по ту сторону границы представлял серьезную угрозу правящей династии Ирана. Мы не знаем, отнеслись ли иранцы к этим абсурдным притязаниям так серьезно, как о том свидетельствовал Ермолов³.

Зато мы точно знаем, что генерал пытался создать себе образ местного властителя не только ораторским искусством. За десять лет, проведенные на Кавказе, он приобрел себе гарем — факт малоизвестный, который старательно скрывал и сам Ермолов, и те, кто впоследствии о нем писал. Каждый его брак регистрировался местными муллами как кебинный, т.е. временный, формальный, который мог быть расторгнут в любой момент при полном возвращении приданого. Эта и другие формы брака, подразумевающие выкуп за невесту, были широко распространены в регионе. Три жены Ермолова родили ему четверых сыновей и одну дочь. Сыновья были отправлены в Россию, получили образование в военных школах и стали армейскими офицерами. Спустя много лет после отъезда с Кавказа Ермолов несколько раз посылал деньги одной из своих бывших жен и дочери и всегда проявлял интерес к сыновьям⁴. Похоже, что знаменитый русский полководец, почитаемый как герой Кавказа, был вместе с тем и восточным сатрапом.

Подобно многим европейским правительственным чиновникам, оказавшимся в колониальном окружении, Ермолов столкнулся с неудобной реальностью, которая не очень сочеталась со сложившимися у него

³ АКАК. Тифлис, 1873. Т. 5. С. 256—267; Записка генерала Ермолова о посольстве в Персию. С. 66.

⁴ Ермолов женился на своей первой жене, Сюйде, в ноябре 1819 года, во время пребывания в городе Тарки. Она родила ему сына Бахтияра (Виктора), который в двухлетнем возрасте был отправлен на воспитание в Россию, в то время как Сюйда осталась в Тарки. Вторая и любимая жена Ермолова, Тотай, была родом из аула Кака-Шура в Центральном Дагестане. Она уже была помолвлена, когда в январе 1820 года Ермолов приказал похитить ее и привезти к нему. В последующие шесть лет Тотай родила двоих сыновей, Алла-Яра (Севера) и Омара (Клавдия), а также дочь Сатият (Софию). Наконец, в 1823 году Ермолов женился в третий и последний раз — на Султанум-Бамат из селения Большие Казанищи. Она родила ему сына Исфендияра, умершего в младенчестве. См.: Берже А.П. Алексей Петрович Ермолов и его кебинные жены на Кавказе, 1816—1827 гг. // Русская старина. 1884. Т. 43 (сентябрь). С. 523—528; Исторический вестник. 1885. Т. 22. С. 732; Русская старина. 1872. Т. 5 (март). С. 436—454. Я признателен Александру Микаберидзе за эти ссылки. Общую информацию о данной разновидности брака см. в статье: Nikah // The Encyclopedia of Islam. New ed. Leiden: E.J. Brill, 1995. Vol. 8. P. 28; Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе: В 2 т. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1890. Т. 2. С. 177—179.

взглядами и убеждениями. Типичный продукт эпохи Просвещения, к тому же лишенный сомнений в себе или сочувствия к другим, он твердо верил в превосходство европейской христианской цивилизации, представляемой Россией. Но осуществлять «распространение христианской религии, которая столь нужна для смягчения здешних нравов» — как делать это в регионе, где уже настолько глубоко пустил корни ислам?⁵ Как навязать власть империи народам, которые не слишком рады централизации власти? Как переделать местные культуры с характерным для них традиционным образом жизни — выходящим за рамки имперских законов и фундаментально отличным от образа жизни русских?

Ермолов предпочел преследовать российские интересы безо всяких компромиссов — при помощи насилия, страха и запугивания. Он был убежден, что его способность применять насилие приведет к уважению и послушанию со стороны местных жителей, и не важно, будут ли они видеть в нем русского генерала Ермолова, повергающего их в трепет, или всесильного местного властелина, которого они называли сердаром (по-персидски — «командиром») Ермол-оглу.

Многие современники отмечали естественную способность Ермолова вызывать уважение и восхищение. Даже такие враги самодержавия, как великие русские поэты Александр Пушкин и Александр Грибоедов, глубоко верили в цивилизаторскую миссию России и от всей души восхищались генералом. В конце концов, «он в Азии, — а здесь даже ребенок хватается за нож», восклицал Грибоедов, который, подобно стольким своим современникам, русским поэтам и писателям, романтизировал, феминизировал и ориентализировал Кавказ⁶.

Впрочем, имелось небольшое число людей, относившихся к этому иначе. Одним из них был декабрист генерал М.Ф. Орлов, который весьма скептически оценивал мудрость и эффективность политики Ермолова, да и всего российского имперского предприятия: «Покорить чеченцев и другие народы региона так же трудно, как выровнять Кавказские горы. Во всяком случае, этого нельзя добиться штыками; этого можно достигнуть только со временем, путем просвещения, которого и у нас самих не в избытке»⁷. Однако в те годы критика, высказанная

⁵ Приложения к запискам А.П. Ермолова // Записки Алексея Петровича Ермолова. Т. 2. С. 114.

⁶ Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений: В 3 т. СПб.: Нотабене, 1999. Т. 2. С. 293. Замечательное рассуждение о связях русской литературы с Кавказом см. в кн.: Layton S. Russian Literature and Empire.

⁷ Азадовский М.К. О литературной деятельности А.И. Якубовича // Литературное наследство. 1956. Вып. 60. Ч. 1. С. 281.

Орловым, не встретила отклика, и ермоловское завоевание Кавказа быстро продвигалось.

«АУЛ ИСТРЕБЛЕН ДО ОСНОВАНИЯ»

В то время как основное внимание Ермолов по-прежнему уделял Чечне и Дагестану, российские передовые посты перемещались вперед, в земли коренного населения, по всему Северо-Восточному и Центральному Кавказу. В 1817 году русские построили крепость Назрань (в наше время — столица Ингушетии), а на следующий год — крепость Налчик (теперь — столица Кабарды). Две эти твердыни были призваны обеспечить безопасность на Военно-Грузинской дороге — стратегической трассе, соединявшей Россию с Грузией.

Продвижение русской армии к югу от Терека, быстрая постройка новых русских крепостей на северокавказских равнинах и карательные экспедиции Ермолова серьезно нарушили баланс сил между различными местными сообществами. Россия чем дальше, тем больше сталкивалась с народным движением сопротивления, питавшимся негодованием по отношению к действиям империи и к тем местным элитам, которые встали на ее сторону. В начале 1820-х годов растущая враждебность к завоевателям вылилась в серию восстаний: в 1820—1821 годах — среди кабардинцев, в 1821-м — среди аварцев, в 1822-м — среди чеченцев, в 1823-м — среди кумыков и аварцев, в 1825-м — в Табасаране, в 1826-м — в Южном Дагестане, в 1825—1826 годах — в Чечне.

Первая волна повсеместного сопротивления поднялась в 1818 году с восстанием в Северном Дагестане и активизацией набегов кабардинских и чеченских военных отрядов. Когда русская армия глубоко проникла в Дагестан, большинство местных правителей выступили против нее — несмотря на недавно полученные от Петербурга деньги и чины. Соединенные силы аварского хана, даргинцев, Акушинского союза и кумыков, составившие, по подсчетам Ермолова, 30-тысячную армию, осадили Башлы — местопребывание уцмья, где стояли российские войска. Перед лицом абсолютного численного превосходства врага генерал-майор А.Б. Пестель, глава российских войск в Дагестане, был вынужден отступить, захватив в заложники детей⁸.

⁸ Записки А.П. Ермолова. С. 317.

Поражение русских войск в окрестностях Башлы стало важной победой для местных вождей — важной, но недолговечной. Ермолов быстро двинулся на помощь Пестелю, сея разрушения на своем пути. Некоторые из местных жителей решили спастись бегством, подобно обитателям кумыкского селения Параул, а другие, как жители аула Великий Джангутай, предпочли сражаться. Битвы были кровавыми и обычно заканчивались одинаково: тех, кто сопротивлялся, убивали в бою или после боя, а их аул уничтожали до основания. Так, было приказано сжечь все 600 домов Великого Джангутая, лишь несколько из них оставили обездоленным жителям, которым некуда было идти перед наступлением зимы. Что касается Башлы, то Ермолов приказал Пестелю вернуться и сжечь город⁹.

В прошлом завоеватели неоднократно применяли на Кавказе тактику выжженной земли. В 1740-е годы ее использовал известный своей свирепостью Надир-шах Персидский, а впоследствии — жестокие русские полководцы: в 1780-е — генерал П.С. Потемкин, в начале 1800-х — генерал С.А. Булгаков. Но пребывание Ермолова на Кавказе ознаменовалось более систематическим насилием — почти непрерывными военными походами, карательными экспедициями и уничтожением местных селений с целью устрашения коренных жителей региона.

В 1819 году, подчинив своей воле восставших кумыков, Ермолов решил, что пора обратить внимание на мятежного кади Акуши, уцмий и чеченские аулы вдоль реки Аксай. Эти аулы всегда были прибежищем конокрадов и грабителей, а кроме того, угрожали строившейся около Эндери русской крепости. Дабы преподать урок остальным селениям, Ермолов приказал своим войскам окружить чеченский аул Дадан-Юрт и потребовал, чтобы его обитатели переехали жить в другое место. Как научил генерала опыт, если жители аула вывозили своих жен и детей, можно было надеяться, что эти мужчины сдадутся; в противном же случае горцы дрались до последнего, защищая свои семьи. На сей раз жены и дети остались в ауле, и Ермолов готовился к яростному сопротивлению.

В последовавшем побоище чеченские мужчины были перебиты, но успели убить или ранить более 200 русских и лишить жизни собственных жен, чтобы те не попали в руки к неверным. В очередной раз ермоловская стратегия устрашения привела к неизбежным последствиям: Дадан-Юрт был разграблен и разрушен до основания, около 140

⁹ Записки А.П. Ермолова. С. 317.

женщин и детей попали в плен, а многие были перебиты или погибли от артиллерийского обстрела и пожаров¹⁰.

Пленных женщин и детей ждала обычная участь: они были проданы русским хозяевам как крепостные, крещены и получили русские имена. В числе чеченских детей, переживших резню в Дадан-Юрте, оказался трехлетний сирота. Он был привезен в Петербург, получил имя Петр Захаров и стал одним из знаменитых русских художников. Он написал портреты известных общественных деятелей Российской империи и по удивительной иронии судьбы был в 1842 году принят в Императорскую Академию художеств за созданный им портрет генерала Ермолова. Но автопортрет Захарова, на котором изображен типичный чеченец в одежде родного Кавказа, и тот факт, что художник решил добавить к своей фамилии уточнение «Чеченец», очевидным образом указывают, насколько отчетливо он осознавал свои корни. Можно только догадываться, какие смешанные чувства испытывал Петр Захаров-Чеченец, когда писал портрет генерала Ермолова — человека, убившего его родителей и в то же время превратившего его, чеченского мальчика из далекого аула, в одного из главных портретистов России¹¹.

В декабре 1819 года, двигаясь в Акушу, Ермслов продолжал предавать огню и мечу местные селения. Но по крайней мере в одном случае он проявил нехарактерную для него жалость — когда с сожалением отметил разрушение красивого маленького городка Уллу-Ая, 800 домов которого были подожжены, а жители бежали так быстро, что даже забыли нескольких грудных младенцев. Тем не менее, как будто опасаясь, что его сочувствие станет проявлением слабости, Ермслов немедленно нашел оправдание содеянному: «Разорение нужно было как памятник наказания гордого и никому доселе не покорствовавшего народа; нужно в наставление прочим народам, на коих одни примеры ужаса удобны наложить обуздание»¹².

Летом 1820 года российские карательные экспедиции продолжали подавлять восстание кумыков и чеченцев с предсказуемыми последствиями: аулы, оказывавшие хоть какое-то сопротивление, разрушались до основания, а их население уничтожалось. Даже тех, кто решал сотрудничать, не щадили — такова была неизбежная логика

¹⁰ Там же. С. 338—339.

¹¹ Многонациональный Петербург: История / Религия / Народы. СПб.: Искусство, 2002. С. 663; История народов Северного Кавказа. С. 222, 503.

¹² Записки А.П. Ермолова. С. 347.

оккупации, часто приводившая к неожиданным результатам. Ермолов вспоминал показательный случай: как-то раз, вернувшись в Грозную после двухнедельного отсутствия, он обнаружил, что ближайший чеченский аул, поставлявший провизию в крепость, разграблен его же, Ермолова, солдатами. Выяснилось, что местный чеченец застрелил солдата, поссорившись с ним из-за быка: чеченец утверждал, что бык принадлежит ему, а солдат — что он куплен русской армией. Когда русские потребовали, чтобы жители деревни выдали убийцу, мужчины укрыли свои семьи в близлежащем лесу и решили защищать родной аул. В конечном счете жители бежали, а селение несколько дней подвергалось разграблению. После этого все чеченские аулы на левом берегу Сунжи около Грозной были покинуты, а их население укрылось на другом берегу реки. Ермолов, сожалея о произошедшем, тем не менее винил чеченцев, рассуждая об их общественном строе, мешавшем установлению сильной власти, и об их религии, не позволявшей отдать мусульманина в руки христиан¹³.

Генерал был убежден, что его бескомпромиссный подход оправдывает себя, обеспечивая замирение Кавказа, но на деле такая тактика оказалась бомбой замедленного действия. Разрушение и наказание целых селений и общин превращало все большее число сельских жителей в мятежников, вооруженных новой идеологией сопротивления — суфийским исламом. Ничего удивительного, что к концу 1820-х первоначальная волна восстаний переросла в священную войну против русских. Продлится эта так называемая Кавказская война до 1859 года.

У СЕМЕНА ПОЯВЛЯЮТСЯ СОМНЕНИЯ

В 1823 году Семен Атарщиков оказался вовлечен в вихрь событий на Северном Кавказе. За Ермоловым тянулась широкая полоса разрушений: уничтоженные аулы, сожженные урожаи, захваченные пленники и скот, вырубленные леса и отобранные пастбища. Семен узнал о страшном сердаре Ермол-оглу, когда жил в Карабудахкенте и своими глазами видел разрушения, причиненные русскими солдатами. Но по другую сторону границы, в его родной станице Наурской, он слушал восхищенные рассказы казаков о справедливом и грозном

¹³ Записки А.П. Ермолова. С. 289, 314.

русском полководце. Теперь, получив приказ присоединиться к походу Ермолова, Семен мог наблюдать его деятельность вблизи.

Являясь одним из немногих переводчиков, знающих чеченский и кумыкский языки, Семен был немедленно направлен в район боевых действий. В 1823 году он прибыл в крепость Бурную — и как раз вовремя, чтобы присоединиться к походу коменданта крепости, подполковника Евреинова, направлявшегося на подавление восстания в нескольких соседних кумыкских деревнях. Генерал-майор К.К. фон Краббе, российский командующий в Дагестане, не знал, хватит ли Евреину имевшихся в его распоряжении одного пехотного батальона и четырех пушек, и приказал полковнику Верховскому с шестью ротами пехоты, шестью пушками и татарской конницей выдвинуться из дербентского гарнизона на помощь коменданту Бурной в его походе.

Серьезность восстания была преувеличена, и хватило появления отряда Евреинова, чтобы деревни успокоились. Полковник Верховский продолжал двигаться к мятежным деревням, когда Семен Атарщиков был отправлен к нему с вестью, что порядок восстановлен и полковник может возвращаться в Дербент. По иронии судьбы Семен встретился с Верховским в Карабудахкенте. Два года прежде Семен на вид ничем не отличался от остальной местной молодежи, а теперь въехал в город в казачьей униформе. Он хорошо понимал оба мира: местных людей с их заботами и жалобами на Россию — и русских, бескомпромиссно требовавших верности и подчинения. Но, будучи переводчиком казачьего полка, он, безусловно, представлял русский мир. Или, по крайней мере, должен был представлять его: первое же столкновение Семена с реальной войной показало ему самому, насколько сложно подобрать для конфликта между русскими и местным населением простую характеристику. Все это обещало еще больше затруднить и так уже неясную самоидентификацию молодого человека.

Оказавшись перед фактом собственного преображения, Семен не мог чувствовать себя вполне комфортно. Размещенные в городе несколько сотен русских солдат с блестящими на солнце штыками, оглашавших воздух барабанным боем и громкими песнями, — это зрелище должно было показаться нестерпимым на фоне привычного пейзажа местных домов и минаретов, зеленых полей и изобильных плодовых садов. Тем не менее Семен наслаждался ролью своеобразного хозяина, выступая посредником между русским командиром Верховским и местным беком, пригласившим своих гостей на празднество, которое традиционно сопровождалось конными скачками, состязаниями в стрельбе и борцовскими поединками.

В ходе недолгого визита полковника Верховского в Карабудахкент его сопровождал молодой и красивый кумыкский аристократ по имени Аммалат, зять и племянник шамхала. Они встретились тремя годами раньше, и с той поры им всегда нравилось общество друг друга: Аммалата привлекало все русское и вообще иностранное, а полковник был очарован суровым обаянием горца и совершенством, с которым тот владел боевыми искусствами. Но последовавшие вскоре события показали, сколь хрупкими в действительности были отношения между русскими и местным населением.

После трех дней в Карабудахкенте полковник Верховский и его люди отправились в Дербент. Аммалат, как это часто бывало, сопровождал полковника. Где-то на пути, когда двое на какой-то миг отделились от остальных, Аммалат застрелил Верховского и бежал в горы¹⁴. С точки зрения русских, это стало очевидным доказательством вероломства туземцев, подтверждавшим, что доверять им нельзя.

Неясно, что именно спровоцировало Аммалата на столь серьезный поступок. Но размах восстания, начавшегося после убийства полковника, показывает, что последнее отнюдь не было отдельным инцидентом. Жители нескольких кумыкских аулов немедленно взяли в руки оружие. Восстание охватило даже столицу шамхальства, Тарки, где повстанцы убили русского пристава и двух казаков. В то же самое время аварский хан Ахмед поднял своих подданных против русских. Таким образом, представляется, что план восстания могли составить Ахмед и Аммалат; возможно, Аммалат надеялся на гребне антироссийской волны занять место своего дяди-шамхала в Тарки.

Ермолов ответил в свойственном ему стиле — стремительной карательной экспедицией. Семену было приказано вступить в отряд генерала фон Краббе, отправившийся подавлять мятеж кумыкских аулов Каранай и Эрпели. В Каранай Семен впервые увидел русский поход. Жители села сопротивлялись, но русская артиллерия быстро одержала над ними верх. Русские солдаты шли через аул, грабя все на своем пути. От стогов сена поднимался дым, дома зажигались и крыши падали, а блуждавший повсюду скот отчаянно блеял. Солдаты выносили ковры, домашнюю утварь и еду. Один убил козу, а другой пил из большого котелка свежее молоко. Несколько стариков, из-за возраста безразличных к собственной судьбе, вывели из домов и посадили на

¹⁴ Записки А.П. Ермолова. С. 388; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 135. Эта история была широко известна русскому читателю XIX века, потому что легла в основу повести Александра Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек».

русские повозки. После нескольких часов грабежа весь аул подожгли. Именно эта картина скрывалась за фразой, столь часто заканчивавшей русские военные рапорты: «Аул истреблен до основания»¹⁵.

Руины большого кумыкского села Каранай не могли не произвести на юного Семена Атарщикова глубокого впечатления. Он был во многом частью этого народа и жил его жизнью. Должно быть, ему было очень тяжело, когда он понял, что участвует в уничтожении людей и мест, которые так хорошо знает. А может быть, Аммалат внезапно перешел на сторону горцев не только ради выгоды, но и желая отомстить русским? Не тогда ли были посеяны первые семена сомнений, которые со временем приведут к дезертирству самого Семена?

Огневая мощь и военное превосходство России казались ошеломляющими, но несколько сражений показали, что царскую армию все же можно победить. Вскоре после разрушения аула Каранай русские войска двинулись покорять Эрпели, другое крупное кумыкское селение. Здесь они столкнулись с упорным сопротивлением жителей, умело воспользовавшихся природными условиями своей местности. Густой лес не позволил русским эффективно использовать артиллерию, обычно приносившую им столь разрушительный успех. Понеся тяжелые потери, солдаты были вынуждены отступить, а по пятам за ними шли торжествующие мятежники¹⁶.

Весть о поражении русских при Эрпели стремительно распространилась по всему региону, и многие, вдохновившись ею, рискнули выступить против завоевателей. Самое большое и хорошо организованное восстание произошло в 1825—1826 годах в Чечне; вскоре к нему присоединились соседи чеченцев — ингуши, кумыки, осетины и кабардинцы. Вождь повстанцев Бейбулат (Таймазов) был знаменитым чеченским воителем. Незадолго до описываемых событий он вернулся в Чечню из Дагестана в сопровождении известного муллы Мухаммеда — все большее число чеченских вождей ездило в Дагестан, дабы ознакомиться с новыми суфийскими учениями, и Бейбулат был одним из них. Весной 1825 года Северо-Восточный и Центральный

¹⁵ Эта сцена почерпнута из рассказа Льва Толстого «Набег» (Полное собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1932. Т. 3. С. 32). Хотя Толстой в основном создавал художественные произведения, составленные им описания в большой степени опирались на его собственный военный опыт на Северном Кавказе в начале 1850-х годов и на близкое знакомство автора с современными ему рассказами о войне.

¹⁶ Записки А.П. Ермолова. С. 389; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 136.

Кавказ взбунтовался. В то время как Мухаммед был духовным вождем восстания и считался «пророком, предназначенным Богом освободить [мусульман] от русских», Бейбулат выдвигал весьма конкретные требования: чтобы русские покинули крепость Грозную, а также другие укрепления на Сунже и отошли за Терек¹⁷.

Весной 1825 года большое войско выступило против Грозной. Русский гарнизон предпочел избежать генерального сражения и дожидаться неприятеля в крепости. Но вместо того чтобы штурмовать Грозную, главную твердыню в регионе, Бейбулат решил напасть на менее значительные крепости на Кумыкской равнине и неожиданно взял штурмом Амир-Хаджи-Юрт — небольшую, но стратегически важную русскую крепость. По мнению Ермолова, в успехе мятежников была виновата халатность коменданта крепости, который недостаточно укрепил ее и рассчитывал обороняться при помощи одной артиллерии. Когда темной и ветреной ночью в Амир-Хаджи-Юрт из ближайшего леса проникли повстанцы, пушки не помогли.

Весть о поражении русских и судьбе гарнизона — из защитников крепости (181 человек) 98 были убиты и 13 попали в плен — достигла Ермолова, находившегося в своей штаб-квартире в Тифлисе. Потрясенный и взбешенный, он быстро понял всю опасность дальнейшего распространения восстания на территорию Дагестана. Действительно, по мере того как регион облетала весть о победе повстанцев, число их сторонников стремительно росло. Поскольку количество русских солдат оставалось небольшим и они были разбросаны по всей территории Северного Кавказа, Ермолов приказал местным русским командирам собрать имевшиеся в их распоряжении войска и незамедлительно выступить против повстанцев. Два русских генерала, Николай Греков и Дмитрий Лисаневич, тотчас вывели свои войска и подоспели как раз вовремя, чтобы спасти осажденную русскую крепость Герзель-Аул.

Семен, сопровождавший генерал-майора Грекова, вновь оказался свидетелем жестоких и трагических проявлений войны. Когда повстанцы были рассеяны, генерал-лейтенант Лисаневич, решив преподать туземцам урок, велел наказать 300 самых знатных мужчин из соседнего аула Аксай. Генерал Греков и несколько местных сторонников России, лучше Лисаневича знавшие местные обычаи, советовали ему отказаться от такого мщения. Они объясняли, что жители Аксая уже принесли извинения за свою нелояльность и попросили

¹⁷ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 142.

прощения и, если задержать и тем более наказать представителей их знати, получится только хуже. Но Лисаневич был неумолим.

На следующее утро 300 человек были приведены в крепость. Непостижимым образом их не только не обыскали и не обезоружили, но и оставили без охраны, в то время как многие русские солдаты вышли из крепости в поисках продовольствия и хвороста. Лисаневич в сопровождении нескольких старших офицеров выбрал кумыков, упрекнул их в измене и пригрозил, что убьет тех, чья вина будет обнаружена. Два кумыка предстали перед Лисаневичем — он приказал арестовать их и отнять у них кинжалы. Третий кумык отказался выходить; когда же его заставили подчиниться, он тихо подошел к Лисаневичу и, внезапно выхватив спрятанный кинжал, смертельно ранил генерала. Прежде чем кто-либо успел опомниться, кумык бросился и на генерала Грекова и несколько раз ударил его кинжалом, убив на месте. До того как его застрелили, этот аксаец успел ранить еще одного офицера.

Все произошло столь быстро, что в течение какой-то напряженной минуты русские солдаты и кумыки смотрели друг на друга молча, не веря своим глазам. Последнее слово умирающего Лисаневича — «Коли!» — превратило сцену в кровавую бойню. Солдаты открыли огонь по толпе кумыкской знати; те пытались бежать, но оказались между гарнизоном и возвращавшимися военными отрядами. Большинство было застрелено или заколото штыками, лишь немногие вернулись домой.

Происшествие в Герзель-Ауле не могло не задеть Семена до самой глубины души. Оно в очередной раз показало непреодолимую пропасть между двумя разными культурами, двумя разными системами ценностей. Для русских все было очевидно: налицо возмутительная измена, вновь доказавшая то, о чем все уже знали, — что туземцы по природе своей вероломны. С кумыкской точки зрения, именно русские нарушили традиционные правила игры. Когда повстанцы просили мира, они рассчитывали на прощение. Вместо этого генерал Лисаневич вызвал к себе знатных кумыков, чтобы оскорбить их и отнять оружие. Оскорбления и конфискация кинжалов были худшим из унижений, и не стоило удивляться, что кто-то предпочел сражаться и умереть — и тем самым сохранить свою честь в традиционном ее понимании.

Это событие прогремело на весь Кавказ и вызвало очередной виток недоверия и ненависти в отношениях между русскими и местным населением. Восстание начало распространяться на запад, в Кабарду, и положение на Северо-Восточном Кавказе стало опаснее, чем когда-либо.

Два русских генерала погибли, и Ермолов сам отправился в регион, чтобы взять ситуацию под контроль. Выступив из Тифлиса, он двинулся в Северный Дагестан через русские крепости Владикавказ, Грозную и Червленную. В каждой из них Ермолов пополнял свой экспедиционный корпус новыми солдатами и новыми пушками. В конце лета 1825 года силы Ермолова, теперь состоявшие из шести пехотных рот, 300 донских казаков, 250 терских казаков и девяти артиллерийских орудий, переправились через Терек и подошли к кумыкскому городу Эндери. Прибытие этой большой и смертоносной армии обеспечило желаемый эффект: повстанцы бежали, а жители города принесли присягу.

В 1825—1826 годах произошло еще несколько стычек между русскими войсками и мятежниками, но восстание Бейбулата уже выдыхалось. Отчасти причиной этому были решительные меры, предпринятые Ермоловым. Старые крепости либо сжигались, либо сильнее укреплялись, новые — строились; восстанавливались старые дороги и прокладывались новые. Чтобы избежать дальнейших восстаний, коренное население заставляли переезжать на другое место. Именно так поступили с жителями Аксая после инцидента в Герзель-Ауле. Аксай, построенный в скалистой и заросшей густым лесом местности, был покинут по приказу Ермолова, и его жители переехали в соседнюю долину, где им было труднее обороняться. Рядом с этим новым Аксаем была возведена русская крепость — чтобы плотно контролировать обитателей аула¹⁸.

В то время как новые оборонительные сооружения и воинские подкрепления русских не позволяли повстанцам предпринимать сколько-либо эффективных действий, движение слабело и изнутри. Бейбулат начал терять поддержку среди важнейшего контингента повстанцев — кумыков. Многие из кумыкской знати, напуганные русской военной мощью и перспективой лишиться своих торговых привилегий, начали искать мира с российскими властями.

Но некоторое умиротворение Кумыкской равнины еще не означало, что с восстанием покончено: в 1826 году оно вспыхнуло новым пламенем в Чечне и Кабарде. Ермолов вновь направился в Чечню. Весной того же года он подошел к крупнейшему селению Малой Чечни — Урус-Мартану. Когда жители отказались выдать заложников и приготовились защищаться, Ермолов взял аул в кольцо войск и приказал начать артиллерийский обстрел. Жители аула бежали, понеся огромные потери. Позднее Ермолов вспоминал: «Селение приказал

¹⁸ Записки А.П. Ермолова. С. 410—415.

я истребить, великолепные сады вырублены до основания»¹⁹. На обратном пути в Грозную генерал сжег дотла еще два аула.

На протяжении весны 1826 года Ермолов продолжал оставлять кровавый след разрушения и мести. Участь, постигшая Урус-Мартан, выпала и на долю крупнейшего аула Большой Чечни, Шали, а также нескольких менее крупных чеченских аулов. Густые леса, окружавшие селения чеченцев, были вырублены, что сделало жителей беззащитными. Через леса, обработанные поля и плодовые сады устремились новые дороги, проложенные с единственной целью — способствовать безопасности России. Для контроля над торговыми путями, соединявшими Чечню и Дагестан, были воздвигнуты новые крепости и редуты. По примеру своих врагов Ермолов приказал терским казакам и лояльным кавказским конникам нападать на чеченские аулы и угонять скот. К июню 1826 года он с удовольствием докладывал, что восстание в регионе подавлено и, за исключением чеченцев, живущих по реке Мичик, все главные чеченские аулы предоставили ему заложников²⁰.

Ермолов гордился своими военными подвигами и верил, что его жестокие, но решительные меры на Северном Кавказе продемонстрировали стойкость русского духа и позволили покончить с мятежами. Однако в Петербурге чем дальше, тем больше понимали, что действия генерала чрезмерны и приводят к обратному результату. Время от времени Ермолову говорили, чтобы он был более осмотрительным во время военных походов, но эти слова не оказывали на него особого влияния. Насилие было неотъемлемой частью и образа действий, и самой личности Ермолова. В своих мемуарах он с нескрываемой радостью вспоминал, как в 1823 году отряд казаков застал врасплох население нескольких ногайских деревень по ту сторону реки Кубани, перебил 400 мужчин и женщин самого разного возраста и захватил 566 человек и 2 тыс. голов скота²¹.

Двумя годами позже черноморские казаки под командованием генерал-майора Власова сожгли дотла несколько аулов нутухайцев, а отряд под командованием полковника Е.А. Бековича-Черкасского перебил 300 семей из другого аула. Но когда Ермолов представил Бековича-Черкасского к ордену Святого Георгия, он, по-видимому, зашел слишком далеко. Негодующий император Александр I выразил

¹⁹ Там же. С. 423—424.

²⁰ Там же. С. 424—427.

²¹ Там же. С. 392; Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: В 2 т. Екатеринбург: Печатник, 1913. Т. 2. С. 826—827.

свое крайнее неодобрение по отношению к кровавым карательным экспедициям, приводившим лишь к росту недовольства и сопротивления со стороны местного населения. Император категорически отверг рекомендацию Ермолова и заявил ему, что убийство невинных и мирных людей, по большей части женщин и детей, — бесчестие для русских солдат, которые должны быть храбрыми на поле боя и милостивыми к побежденным, а не мстить безоружным. В июле 1826 года новый русский император, Николай I, пошел дальше нравственных увещаний своего предшественника и приказал отдать Власова под трибунал. Восемью месяцами позже Николай I, который опасался бонапартистских наклонностей Ермолова и подозревал его в мятежных настроениях, а также был недоволен положением дел на Кавказе, снял его самого с поста и отправил в отставку²².

Семен Атарщиков, должно быть, весьма скептически относился к достижениям Ермолова. Он знал жителей Северного Кавказа куда лучше, чем кто-либо из русских армейских начальников, и понимал, что нельзя умиротворить этот регион, опираясь только на силу оружия. Повстанцы были рассеяны, а их вождь Бейбулат покинул Кавказ, но главные проблемы, ставшие причиной восстания, так и не были решены. Россия продолжала захватывать земли местного населения и заселять их колонистами. Она продолжала требовать предоставления заложников и принесения присяги русскому царю. Российские карательные экспедиции лишь вселяли в кавказцев жажду мести и приводили к новой эскалации насилия. Кроме того, российские власти запретили работоторговлю, а она была выгодной, заставили местных жителей продавать свои товары только на русских рынках и использовали мечети как складские помещения. Одним словом, отказ пойти навстречу чувствам местных жителей и вера в прирожденное превосходство русских над кавказцами вели к новым конфликтам.

На каждом шагу Атарщиков сталкивался с глубокими противоречиями между российскими властями и местной аристократией и видел их неспособность понять друг друга. Там, где местные жители искали компромиссов, политических союзов и сохранения традиционных свобод, русские требовали беспрекословного подчинения и верности царю. В сущности, это были два различных мира: мир имперского

²² Приложения к запискам А.П. Ермолова. С. 192—193, 209—210. В 1810 году Александр I объявил выговор и кавказскому генералу С.А. Булгакову, «который, руководясь чрезвычайной жестокостью и бесчеловечностью, превзошел свои полномочия». См.: Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. С. 143—144.

государства с централизованной бюрократией и мир разрозненных общин с традиционными родовыми структурами.

К концу 1820-х в долины и горы Северного Кавказа пришли новые веяния. Появились единая идеология и единое дело, начавшие сплочение различных обществ и народов региона: антирусские выступления все в большей степени проходили под знаменем ислама. Если прежние повстанцы в первую очередь стремились к решению практических вопросов, тщетно пытаясь получить от русских какие-нибудь уступки, то вожди нового движения были прежде всего бойцами священной войны. Один мулла, уважаемый религиозный ученый из аварского аула Гимры в Дагестане, призвал к газавату, или священной войне, против русских и их пособников. Этот мулла, которого звали Гази-Мухаммед, стал первым имамом и основателем имамата — исламского государства в Дагестане и Чечне, существовавшего тридцать лет (с 1829 по 1859 год).

В то время как Гази-Мухаммед и его сторонники готовились к священной войне на Северном Кавказе, в другом далеком углу империи вспыхнуло восстание, сильно беспокоившее Петербург. Вдохновленные европейскими революциями 1830 года, поляки начали вооруженную борьбу против России. Свидетелем этих событий неожиданно оказался и Семен Атарщиков: в 1830 году он был переведен в Петербург и стал переводчиком в новом кавалерийском подразделении, формировавшемся из северокавказской аристократии, а годом позже вместе с сослуживцами принял участие в русском военном походе против восставшей Польши.

Глава 5

ПЕТЕРБУРГ И ПОЛЬША

В мае 1830 года Семен Атарщиков прибыл в Петербург. Путь отнял много времени и сил. Качество российских дорог, тем более в пору весенних дождей, было общеизвестным. Две недели ушло у Семена на то, чтобы добраться почтовыми каретами до столицы империи¹. Это было первое его путешествие за пределы Северного Кавказа, и, какими бы тяготами оно ни грозило, маршрут, пролежавший через значительную часть Европейской России, обещал новые яркие впечатления.

Путь Семена начался в Кизляре, откуда дорога шла в северо-восточном направлении по Прикаспийской низменности вплоть до Астрахани, главного русского порта на Каспийском море. Астрахань имела огромное экономическое и стратегическое значение до середины XVIII века, пока продвижение российских границ на юг, строительство новых городов и изменение традиционных торговых путей не превратили ее в провинциальный город. Это был один из старейших центров региона, все еще сохранявший часть былого великолепия, которое отражалось в некогда могучих городских укреплениях, величественных соборах и общественных зданиях.

Из Астрахани Атарщиков направился дальше на север, по западному берегу Волги. Монотонность окружающего пейзажа нарушали только группы рыбаков, с усердием вытаскивавших из воды свои сети, да изнуренные бурлаки, которые тянули вверх по течению баржи, полные экзотических товаров из теплых стран. Вдали можно было увидеть облака пыли, поднимаемые стадами калмыцких лошадей и овец, пасущихся в степи. Спустя несколько месяцев степь превратится в пропеченную солнцем пыльную равнину, но сейчас, весной, она казалась ярким, красочным одеялом из цветущих тюльпанов и благоухала свежей полынью.

Двумя днями позже Атарщиков прибыл в Царицын (нынешний Волгоград) — город, расположенный на изгибе Волги, там, где две могучих реки Европейской России, Дон и Волга, подходят друг к другу ближе всего. Царицын, построенный в XVII веке как военная крепость,

¹ Торнау Ф.Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии. С. 153.

был теперь шумным и быстрорастущим городом, извлекавшим выгоду из сельскохозяйственного и промышленного развития региона. Из Царицына в Москву вели две дороги. Старая шла вдоль Волги на Саратов, а затем поворачивала на северо-запад и следовала в Москву через Борисоглебск, Тамбов и Каширу. Это был древний путь, который использовали купцы-кочевники, привозившие своих лошадей на продажу в Москву. Новая, более короткая дорога шла напрямую через центр Русской равнины на Тамбов, Каширу и Москву. Атарщиков выбрал кратчайший путь.

За шесть дней, ушедших на то, чтобы достигнуть стен Москвы, он наблюдал типичный пейзаж Русской равнины: редкие деревни, стада скота, несколько городов среднего размера да поля ржи и пшеницы, где чумазы крестьяне работали на своих господ. Москва уже не была столицей империи, но продолжала оставаться символом России. На солнце блестели золоченые купола множества церквей и соборов, наглядно свидетельствовавшие о былой и нынешней славе. Дорога по наезженной трассе из Москвы в Петербург заняла у Атарщикова еще три дня.

Семен был зачарован величием России — географическим размахом империи, ее дорогами и реками, промышленными предприятиями и рынками, городами и отдельными строениями. Однако ничто не могло подготовить его к Петербургу. Столичный город, не походивший ни на одно место в империи, глубоко поражал многих путешественников (как россиян, так и иностранцев), которые не могли поверить своим глазам. В 1830-е годы в Петербурге было около 420 тыс. жителей, две трети из которых составляли мужчины, в том числе 60 тыс. военных. Город задумывался Петром I, поклонником всего голландского, как новый Амстердам и своими многочисленными каналами и мостами в самом деле напоминал великий голландский прообраз. Но, превратившись в пышную имперскую столицу, Петербург стал сильно отличаться от демократического и торгового Амстердама.

Широкие петербургские проспекты, вдоль которых высились общественные здания и частные дома в неоклассическом стиле, скорее напоминали улицы Лондона и Рима. Центр города почти полностью состоял из роскошных дворцов царской семьи и русских дворян, а также из правительственных учреждений. Город был столь утонченным, что иностранные путешественники нередко спрашивали, где же живут простые люди. Одним словом, не было ничего подобного новой имперской столице, как и самой империи, представителем которой Петербург охотно выступал.

Прибывший с юга Атарщиков проехал через Московскую заставу, одну из трех находившихся к югу от города. Вскоре он уже был в центре столицы, на Дворцовой площади, где Зимний дворец, прилегающие здания Эрмитажа и изысканные строения Главного штаба создавали впечатляющий архитектурный ансамбль. С запада к Дворцовой площади примыкало Адмиралтейство, первое возведенное Петром общественное здание и центральная точка архитектурной гравитации города. Отсюда по Петербургу расходилось несколько главных бульваров, в том числе Невский проспект, самое знаменитое место для гуляний в городе. К 1830 году на территории столицы уже возвышались грандиозные общественные здания — Академия наук и Биржа на другом берегу Невы, Казанский собор, Старый Эрмитаж и Смольный институт, — а также многие частные дворцы. Но Петербург по-прежнему оставался гигантской стройкой. В середине Дворцовой площади возводили огромную колонну — памятник Александру I. Осуществлялась перепланировка бывшей Петровской площади, теперь носившей имя Сенатской, центром которой становился Медный всадник — знаменитый памятник Петру I. Нынешние здания Сената и Синода, как и гигантский Исаакиевский собор, были построены лишь наполовину.

Следующие семь месяцев Атарщиков провел в столице империи. Новизна жизни в великом городе, новые места и новые встречи — все это должно было глубоко взволновать молодого человека, открывавшего для себя своеобразие смены времен года, как она происходила в Петербурге. В короткий летний сезон улицы и дворцы пустели — местные дворяне уезжали в свои усадьбы или путешествовали по Западной Европе. К концу лета город возвращался к жизни, и Невский вновь заполнялся нетерпеливыми криками извозчиков и пестрыми толпами пешеходов. Но тогда начинались густые туманы и ливневые дожди, предвещая наступление зимы. Должно быть, мирные и прохладные летние дни, голубое небо знаменитых белых ночей и пышная зелень городских парков прельщали Атарщикова куда больше, чем шум и суета петербургских улиц темной, промозглой осенью².

Со временем жизнь нашего героя в столице империи вошла в обычную колею. Он был прикреплен к Собственному Его Императорского

² Очерки истории Ленинграда. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1955. Т. 1; *Granville A.B. Guide to St. Petersburg*. 2 vols. London: Henry Colburn, 1835; *Корнилова А.В.* Карл Брюллов в Петербурге. Л.: Лениздат, 1976; *Достоевский Ф.М.* Петербургская летопись // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1978. Т. 18. С. 11—34; *Даринский А.В.* География Ленинграда. Л.: Лениздат, 1982.

Величества конвою, состоя в особом северокавказском кавалерийском подразделении, которое официально называлось Лейб-гвардии Кавказско-Горским полуэскадром, но было более известно как Черкесская гвардия. Это подразделение являлось частью императорского двора и поэтому находилось под командованием графа Александра Бенкендорфа, печально известного шефа российских жандармов.

Семен вскоре узнал, что имперские власти первоначально надеялись сформировать кавалерийский гвардейский эскадрон из 100 отборных кабардинских князей и дворян. Гвардейцы должны были сменяться каждые три—пять лет. В январе 1812 года Александр I издал соответствующие инструкции, заверив кабардинскую знать, что бойцы нового гвардейского подразделения будут наслаждаться теми же преимуществами, что и другие гвардейцы империи³. Но хотя правительство и пыталось представить службу в императорской гвардии как редкую привилегию, большинство кабардинских аристократов не желали покидать родные места ради военной службы в отдаленной столице христианского самодержца. С их точки зрения, «привилегия», предоставленная российским правительством, практически не отличалась от извечного требования заложников, выдвигаемого Россией.

В самом деле, в начале XIX века традиционная практика взятия заложников заметно видоизменилась. В прошлом молодые люди, становившиеся заложниками, были обречены жить в забвении в провинциальных русских городах. Теперь же их брали в столицу, обучали в лучших кадетских школах и воспитывали из них новую элиту империи — такую, которая могла бы ввести российский имперский порядок в своих родных землях.

Особое кавалерийское подразделение было сформировано лишь в 1828 году, когда правительство, поняв, что невозможно собрать 100 кабардинских аристократов, решило расширить принцип набора, включив в подразделение и представителей других народов Северного Кавказа: кумыков, чеченцев, адыгов (черкесов и кабардинцев), осетин и ногайцев. Но даже после этого правительство смогло набрать только около пятидесяти молодых людей, представлявших элиту общества в своих родных землях. Таким образом, идея нового кавалерийского подразделения императорской гвардии материализовалась в виде Кавказско-Горского полуэскадрона. Относясь к личной гвардии императора, полуэскадрон должен был принимать участие в многочисленных

³ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. Приложение. С. 197—198.

военных парадах, которые Николай I так любил. Черкесская гвардия, облаченная в свои традиционные яркие мундиры, была призвана вместе с другими подобным образом набранными нерусскими подразделениями демонстрировать экзотическое разнообразие Российской империи⁴.

В 1830 году, когда Атарщиков вступил в Черкесскую гвардию, два других знаменитых сына Северного Кавказа начинали военную службу в том же самом полуэскадроне. Это были молодые адыги — черкес Хан-Гирей и кабардинец Шора Ногма, будущие отцы-основатели современной исторической и литературной традиции адыгов. В скором времени Семен познакомился с Шорой и узнал историю его жизни.

Шора Бек-Мирза Ногма (Ногмов) родился в 1794 году в небольшом кабардинском ауле неподалеку от Пятигорска (Бештау). Он учился на муллу и по окончании местного *мектеба* (мусульманской начальной школы) был отправлен для продолжения религиозного образования в прославленное медресе в дагестанском городе Эндери. В 1813 году, когда, завершив образование, он стал деревенским муллой, русские военачальники обратили внимание на его ученые склонности и интерес к России. Несколько влиятельных кабардинских дворян предложили назначить Ногму секретарем и переводчиком в Кабардинский временный суд, в ведении которого находились повседневные отношения кабардинцев и русских. Вместо этого российские власти решили использовать молодого человека в качестве посредника, который облегчил бы им завоевание региона. Вначале он был неофициальным переводчиком в русской армии, а в 1825 году получил официальный пост полкового писаря и переводчика в Первом Волжском казачьем полку. На этот момент он уже хорошо владел пятью языками, кроме родного кабардинского, — арабским, кумыкским, абазинским, персидским и русским — и работал над созданием кабардинской азбуки.

Желая добраться до столицы империи, где он мог бы удовлетворить свой интерес к языкам и истории, Ногма подал в 1828 году прошение о вступлении в формирующуюся Черкесскую гвардию. Но планы молодого человека расстроились в связи с тем, что его родная деревня была перенесена к югу, чтобы освободить место для русских городов

⁴ Первоначально Черкесская гвардия состояла из трех обер-офицеров, одного духовного лица (эфендия), шести юнкеров (унтер-офицеров), сорока оруженосцев и двадцати трех служителей. Ее первым командиром был Султан Азамат-Гирей. Спустя год, в апреле 1830-го, в штат гвардии были включены также казначей, переводчик, писарь, три трубача и фельдшер. См.: *Петин С.И.* Собственный Его Императорского Величества конвой. 1811—1911. СПб., 1911. С. 28.

и курортов с минеральными водами (в настоящее время это район Минеральных Вод). В 1829 году, обосновавшись в новой деревне на реке Малке, Ногма был назначен в крепость Нальчик учителем в школе для заложников из северокавказского населения. В 1830 году появилась другая возможность: несколько представителей Черкесской гвардии вернулись в регион, чтобы набрать в свою воинскую часть молодых местных дворян. Командир Черкесской гвардии С.А. Муханов пригласил Ногму приехать, чтобы обучить бойцов подразделения читать и писать на нескольких языках. Однако власти империи предпочитали видеть в составе гвардии всадников, владеющих боевыми искусствами, а не книжников вроде Ногмы. В апреле 1830 года последний, решив добратся до столицы, отправился в Петербург на собственные средства и вступил в Черкесскую гвардию рядовым оруженосцем.

Новые гвардейцы Семен Атарщиков и Шора Ногма оказались под началом знатного адыгского князя — Хан-Гирея. Он был из знаменитого рода Гиреев — ханов, правивших Крымом, о чем свидетельствовало его полное имя: Крым-Гирей Мухаммед-Гирей Хан-Гирей. В течение веков крымские ханы посылали своих князей собирать дань рабами и управлять адыгами Северо-Западного Кавказа. Некоторые из этих князей поселились на Кавказе, ассимилировались и вошли в сложную структуру адыгского общества. Отец Хан-Гирея был одним из глав клана Хамыш (Хмиш) племени бжедугов — части адыгского народа, жившей на левом берегу Кубани, к востоку от недавно основанной русской крепости Екатеринодар (нынешний Краснодар).

В первом десятилетии XIX века отец Хан-Гирея Мухаммед-Гирей, привлеченный обещаниями российских властей, в какой-то момент принял решение переправиться через реку Кубань, служившую границей между окраинами Османской и Российской империй, и обосноваться в России. Чтобы защитить Мухаммед-Гирея от возмездия со стороны соплеменников, власти поселили его подальше от границы, поблизости от казачьей деревни Павловской, находившейся примерно в 120 километрах к северо-востоку от Екатеринодара. В 1816 году Мухаммед-Гирей получил награду за верность России: был формально зачислен в Черноморское казачье войско в одном из высших чинов — войскового старшины.

В это время Хан-Гирею было восемь лет, и он рос в условиях, очень похожих на те, в которых прошло детство Атарщикова. В соответствии с устойчивым обычаем северокавказских народов Хан-Гирей тоже был отослан из родительского дома и провел отроческие годы в семье своего аталыка, старого и уважаемого дворянина из адыгского

племени шапсугов. Там, в горном ауле, Хан-Гирей готовился к роли правителя — овладевал арабским языком, изучал Коран и впитывал боевой дух своего народа. После смерти отца юный Хан-Гирей привлек внимание генерала Ермолова, отправившего его в Петербург учиться в прославленном Кадетском корпусе. В январе 1830 года Хан-Гирей вступил в Черкесскую гвардию в качестве лейтенанта российской армии и кавалера множества наград, полученных за героизм в войнах России с Персидской и Османской империями в 1826—1829 годах⁵.

Два молодых гвардейца, Атарщиков и Хан-Гирей, шли по стопам своих отцов. Атарщиков стал военным переводчиком, а Хан-Гирей — кадровым офицером российской армии. Но большинство бойцов Черкесской гвардии, подобно Шоре Ногме, были недавно набраны среди элиты Северного Кавказа. Существенную часть дня гвардейцы проводили в делах обыденных: занимались боевой подготовкой, верховой ездой, парадами, конными скачками и изучением русского языка. Одним из важнейших событий был императорский парад. Николай I, как и русские императоры до и после него, обожал военные парады. Они часто организовывались для того, чтобы впечатлить высокопоставленных гостей военной мощью империи. В то же время такие парады демонстрировали многогранность Российской империи: различные этнические группы, участвовавшие в великолепном представлении, показывали свою верность и преданность императору. При этом все отмечали, что самым зрелищным было выступление Черкесской гвардии: ее ослепительные мундиры и исключительное искусство верховой езды совершенно завораживали русских и иностранных зрителей.

Большие парады и упражнения проходили неподалеку от Дворцовой площади — на Марсовом поле — или же на самой площади. Рядом с ней находились императорские конюшни и Михайловский манеж — школа верховой езды императорской конной гвардии. Самой яркой из проводившихся военных церемоний был воскресный смотр конной гвардии. Это было интересное зрелище, в ходе которого каждое подразделение пыталось превзойти другое, демонстрируя царю щегольство своих мундиров и отличие в военном искусстве. Как вспоминали некоторые современники, воскресный смотр был еще и чем-то

⁵ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. С. 5—11; Кумыков Т.Х. Введение // Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1989. С. 16—20; Хан-Гирей. Черкесские предания: Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1989. С. 8—11; Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. С. 184—186; Сивер А.В. Шапсути: Этническая история и идентификация. Нальчик: Полиграфсервис, 2002.

вроде общественного клуба, где офицеры общались со старшими по званию и наслаждались близостью к Его Императорскому Величеству, знавшему многих из них лично⁶.

Страсть царя к парадам и военным смотрам была не единственной причиной формирования Черкесской гвардии. Более важным являлось то, что членство в гвардии должно было привязать представителей коренных народов к императору и двору, создав верную Петербургу, привилегированную и ассимилированную нерусскую элиту, которой впоследствии предстояло служить интересам империи в своих родных землях.

Ассимиляция начиналась, естественно, с языка — изучение русского было необходимым шагом. Бойцы Черкесской гвардии регулярно посещали занятия по русскому языку, которые вел И.П. Грацилевский, преподаватель Петербургского университета, хорошо владевший персидским и арабским языками. Опыт Грацилевского в обучении гвардейцев позволил ему создать первую черкесскую азбуку, основанную на русском алфавите.

Но, помимо формальных занятий русским языком, существовала и повседневная жизнь, в которой особенно важна была роль Атарщикова — единственного носителя русского языка в составе гвардии. В конце концов большинство гвардейцев прекрасно овладело русским языком, а один из них, младший брат Хан-Гирея по имени Султан Казы-Гирей, стал заметной фигурой русского литературного ландшафта⁷.

Среди военных упражнений, парадов и императорских смотров Атарщику, должно быть, не хватало степных просторов и суровых гор Кавказа. Знаменитая своей невыносимостью петербургская погода не могла не усилить эту ностальгию. Короткое лето закончилось, промозглый холод, казалось, пронизывал до костей, и в плохо отапливаемых гвардейских казармах было сложно не замерзнуть. Темные, мрачные дни всегда наводили тоску на многих петербуржцев и гостей города.

⁶ Wortman R.S. *Scenarios of Power*. 2 vols. Princeton: Princeton University Press, 1995—2000. Vol. 1. P. 308—316, 327—328; Vol. 2. P. 129—133 (издание на русском: Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. М., 2002—2004); St. Petersburg: A Traveller's Companion / Selected and introduced by L. Kelly. New York: Atheneum, 1983.

⁷ В 1836 году его рассказ «Долина Аджигутай» был опубликован в первом томе журнала «Современник», который издавался Александром Пушкиным. Самый выдающийся российский критик того времени, Виссарион Белинский, заметил, что «Долина Аджигутай» «примечательна как произведение черкеса, который владеет русским языком лучше многих наших почетных литераторов» (История народов Северного Кавказа. С. 242).

В обществе Атарщиков чувствовал себя скованно — в этом смысле он адаптировался к столичной жизни в меньшей степени, чем Хан-Гирей, Ногма или некоторые другие из его собратьев. Хан-Гирей уже был офицером и, следовательно, имел право снимать квартиру, вместо того чтобы жить в казарме. Безупречно одетый и хорошо образованный, он стал обаятельным светским львом, желанным гостем литературных салонов столицы, лично знакомым со многими русскими писателями, в том числе с Пушкиным. Шора Ногма активно занимался интеллектуальной деятельностью, сведя близкое знакомство с несколькими университетскими профессорами, изучая языки и тратя большую часть своего времени на составление первой кабардинской грамматики.

А вот Атарщиков оказался в промежуточном положении. Чтобы заинтересовать русских, ему не хватало того экзотичного очарования, которое имелось у его черкесских собратьев. И одновременно в нем было слишком много от незнатного русского, чтобы он мог войти в черкесскую общественную элиту. В известном смысле это было классическое положение переводчика — посредника между двумя культурами, легко чувствующего себя в обеих, но до конца не принадлежащего ни к одной из них.

Кроме того, Атарщиков был христианином, а другие бойцы Черкесской гвардии составляли тесную мусульманскую общину, хотя сохранить свою религиозную идентичность в христианском мире столицы им было трудно. В 1798 году 500 мусульман на российской военной службе обратились с первым прошением о предоставлении земли для моленной дома и кладбища. Это прошение было отвергнуто. В 1826 году правительство отдало участок земли для кладбища, но не дало денег, и спустя два года мусульманская община все еще не имела средств обнести его изгородью. В 1822 году мусульманская купеческая община Петербурга сумела убедить власти назначить «имам-хатыба соборной мечети». Единственная проблема заключалась в том, что самой мечети не было и мусульманам приходилось собираться для молитвы на съемных квартирах вплоть до постройки Соборной мечети в 1913 году⁸.

Жизнь Атарщикова в столице империи продолжала бы идти своим чередом, если бы не внезапная перемена. Революционные ветры, дувшие по всей Европе, достигли Польши, где в ноябре 1830 года долго тлевший политический кризис разгорелся в полномасштабное

⁸ Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мусульманская община в Санкт-Петербурге. XVIII — начало XX в. Казань: Издательство Казанского университета, 2003. С. 23—25, 36.

восстание против России. В двух отдаленных частях Российской империи, на Северном Кавказе и в Польше, не походивших друг на друга практически ничем, взрывы насилия случались одновременно и по одной и той же причине. Попав под власть России лишь недавно, оба региона продолжали сопротивляться попыткам Петербурга включить их в административные и политические структуры империи.

В Польше и на Кавказе русских ждали совершенно разные трудности, заставлявшие Россию играть прямо противоположные роли. В Польше она тормозила современные реформы и разрушала существовавшие политические учреждения. С польской точки зрения, Россия была деспотичной и полуазиатской державой, представлявшей народ и культуру, находившиеся на куда более низком уровне, чем польские. На Северном Кавказе Россия, напротив, пыталась изменить традиционные общественные нормы, воплощала современные европейские ценности. При этом в обоих случаях важнейшую роль в объединении местного населения против пришлых русских играла религия — польский католицизм и кавказский ислам. Также известно, что в конечном счете восстания в обоих регионах ожидала одна и та же печальная судьба — кровавое подавление, депортации и массовая эмиграция⁹.

В декабре 1830 года царь приказал фельдмаршалу И.И. Дибичу собрать войско для подавления Польского восстания. Спустя месяц 127-тысячная армия с 348 пушками была готова идти на Варшаву. Будучи уверен, что Черкесская гвардия сможет более чем достойно противостоять прославленной польской кавалерии, царь повелел гвардии присоединиться к наступающей армии. Сперва военачальников постиг ряд неудач, тем не менее в феврале 1831 года русская армия вступила на территорию Польши. Несмотря на храброе сопротивление польских войск, в сентябре 1831 года русские вошли в Варшаву и покончили с Польским восстанием¹⁰.

28 февраля 1832 года Черкесская гвардия въехала в Петербург, пройдя парадом перед императором. Николай I лично похвалил гвардейцев за отвагу, проявленную в польской кампании, и приказал щедро наградить их похвальными грамотами, медалями и продвижением по службе. Вскоре Хан-Гирей был повышен в чине до капитана и назначен командующим Черкесской гвардией. Семен Атарщиков стал корнетом

⁹ Более подробный рассказ о польских изгнанниках на Кавказе см. ниже, в главе 10.

¹⁰ Подробное описание Польского восстания см. в кн.: *The Cambridge History of Poland: From Augustus II to Pilsudski* / Eds. W.F. Reddaway et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1951. P. 295—310.

и получил два знака отличия — орден Святого Георгия и польский орден «За воинскую доблесть» пятой степени. Орден Святого Георгия являлся самой престижной военной наградой, а его вариант, Знак отличия, состоявший из серебряного креста и Георгиевской ленты, предназначался для солдат и унтер-офицеров, проявивших исключительную храбрость. Те, кого награждали Знаком отличия ордена Святого Георгия, автоматически повышались по службе, получали более высокое жалование и освобождались от телесных наказаний и налогов¹¹.

Год польской кампании оказался важным опытом для Атарщикова и его товарищей по Черкесской гвардии. Их отвага на поле боя и лишения, которые они разделяли в ходе кампании, создали между ними новое чувство товарищества. Летом 1831 года в результате эпидемии холеры Атарщиков, Шора Ногма и трое других гвардейцев слегли на шесть недель и вместе выздоравливали в вильенском госпитале¹². Вместе они приобрели первый опыт жизни в Восточной Европе за пределами России: деревни здесь были богаче, дороги — лучше, церковей было больше, а население городов отличалось этнической разнородностью. Особенное впечатление производил город Вильно: смешением различных лиц и слоев общества он сильно контрастировал с вычурной и самоуверенной столицей Российской империи. В феврале 1832 года, когда Атарщиков вернулся в Петербург, он, должно быть, увидел имперский город совсем другими глазами. Да, этот город был впечатляющим, но масштабы Варшавы, Риги и Вильно представлялись, безусловно, более человеческими и естественными — и величественный Петербург, воздвигнутый, чтобы воплотить мечты своего основателя, вероятно, показался нашему герою искусственным.

Чин офицера позволил Атарщикову снять квартиру в городе, но судьба не предоставила ему достаточно времени, чтобы он мог обосноваться в Петербурге. Летом 1832 года, после двух лет, проведенных в качестве переводчика в элитном военном подразделении царской гвардии, Семен получил приказ возвращаться в родные края, где срочно требовались его услуги: Северный Кавказ вспыхнул новым восстанием против России.

¹¹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 145. Д. 205. Л. 4 об., 15; *Петин С.И.* Собственный Его Императорского Величества конвой. С. 32; *Кузнецов А.А.* Ордена и медали России. М.: Издательство Московского университета, 1985. С. 62—64.

¹² Чтобы забрать их из Вильно, Хан-Гирей без дозволения свернул с пути, вызвав неодобрение руководства. См.: Государственный архив Краснодарского края [далее — ГАКК]. Ф. 332. Оп. 1. Д. 6. Л. 125—126 (я выражаю признательность Суфьяну Жемухову за эту ссылку).

Глава 6

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

ТАРИКАТ НАКШБАНДИЯ

К концу 1820-х годов Северо-Восточный Кавказ был умиротворен. Или, по крайней мере, так казалось российскому правительству, убежденному, что походы Ермолова при всей своей жестокости возымели желаемый эффект. Лишь к 1831 году стало полностью очевидно, что стратегия Ермолова привела к противоположным результатам, настроив местное население против России, озлобив его и подтолкнув к дальнейшему сопротивлению. Более того, восстания против российского владычества, ранее разобщенные, теперь соединялись в большую религиозную войну — газават, а учение суфийского ордена накшбандия распространялось по дагестанским и чеченским аулам со скоростью лесного пожара.

Исторически сложилось так, что исламизация Северного Кавказа проходила неравномерно. На северо-востоке ислам пустил глубокие корни, тогда как на северо-западе его присутствие оставалось по большей части номинальным. Долгий и бессистемный процесс исламизации региона, начавшись с арабского завоевания, получил сильный толчок в XVI—XVII веках благодаря турецкому и персидскому влиянию. Большинство местного населения попало под влияние суннитского ислама, которого придерживались турки-османы, а небольшие группы в областях, граничивших с Персидской державой, обратились в ислам шиитского толка.

На Кавказе, как и повсюду, исламу пришлось конкурировать с ранее сложившимися традициями. Обычное право (*адат*) и религиозное (*шариат*) зачастую вступали во взаимное противоречие, как и их последователи (с одной стороны, ханы и беки, с другой — муллы), соперничавшие друг с другом за власть и влияние среди своего народа.

В начале XIX века и светские, и религиозные элиты были вынуждены защищаться от растущего влияния мистических суфийских орденов, в первую очередь — от накшбандия. Суфийские ордены сильно различались между собой, и каждый из них придерживался собственного пути (*тарики*). Накшбандийцы выделялись среди других

железной дисциплиной, беспрекословным повиновением своим учителям (шейхам), социальным равенством и обязательством принимать участие в газавате.

Когда и каким образом накшбандийцы укоренились на Кавказе, остается неясным. Но многие данные указывают на то, что орден, основанный в среднеазиатском Бухарском ханстве в XIV веке, достиг Кавказа задолго до XIX столетия. К концу XVIII века Ширван, северо-азербайджанская область на берегу Каспийского моря, стал центром деятельности ордена накшбандия. Один из ширванских шейхов был провозглашен *кутбом*, лидером всех накшбандийцев в мире ислама. Именно из Ширвана накшбандийское учение распространилось в соседнюю область — Южный Дагестан¹.

Вскоре после аннексии Ширвана в 1820 году Российской империей царские власти сослали двух представителей кутба в Сибирь, а самому кутбу, Хаджи Исмаилу, настоятельно «рекомендовали» уехать в Османскую империю. Однако до своего вынужденного отъезда Хаджи Исмаил установил тесные связи с двумя ведущими дагестанскими шейхами — Курали-Магомой из деревни Яраг в Табасаране и Джемаль ад-Дином, секретарем хана казикумухского. В 1823 году Курали-Магома прошел посвящение и стал *муришидом* — вождем накшбандийцев в Дагестане.

Генерал Ермолов, твердо решивший помешать распространению воинственного учения накшбандия, искал расположения умеренных суфийских шейхов и рассчитывал, что Аслан, хан казикумухский, окажет воздействие на Курали-Магому. К 1825 году стало ясно, что все усилия по сокращению влияния накшбандия потерпели неудачу, и Ермолов приказал арестовать Курали-Магому. Задержанный Асланом, Курали-Магома был отправлен в штаб-квартиру Ермолова в Тифлисе, но таинственным образом ускользнул от своих стражей и скрылся в Табасаране. Другие суфийские вожди, в том числе Джемаль ад-Дин, перед угрозой репрессий со стороны российских властей были вынуждены покинуть земли Казикумуха.

Но хотя России и удалось затормозить распространение учения накшбандия, этот успех оказался недолговечен. Появление Гази-Мухаммеда, более воинственного мусульманского проповедника, заставило русских признать, что Курали-Магома и Джемаль ад-Дин были в действительности умереннее, чем им, русским, казалось. Уроженец аварского села Гимры, входившего в союз свободных обществ Койсубулы,

¹ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 148—164.

Гази-Мухаммед придерживался куда более радикального толкования тариката. Он считал, что истинное учение недостаточно распространять при помощи слов — необходимо прибегнуть к мечу. Впрочем, не все накшбандийцы соглашались с тем, что для распространения их учения необходима война против неверных и их пособников. Джемаль ад-Дин возражал против газавата, и даже будущий имам Шамиль, уроженец того же аула, что и Гази-Мухаммед, и его лучший друг, не был убежден в необходимости священной войны. Лишь когда вождь накшбандийцев Курали-Магома встал на сторону Гази-Мухаммеда, идея газавата окончательно соединилась с учением накшбандия.

К 1829 году дискуссии между накшбандийцами наконец закончились, и Гази-Мухаммед начал свои воспламеняющие проповеди в Дагестане и Чечне. Идея газавата стремительно распространилась среди представителей разных народов, живших в этой части Северо-Восточного Кавказа. В январе 1830 года представители различных обществ региона встретились в ауле Гимры и приняли решение воевать со всеми, кто выступает против накшбандийской трактовки шариата. На этой встрече было провозглашено создание имамата, исламского государства на Кавказе, и первым его имамом стал Гази-Мухаммед².

Российские власти далеко не сразу оценили новую угрозу. В 1830 году Гази-Мухаммед с 6 тыс. вооруженных воинов выступил в поход на Хунзах, резиденцию аварских ханов, поддерживавших владычество России в регионе. Весной 1831 года, не сумев взять Хунзах, Гази-Мухаммед начал кампанию против другого союзника России, кумыкского шамхала. Получив поддержку от тысяч кумыков, недовольных сотрудничеством шамхала с российскими властями, Гази-Мухаммед добился своего первого успеха, захватив резиденцию шамхала — Тарки.

Хотя последующая осада русских крепостей Бурной и Внезапной потерпела неудачу, восстание против русских и их местных союзников быстро распространилось по Чечне и Дагестану. Летом 1831 года армия имама прошла через Чечню и осадила сначала Кизляр, а затем Дербент. Проповедь Гази-Мухаммеда об исламской справедливости и равенстве была направлена против местных общественных элит и оказалась действенной, позволив завербовать множество простых людей.

К этому моменту уже нельзя было сомневаться, что газават представляет прямую угрозу российским интересам. Были посланы войска

² Там же. С. 165—194. Суфийское движение на Северном Кавказе рассматривается в кн.: *Zelkina A. In Quest for God and Freedom: The Sufi Response to the Russian Advance in the North Caucasus*. London: Hurst and Co., 2000; *Knysh A. Islamic Mysticism*. P. 289—300.

в подкрепление русским гарнизонам и собран экспедиционный корпус против Гази-Мухаммеда. К 1832 году, после нескольких поражений, движение Гази-Мухаммеда начало выдыхаться. Его влияние на кумыков ослабело, и он был вынужден отступить в горы Чечни и Дагестана.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Именно в это время, поздним летом 1832 года, Атарщиков прибыл на Кавказ, будучи приписан переводчиком к штабу Моздокского казачьего полка, которым командовал майор Григорий Христофорович фон Засс. Моздокский полк был частью большого экспедиционного корпуса, двигавшегося под командованием генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова на горные аулы — центр сопротивления Гази-Мухаммеда³.

Вельяминов, прослуживший на Кавказе долгие годы, разделял взгляды Ермолова на местные народы и поддерживал его агрессивную тактику перенесения войны как можно глубже на территорию противника, вплоть до горных прибежищ повстанцев. Он планировал пройти через Чечню, уничтожая аулы и сжигая посевы, чтобы помешать чеченцам осуществлять набеги на российскую границу. 6 августа 1832 года 9-тысячный русский экспедиционный корпус выступил из крепости Назрань. Двумя неделями позже, оставив за собой кровавый след разрушений, русские войска подошли к большому чеченскому аулу Герменчуг (Гермчига, Керменчик) в шести километрах к северу от Шали. Здесь русских ждал Гази-Мухаммед с трехтысячным чеченским ополчением и 800 конными аварцами. В последовавшей битве бойцы Гази-Мухаммеда столкнулись с огромным вражеским войском, превосходившим их как в численности, так и в огневой мощи. Многие из горцев пали в бою, в том числе последние семьдесят два защитника аула, отказавшиеся сдаваться и заживо сгоревшие в доме, подожженном русскими солдатами. Другие, и среди них сам Гази-Мухаммед, смогли спастись бегством⁴.

Кровавое зрелище сражения при Герменчуге, должно быть, глубоко потрясло Атарщикова. Опустевшее село мрачно лежало в руинах, а оттуда, где еще недавно стояли дома и загоны для скота, шел черный дым. Вокруг лежали сотни чеченских и русских трупов. Это сражение

³ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 185—218.

⁴ Только за две недели в августе 1832 года было уничтожено около шестидесяти чеченских поселений. См.: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа. С. 724.

доказало, что ответом на варварские зверства России стала горячая решимость повстанцев убить или умереть самим. Если Атарщикова взволновало зловещее и кровавое зрелище российского завоевания, он был не одинок. Молодой русский офицер Федор Торнау, подобно Атарщику, приехавший в 1832 году на Кавказ, описывал в воспоминаниях «последний акт кровавой драмы»: «Каждый по совести исполнил свое дело: главные актеры отошли в вечность; прочие действующие лица и за ними зрители с камнем на сердце стали расходиться по палаткам: и может статься, не один в глубине души задавал себе вопрос — для чего все это? разве для всех, без разбора языка и веры, нет места на земле?»⁵

Однако, как на любой войне, повторяющееся зрелище кровавой бойни притупляло первый шок и нежелание верить в человеческую склонность к жестокости. После Герменчуга российские экспедиционные силы продолжали двигаться на юг, в горы Чечни. Три недели спустя русские захватили и уничтожили одну из резиденций Гази-Мухаммеда — горный аул Дарго (Дярги) рядом с Ведено. Хорошая защита аула — выгодное расположение на крутом берегу реки Ясси (Акса́й) — и его оружейные традиции подтолкнули Гази-Мухаммеда и позже Шамиля выбрать Дарго в качестве своей резиденции. В обоих случаях Дарго, как это часто случалось в горах, оказался ловушкой для русских солдат. Чеченцы перегородили обратный путь огромными обломками скал, и вернуться можно было лишь по другому, менее безопасному маршруту. На обратном пути, пролежавшем по густым лесам и горным тропам, русские непрерывно попадали в засады и подвергались нападениям чеченцев, понеся в результате тяжелые потери. В числе пострадавших оказался и Федор Торнау: он был серьезно ранен чеченцем, прятаявшимся за пнем⁶.

Несмотря на первоначальные успехи, к осени 1832 года восстание первого имама почти закончилось. Безжалостное наступление русских войск, оставлявших на своем пути дымящиеся руины аулов и трупы перебитых жителей, заставило многие местные общины просить мира. В октябре 1832 года Гази-Мухаммед и его сторонники оказались окружены в аварском ауле Гимры — именно там, где двумя годами раньше они провозгласили газават. Когда русские войска взяли аул штурмом и приблизились к последнему центру сопротивления, башне аула, Гази-Мухаммед прыгнул с нее и попытался спастись бегством, но был

⁵ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. С. 24.

⁶ Там же. С. 23—27.

заколот штыками русских солдат. Его близкий товарищ, прыгнувший вслед за ним, был серьезно ранен, но едва ли не чудом сумел бежать. Звали его Шамиль⁷.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ

С падением аула Гимры и смертью Гази-Мухаммеда Северо-Восточный Кавказ, казалось, вновь успокоился. Теперь русские военачальники могли перенести свое внимание на правый фланг Кавказской укрепленной линии, т.е. на Северо-Западный Кавказ. Россия долго боялась повстанческого движения, которое объединило бы весь Северный Кавказ, и это опасение нельзя назвать беспочвенным. Было хорошо известно, что Гази-Мухаммед отправил своих представителей разжигать пламя восстания на северо-западе и местное население встретило их благожелательно. Если бы повстанцы смогли скоординировать свои усилия, они поставили бы под угрозу всю Кавказскую укрепленную линию и недоукомплектованные русские гарнизоны. Более того, они могли угрожать Военно-Грузинской дороге, единственному и жизненно важному связующему звену между Россией и Грузией.

Другой причиной того, что Россия вновь обратила внимание на Северо-Западный Кавказ, стала геополитика. Летом 1828 года последние османские крепости на восточном берегу Черного моря, в том числе могучая крепость Анапа, были взяты русскими. В следующем году по Адрианопольскому мирному договору турки признали восточный берег Черного моря и ряд иных территорий неотъемлемой частью Российской империи. Теперь Северо-Западный Кавказ был окружен: к северу от него находилась укрепленная линия вдоль реки Кубани, к югу — новые русские крепости на берегу Черного моря. Подобные же военные и политические обстоятельства способствовали умиротворению Северо-Восточного Кавказа, к северу от которого оказались русские крепости по Тереку и Сунже, а к югу — находившаяся под российским контролем Грузия. Теперь пришло время заняться завоеванием Северо-Западного Кавказа.

Это была земля адыгов, больше известных как черкесы, — самого многочисленного и могущественного народа в регионе. Вдоль Черноморского побережья жили абхазы и убыхи, в верховьях реки Лабы и по ее притокам — абазинцы, а в верховьях рек Кубань, Кума, Подкумок

⁷ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 218—222.

и Малка — тюркоязычные карачаевцы, балкарцы и ногойцы. Общая оценка численности местного населения в то время колебалась в пределах 300—600 тыс. человек⁸.

Верхняя Кубань была главным водоразделом между восточными и западными черкесами. В число восточных черкесов входили кабардинцы, большинство которых жило к востоку от Кубани, и меньшее по численности племя бесленеевцев, обитавших к западу от Кубани, в верховьях рек Уруп, Лаба и Ходзь. С конца XVIII века все большее число кабардинцев покидало регион или выселялось русскими, быстро превращавшими бывшие кабардинские земли в район курортов с минеральными водами. Эти кабардинцы отправлялись на запад, пересекали Кубань и селились на ее притоках — реках Большой и Малый Зеленчук.

Кроме этих недавних кабардинских беженцев, в число западных черкесов входило много других племен. Наиболее многочисленными из них были шапсуги, жившие к югу от Екатеринодара, между реками Пшада и Шахе, притоками Кубани. Их западными соседями были натухайцы, располагавшиеся к северу от Анапы, восточными — абадзехи, обитавшие на южных склонах Кавказского хребта, а северо-восточными — бжедухи и хатукайцы, жившие в низовьях реки Белой и на реке Пшиш. Дальше к востоку, в низовьях Лабы, находились темиргоевцы. Само собой, это были главные племенные союзы, в свою очередь разделявшиеся на многочисленные кланы.

Политика России на Северо-Западном Кавказе столкнулась с некоторыми трудностями и вызовами, аналогичными тем, что встретили строителей империи на северо-востоке региона. Кубанская укрепленная линия и находившиеся за ней поселения постоянно подвергались набегам со стороны черкесов, ногойцев и других народов, живших на левом берегу Кубани, — русские называли их *закубанцами*. Чтобы остановить эти набеги и смирить враждебное население, русские применили свою привычную тактику — стали вбивать клин между различными этническими и социальными группами, вознаграждая тех, кто выберет сотрудничество с Россией, и карая тех, кто ему воспротивится.

Однако положение в западной и восточной частях Северного Кавказа существенно различалось. Если на северо-востоке многие народы имели традицию централизованной политической власти

⁸ История народов Северного Кавказа. С. 35; Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. С. 134—135.

(воплощением которой были, к примеру, аварские ханы, кумыкские шамхалы, кайтагские уцми), то западные черкесы редко признавали единого правителя. Некоторые из них подчинялись различным княжеским семьям, другие были организованы в свободные общества, не имевшие социальных элит. Отсутствие центральной власти одновременно и помогало, и мешало русским. С одной стороны, им было легче сеять раздоры и манипулировать местными вождями, с другой — оказывалось невозможным возложить ответственность за враждебные России действия на какого-нибудь конкретного вождя.

Следующее важнейшее различие двух регионов касалось земли. На Северо-Восточном Кавказе сравнительно редкие плодородные участки были зажаты между горами и засушливой степью, а на Северо-Западном вдоль Кубани простирались большие площади невероятно плодородной земли. Как следствие, славянская колонизация была гораздо более масштабной на северо-западе, чем на северо-востоке. Кроме того, это означало, что местным жителям придется освободить землю для новых поселенцев — примерно так же, как это случилось в Новом Свете. Не случайно новые территории на юге Российской империи получили официальное имя Новороссия, напоминающее названия Новая Испания, Новая Франция и Новая Англия⁹.

Несмотря на эти различия, русские военачальники смотрели на весь Кавказ глазами генерала Ермолова: туземцы — дикари, и их можно впечатлить и покорить только грубой силой. Ермолов применял данные тезисы на практике, систематически и безжалостно разрушая регион, а подавляющее большинство командующих русскими войсками разделяли его подход и взгляды. С этой точки зрения важнейшей частью тактики было запугивание, а резня мирного населения представляла в качестве законного средства достижения целей войны.

За подобную же тактику выступал и русский главнокомандующий на Северном Кавказе в начале 1830-х годов генерал Вельяминов. В 1833 году в своем меморандуме военному министру он предупреждал,

⁹ Сперва считалось, что Северо-Западный Кавказ включает территории к югу и северу от Кубани. Но к началу XIX века плодородные земли к северу были завоеваны и распределены между казаками, а также непрерывно растущим числом русских, украинских и немецких колонистов. Коренное население, ногайцы и черкесы, были вытеснены за реку, на юг и запад, а новые территории стали Екатеринодарской и Ставропольской губерниями Российской империи. За 1808—1811 годы на Кубань переехало 41 534 украинских крестьянина. А за один 1821 год здесь поселилось 16 500 крестьян из Черниговской и Полтавской губерний. См.: Голобуцкий В.А. Черноморское казачество. Киев: Издательство АН Украинской ССР, 1956. С. 218; История народов Северного Кавказа. С. 33.

что, даже если ввести в регион большее количество русских войск, на покорение и присоединение Кавказа уйдет много лет. Пока же этого не случилось, превентивные рейды, сжигание мятежных и разоружение мирных сел, систематическое уничтожение посевов и пастбищ, чтобы заставить местное население голодать и лишиться его лошадей, — лучший способ умиротворения местных жителей. Кроме того, Вельяминов рекомендовал продвигаться дальше в горы и привезти еще больше казаков для поселения в регионе и его колонизации. Вплоть до самой смерти в 1838 году генерал неустанно работал над осуществлением своей стратегии, в первую очередь укрепляя российскую границу и двигая ее вперед¹⁰.

С начала 1790-х годов, когда правый берег Кубани был в большой степени очищен от ногайцев, эта водная артерия стала новой границей России на Северо-Западном Кавказе. Кубанская укрепленная линия вдоль правого берега реки была типичной системой крепостей, редутов и пограничных казачьих поселений. Постройка укреплений и поселений происходила поэтапно на протяжении нескольких десятилетий, поэтому различные части Кубанской линии были развиты в разной степени и заселены различными социальными и этническими группами. В низовьях Кубани жили черноморские казаки — бывшие запорожские, получившие в 1792 году участок земли на восточном берегу Азовского моря. Таким образом, нижнее течение Кубани, от устья до Усть-Лабинской крепости, стало известно как Черноморская укрепленная линия. Среднее течение, от Усть-Лабинской крепости до Невинномысска, было вначале заселено донскими казаками, а затем разнообразными выходцами из русифицированной Восточной Украины: казаками, беглыми крестьянами и староверами. Наконец, в 1823—1826 годах Хоперский казачий полк, состоявший из полностью русифицированных казаков, был переведен в верховья Кубани — местность, позже получившую название Баталпашинского участка Кубанской линии. Из отдельных казачьих поселений и сторожевых застав среднего и верхнего течения Кубани складывалась Кубанская укрепленная линия. В 1830 году произошли административные изменения, в результате которых возникла единая Кавказская укрепленная линия, растянувшаяся по всему Северному Кавказу; ее правый фланг составила Кубанская линия. Двумя годами позже кубанские казаки

¹⁰ Очерки истории Карачаево-Черкесии: В 2 т. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1967. Т. 1. С. 284; Энциклопедический словарь по истории Кубани. С. 83—84.

были объединены в специальное военно-административное подразделение — Кавказское линейное казачье войско¹¹.

ДОВЕРЕННОЕ ЛИЦО ПОЛКОВНИКА ЗАССА

В 1833 году генерал Вельяминов поручил самый опасный участок Кавказской линии, Баталпашинский, полковнику Зассу. Станица Баталпашинская (нынешний Черкесск) была основана в 1804 году на левом берегу Верхней Кубани, на том месте, где четырнадцатью годами раньше 30-тысячное турецкое войско потерпело поражение от куда меньшего по численности русского отряда. Это была последняя попытка турок оказать помощь шейху Мансуру в его восстании против русских, и она потерпела крах, когда командир турецкой армии Баттал Хусейн-паша вместе со многими своими подчиненными попал в плен. С точки зрения военной стратегии целью постройки станицы Баталпашинской и ряда менее значительных укреплений на берегу Кубани являлось удерживание черкесов на левом берегу реки и разрыв их связей с кабардинцами и другими народами к востоку от нее. Из-за стратегической важности этой территории и особенностей местности Баталпашинский отрезок Кубанской укрепленной линии стал средоточием интенсивных военных действий.

То, что выбор пал на полковника Засса, отнюдь не было случайностью. Барон Григорий Христофорович фон Засс, происходивший из курляндской знати, получил военное образование и провел большую часть своей службы на Северном Кавказе. Полковник Засс был еще одним типичным учеником Ермолова и Вельяминова. К тому моменту он отличился во многих сражениях; последним из них была бойня у Герменчуга, за которую барон, получивший в ходе ее второе ранение, был вознагражден еще одной медалью и возведен в чин полковника. Он уже был широко известен своей беспримерной отвагой, рискованной тактикой и беспощадной жестокостью.

Штаб Засса располагался в станице Баталпашинской — большом казачьем военном поселении (оно насчитывало примерно 900 мужчин и 800 женщин), окруженном рвом и земляным валом, с двумя пушками¹². Весной 1833 года Семен Атарщиков прибыл в штаб по личному запросу Засса. Полковник, видимо, высоко оценил прежнюю службу

¹¹ Энциклопедический словарь по истории Кубани. С. 250, 520—521, 525—526.

¹² Там же. С. 42.

Атарщикова под его началом, проходившую в Чечне, и продолжал рассчитывать на близкое знакомство Семена и с этой частью Северного Кавказа. В конечном счете Засс предпочитал иметь рядом с собой русского офицера, который мог давать ему советы по поводу местных языков, обычаев и нравов, нежели зависеть от услуг местного переводчика, недостаточно хорошо владеющего русским языком.

Прибытие полковника в станицу Баталпашинскую означало превращение оборонительных русских позиций в плацдарм для рейдов в глубь вражеской территории. В 1833 году Засс организовал несколько вылазок. Он подстерг большую группу бесленеевцев на правом берегу Лабы, сжег их запасы сена и зерна и разрушил до основания аул видного бесленеевского аристократа Айтека Канокова (Конокова, Канукова).

Важнейшей стратегией Засса было не только дальнейшее укрепление границы, но и осуществление превентивных ударов. Он уничтожал аулы вблизи границы, чтобы отряды, совершавшие набеги на нее, не имели пристанища. Он устраивал внезапные рейды против враждебных аулов, проникая глубоко в горы, захватывая и уничтожая селения. Засс знал, что для успешного набега важно не только внезапное нападение, но и быстрое отступление. Внезапность его атак не оставляла жителям других аулов времени прийти на помощь соседям или перегородить дорогу, чтобы задержать солдат на обратном пути.

В 1834 году Засс почти каждые два месяца самолично возглавлял рейды против аулов на левом берегу Кубани. Он и его солдаты, казалось, не знали отдыха, неуклонно достигая своих целей. Способность Засса узнавать о готовящихся набегах представлялась почти что мистической, и действовал он быстро, атакуя точки сбора небольших черкесских отрядов еще до того, как они успевали начать собственный набег. Одним словом, полковник придерживался традиционной тактики самих местных жителей, ошеломляя их скоростью и внезапностью. Немудрено, что некоторые считали Засса прирожденным вожаком партизанской войны¹³.

Каравший непокорных грубой силой и щедро вознаграждавший тех, кто с ним сотрудничал, Засс мог похвалиться некоторыми успехами. Крупномасштабные проникновения за русскую границу прекратились, а местное население чем дальше, тем больше делилось

¹³ Атарщиков Г. Заметки старого кавказца о боевой и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Г.Х. Засса // Военный сборник. СПб., 1870. Т. 74. № 8. С. 309—337.

на две группы: тех, кто примирился с русским присутствием и желал сохранить свои привилегии и собственность, и тех, кто продолжал сопротивляться.

Подвиги Засса быстро обросли легендами, и не в последнюю очередь потому, что он сам неустанно трудился над созданием вокруг себя ореола легенды, причем не только военными средствами. Пользуясь наивностью и невежеством местного населения, он прибегал к тем или иным трюкам, чтобы приобрести репутацию человека, наделенного колдовскими способностями. Однажды, применив ряд хитростей, он убедил группу гостивших у него черкесских вождей, что неуязвим для их пуль; в другой раз, оплачивая услуги своего осведомителя, изобразил, что превращает порох в золотые монеты. Бесхитростных местных жителей сбивали с толку музыкальные табакерки, наборы зеркал, создававшие иллюзии, и некоторые электрические устройства.

Самой впечатляющей хитростью Засса стало «доказательство» того, что он ясновидец. Когда несколько вождей абадзехов, явившись к нему, сообщили, что один из их сотоварищей остался дома, Засс обвинил их во лжи. Заранее узнав благодаря своей разведке, что этот вождь находится в отъезде, Засс заверил посетителей, будто может читать у них в умах и знает обо всем происходящем в их аулах. Дабы убедить сомневавшихся вождей, он подвел их к стеклянной двери, за которой виднелась маленькая комнатка. Внутри нее была большая и подробная картина, изображавшая аул того вождя, который не приехал. Абадзехи, никогда не видевшие картин, поверили, что в самом деле смотрят на его селение. За картиной был спрятан переводчик, и, когда прозвучал вопрос, находится ли отсутствующий вождь в ауле, низкий голос ответил отрицательно. Потрясенные и сбитые с толку, абадзехские вожди быстро покинули Засса, пребывая в убеждении, что он *шайтан*, т.е. дьявол, или Хромой Дьявол, как его называли из-за поврежденной ноги. Теперь они поняли, почему не могут уберечь свои аулы от внезапных нападений Засса¹⁴.

В октябре 1834 года, признав достижения полковника, Вельяминов произвел его в генералы и поручил ему всю Кубанскую укрепленную линию, простиравшуюся вдоль реки от Усть-Лабинской крепости до самых верховьев Кубани. Вскоре Засс покинул станицу Баталпагинскую и переехал в новый штаб в Прочном Окопе, расположенном на месте впадения реки Уруп в Кубань.

¹⁴ Атарщиков Г. Указ. соч. С. 316—320.

Вряд ли можно сомневаться, что собственными успехами и продвижением по службе Засс был отчасти обязан своему скромному и незаменимому помощнику и переводчику, Семену Атарщикову. Каковы бы ни были храбрость и решительность Засса, его военные успехи основывались прежде всего на своевременной и надежной разведывательной информации. Эта информация поступала через сеть осведомителей, которую помогал создавать Атарщиков. Как и многие другие переводчики в то время, Атарщиков на самом деле играл роль эксперта и советника при своем начальнике, а также являлся связующим звеном с местными народами. В следующие два года он продолжал хорошо справляться с данными обязанностями, пока не возникла отчаянная нужда в надежном и знающем русском офицере, который мог бы установить власть России в горах Карачая. Генерал Засс рекомендовал на это место Атарщикова.

Глава 7

ПЕРЕВОДЧИК И АДМИНИСТРАТОР

ТИФЛИС

В мае 1836 года Атарщиков получил приказ ехать в Тифлис — на собеседование, необходимое для того, чтобы занять пост пристава карачаевского народа. Построенный на берегах реки Куры Тифлис (чье грузинское название — Тбилиси, означающее «теплый», — было дано ему в честь знаменитых теплых минеральных источников) по-прежнему оставался типичным азиатским городом. На правом берегу реки, книзу от развалин цитадели IV века, находился старый город — лабиринт узких извилистых улочек, образуемых двухэтажными деревянными домами с плоскими крышами, многочисленными окнами и широкими балконами. Бессистемно построенные и беспорядочно разбросанные, дома производили впечатление хаоса, но над городом возвышались десятки грузинских и армянских церквей, а также три мечети, что дарило ему гармонию.

Российское присутствие, которое приведет к заметной трансформации Тифлиса к концу столетия, пока было минимальным. Первым оставил свой след в городской архитектуре генерал Ермолов, уничтоживший Метехский замок и построивший на его месте казармы. На краю старого города стояло двухэтажное здание с арками, колоннадой и большим садом, бывшее на протяжении всего XIX века резиденцией российских главнокомандующих на Кавказе. За зданием начиналась улица, которая вела к Эриванской площади — центру нового города, построенного русскими. Вокруг площади находилось несколько новых зданий в русском стиле, в которых располагались штаб армии, полиция и гимназия.

С другой стороны площади начиналась узкая и извилистая улочка, известная как Армянский базар, по которой можно было пройти к мосту через Куру. Тифлис являлся главным торговым центром всего Кавказа (почти в каждом четвертом доме располагались какие-нибудь лавки или иные предприятия), а из полудюжины рынков города самым оживленным был Армянский базар. Рядом с ним находилось несколько

пустырей, где производили разгрузку верблюдов с различными товарами, ослов с большими корзинами угля для мангалов (последние использовались как для обогрева, так и для приготовления пищи) и буйволов с кожаными мешками, полными вина. По обеим сторонам улицы выстроились лавки, в которых портные и башмачники, кузнецы и писари, брадобреи и пекари наперебой предлагали свои товары и услуги. Здесь царило самое настоящее смешение языков — грузинского, армянского, азербайджанского, персидского, турецкого — и все чаще звучала русская речь.

В то время в Тифлисе имелась всего одна гостиница. То ли из-за патристичности ее названия — «Справедливая Россия», то ли из-за недостатка конкуренции, но она была заполнена. Поэтому Атарщиков решил снять комнату в одном из домов немецких колонистов, живших на другой стороне реки. Небольшая немецкая колония в Тифлисе существовала со времен генерала Ермолова, организовавшего расселение колонистов-швабов в окрестностях города.

Внешним видом и общим ощущением Тифлис мог напоминать Атарщикову Дербент и другие кавказские города. Цветущие гранатовые, персиковые и миндальные деревья перемежались со старыми деревьями грецкого ореха и тополями, в великом множестве росшими у стен города. Снежные вершины гор, голубое небо и быстрые воды Куры создавали романтический пейзаж, столь знакомый Атарщикову. А калейдоскоп национальных одежд на Армянском базаре был поистине экзотическим.

Даже то, что сильно раздражало других русских жителей, — грязные, не освещенные ночью улочки, становившиеся непроходимыми после самого слабого дождика, — для Атарщикова, должно быть, стало желанной переменой после тесноты русских пограничных крепостей. Несомненным достоинством Тифлиса были разнообразие и дешевизна еды: за горсть монеток можно было купить фазана, плов, фрукты, овощи и, конечно же, вино.

Атарщикову представилась возможность посетить знаменитые тифлисские бани, выстроенные в традиционном турецком стиле на горячих серных источниках. В определенные дни в две бани ходили женщины, а в две другие — мужчины. Странно, но каждый четверг, несмотря на строжайший запрет мужчинам находиться вблизи купающихся женщин, часть одной бани использовалась мужчинами, а другая часть той же бани — женщинами. Лишь темно-зеленая штора отделяла первых от вторых. На улице те же самые грузинки и армянки носили чадры до самых бровей, а здесь они наслаждались купанием,

не беспокоясь о мужчинах, находящихся за шторой. Тифлиссские бани пользовались популярностью среди русских офицеров. Это было общепринятое место встречи, где обменивались рассказами, новостями и слухами.

Тифлис, служивший штабом главнокомандующего войсками всего Кавказа, был пунктом сбора различных отрядов кавказцев, стекавших сюда для вступления в российский экспедиционный корпус. В такое время город превращался в экзотичную сцену, на которой демонстрировалось этническое разнообразие региона. Каждый день после полудня эти войска участвовали в традиционном представлении (по-грузински оно называлось *тамаша*, а по-русски — *джигитовка*), в ходе которого бойцы показывали свое умение ездить верхом и обращаться с оружием. Их красочные одеяния, блестящее оружие, а также исключительное искусство верховой езды и стрельбы произвели впечатление на многих гостей города¹.

Не приходится удивляться, что Тифлис как магнит притягивал военную элиту — не только русскую, но и русифицированную кавказскую, представлявшую собой весь спектр национальностей региона. Этних грузин, армян, азербайджанцев, кумыков, чеченцев, адыгов и других, несмотря на все религиозные, лингвистические и культурные различия между ними, объединяло одно: они являлись офицерами русской армии.

В числе представителей адыгской элиты, находившихся в то время в Тифлисе, был и Шора Ногма, старый товарищ Атарщикова по Черкесской гвардии. В мае 1835 года, прослужив в гвардии пять лет, корнет Шора Ногма был приписан к Кавказскому корпусу в Тифлисе. Здесь он снял комнату в доме князя Ивана Шаховского — адъютанта главнокомандующего барона Г.В. Розена. Обеспеченный хорошими связями и получавший высокое жалованье, Ногма мог бы довольствоваться своими новыми военно-административными обязанностями. Но он всегда оставался ученым, куда больше интересующимся лингвистикой, филологией и литературой, чем каждодневной службой.

¹ Описание Тифлиса взято из воспоминаний Торнау о его пребывании в этом городе в 1832 году. См.: Русские на Кавказе. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 310—350; Торнау Ф.Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии. С. 209. См. также: Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. С. 106—108; Воспоминания князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. 1902. Кн. 5. С. 211—216; Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Старый Тбилиси. С. 88—97; Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. Bloomington: Indiana University Press, 1988. P. 93—94.

За время пребывания в столице России Ногма приобрел известность в среде российских востоковедов. Репутация ученого сохранялась за ним и в Тифлисе, где он встретился с будущим членом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, финско-шведским филологом и этнографом А.И. Шегренем, приехавшим сюда собирать сведения о местных языках. Ногма представлял собой бесценный источник информации, и в результате Шегрен сделал подробные заметки о кабардинском языке и по многим другим вопросам. Сам он, в свою очередь, многому научил Ногму в том, что касалось общих принципов лингвистики и науки, и поощрял его ученые штудии.

Шегрен оставался на Кавказе почти два года. Вскоре после своего возвращения в Петербург в 1837 году он опубликовал первую грамматику и словарь осетинского языка и был назначен академиком по филологии и этнографии финских и кавказских народов. В том же году и Ногму перевели из Тифлиса в родную Кабарду. Возможно, подобно его бывшему начальнику в Черкесской гвардии, Хан-Гирею, он был направлен туда с целью добиться от кабардинцев проявлений лояльности по отношению к путешествующему императору Николаю I. Если дело обстояло так, то Ногма не достиг особых успехов. В следующем году он был назначен секретарем Кабардинского временного суда в Нальчике и оставался на этом посту почти до самой смерти в 1844 году².

Примерно тогда, когда Шора Ногма покинул Тифлис, в город прибыл выдающийся русский изгнанник Михаил Юрьевич Лермонтов — знаменитый поэт, создавший вместе с Александром Александровичем Бестужевым (публиковавшимся под псевдонимом Марлинский) тот романтический образ Кавказа, который лег в основу русского взгляда на регион. Лермонтов, проявлявший некоторый интерес к изучению восточных языков в Петербурге, решил выучить язык общения кавказцев — местный тюркский диалект, известный в качестве языка тюрки. В Тифлисе Лермонтов, как и Бестужев-Марлинский, брал уроки у переводчика штаба главнокомандующего Мирзы Фет Али Ахундаде, более известного под русифицированным именем Мирзы Фатали Ахундова.

Ахундов был еще одним ярким представителем русифицированной местной элиты. Выходец из иранского Азербайджана, он поступил на русскую службу в 1834 году, сочетая обязанности переводчика в штабе

² Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. С. 11—12; Жемухов С.Н. Жизнь Шоры Ногма. Нальчик: Эльбрус, 2002. С. 103—108.

главнокомандующего и работу учителя восточных языков в тифлисской школе. Кроме того, он давал частные уроки интересовавшимся местными языками русским офицерам. В 1850-е годы Ахундов начнет писать комедии и пьесы, которые сделают его одним из основателей азербайджанской светской литературной традиции³.

В ходе своего короткого пребывания в Тифлисе Атаршиков вновь встретился с молодым русским офицером, тоже остановившимся у немецких колонистов. Его звали Федор Торнау. Они уже встречались в 1832 году, когда оба принимали участие в карательных экспедициях — вначале в операции против мятежных ингушей, убивших русского пристава и двух русских священников, а затем в чудовищно жестокой летней кампании против чеченских аулов. Они оба были свидетелями бессмысленного разрушения аулов и истребления их жителей, особенно ужасного в Герменчуге и Дарго⁴.

Эти двое быстро сблизились. Их объединяло глубокое сочувствие коренному населению, образ жизни и обычаи которого они так хорошо знали. Торнау провел год среди адыгов, собирая сведения о Северо-Западном Кавказе и его жителях, и только что вернулся после выполнения этой тайной миссии. В течение нескольких вечеров он пересказывал Атаршикову свой недавний опыт и свои приключения. Позднее, в 1864 году, уже будучи военным атташе российского посольства в Вене, Торнау вновь опишет эти события — в уникальных мемуарах, примечательных как богатством географической и этнографической информации, так и литературным мастерством автора.

В июне 1836 года обоим офицерам пришлось покинуть Тифлис. Торнау получил распоряжение провести еще одно лето в Минеральных Водах, отдохнуть и отрастить бороду для выполнения нового тайного задания. Атаршикову было дозволено навестить семью в станице Наурской, прежде чем занять новый пост — пристав карачаевского народа.

ПРИСТАВ КАРАЧАЕВСКОГО НАРОДА. 1836—1841 ГОДЫ

В то время, когда Россия неуклонно продвигалась в Азию, российское правительство традиционно и бескомпромиссно делило местные

³ Андроников И.Л. Лермонтов. С. 363—369; Swietochowski T. Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition. New York: Columbia University Press, 1995. P. 26—30.

⁴ Торнау Ф.Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии. С. 21—26.

народы пограничной области на две категории: «друзья» и «враги». Друзья должны были принести присягу на верность России, после чего становились известны как мирные, а те, кто отказывался, считались враждебными. Конечно, присяга мирных народов была по большому счету номинальной. Они не платили налогов, не несли военной службы, т.е. не выполняли стандартных условий подчиненного статуса; их главной обязанностью было оставаться в мире с Россией. На деле их присяга являлась договором о ненападении, а статус — союзническим. Но со временем, по мере того как граница продвигалась вперед, подобные мирные народы все в большей степени оказывались под властью имперской администрации. В 1830-е годы как раз такой переходный период переживали карачаевцы, которых Россия медленно, но неумолимо вовлекала в свою политическую и административную орбиту.

Чтобы поддерживать отношения с тем или иным мирным народом, российские власти опирались на пристава — специально назначаемого офицера-посредника. Вначале приставы действовали так же, как британские официальные резиденты, командируемые ко дворам туземных правителей. Ожидалось, что они будут представлять российское правительство и принимать участие в вопросах, затрагивающих интересы России. Но по мере того как контроль империи над регионом укреплялся, пристав превращался в верховного руководителя области. Обычно такой офицер был компромиссной фигурой, русифицированным кавказцем, который мог обладать авторитетом среди местного населения и вместе с тем пользоваться доверием правительства России.

Предыдущие попытки упростить систему приставов потерпели неудачу, и царское правительство продолжало назначать пристава для каждого отдельного народа. Система страдала от nepотизма и коррупции. Многие приставы не получали жалованья (правительство возлагало бремя их содержания на местное население), что практически вынуждало их становиться взяточниками и вымогателями. Кроме того, ожидалось, что приставы будут располагать сетью шпионов и телохранителей, а на это требовались немалые средства. Жизнь царских представителей протекала вдали от дома и была полна опасностей, вознаграждение же оставляло желать лучшего⁵.

В XIX веке власть пристава стала практически неограниченной: он вводил налогообложение и трудовую повинность, регулировал торговлю и принимал решения по спорам между представителями различных групп местного населения, а также между местными

⁵ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 277.

жителями и русскими. Кавказцы считали приставов воплощением мздоимства. Даже генерал Вельяминов был вынужден признать, что злоупотребления приставов часто являются причиной враждебности и набегов со стороны местного населения. Хотя он и выразил мечту о замене коррумпированных приставов на честных, но лишь с тем, чтобы оплакать тот факт, что честных приставов взять неоткуда. Восстания против приставов и прошения об их замене были обычным делом, как и их убийства⁶.

В этих обстоятельствах в феврале 1836 года правительство начало поиск нового пристава карачаевского народа на смену ушедшему с поста Атажуко Атажукину. Отпрыск знатного кабардинского рода, члены которого несколькими десятилетиями раньше бежали от русских и поселились рядом с карачаевцами, Атажуко попросил освободить его от обязанностей пристава, заявив, что они угрожают его совершенно разорить. Он объяснил, что не получает жалованья, а потому не в силах поддержать свое пришедшее в упадок имение.

В ходе последовавшей за этим переписки военачальников выяснилось, что Атажукин — неэффективный пристав, который получил назначение лишь благодаря влиятельному дяде, майору Мисосту Атажукину. Вполне естественно, что начальник Кабардинской укрепленной линии генерал Малиновский с радостью принял отставку Атажукина и рекомендовал заменить его отпрыском другого знатного кабардинского рода — прапорщиком Куденетовым, бывшим бойцом Черкесской гвардии, лишь недавно вернувшимся на Кавказ. Но генерал Засс, имевший другие планы, настоял на кандидатуре своего протеже, корнета Семена Атарщикова.

При изучении кандидатур возникли вопросы: состоит ли Куденетов в родстве с Атажукиными и не был ли Атарщиков фигурантом уголовного дела. По второму вопросу Засс объяснил, что Семена Атарщикова спутали с однофамильцем, капитаном Горского казачьего полка. Корнет же Семен Атарщиков, продолжал Засс, «никогда под судом не был, отличного поведения, очень хороших способностей, и может быть весьма полезен, будучи приставом Карачаевского народа, в особенности потому, что очень хорошо знает язык их»⁷.

Пока в Тифлисе принималось решение о его назначении, Семен получил дозволение съездить домой, в станицу Наурскую, чтобы

⁶ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. С. 292.

⁷ РГВИА. Ф. 14179. Оп. 3. Д. 168. Л. 1—3; АКАК. Тифлис, 1881. Т. 8. С. 743 (№ 644).

устроить семейные дела и ждать новых распоряжений. Спустя несколько месяцев приказ о назначении прибыл. На нем стояла подпись главнокомандующего барона Розена: Атарщиков должен был занять пост пристава карачаевского народа. Семен попросил себе в помощники старого друга — чеченца Мазая Башаева, в то время исполнявшего должность помощника пристава Чечни. Получив дополнительно 250 серебряных рублей «для угощения горцев и канцелярских издержек», 1 ноября 1836 года Атарщиков покинул Прочный Окоп и направился в Карачай⁸.

Хотя бдительные российские чиновники внимательно рассмотрели достоинства каждого из кандидатов, но, по-видимому, ни одному из этих чиновников не пришло в голову спросить мнение тех людей, которыми новому приставу предстояло управлять. По некоторым сообщениям, карачаевцы были вполне довольны предыдущим приставом и подозревали, что его отставка — следствие интриг генерала Засса. Во всяком случае, они, безусловно, были правы в том, что новый пристав является человеком Засса. Когда 7 ноября Семен прибыл в пограничную русскую крепость, его встретил весьма холодный прием со стороны представителей карачаевской знати. Вместо того чтобы сопроводить Атарщикова в его новую резиденцию, они сообщили ему, что не могут принять его в качестве пристава без согласия народа, и попросили подождать в крепости.

Вопрос был решен благодаря давлению генерала Засса и уверениям барона Розена, что жалобы карачаевцев не останутся без ответа. Немудрено, что у последних имелось много поводов к недовольству, и они воспользовались удобным случаем, чтобы в очередной раз их озвучить. Среди самых актуальных проблем были набеги ногайцев из Закубанья (в организации которых карачаевцы подозревали Засса), попытки русских властей регламентировать применение шариата и ограничения на выдачу паспортов паломникам, желавшим совершить путешествие в Мекку.

В подробном письме карачаевцам барон Розен искусно вывернул вопрос наизнанку, намекнув, что, если русское правосудие медлит, в этом виноваты они сами. Он по-дружески объяснил, что вплоть до настоящего момента, как они и желали, приставы карачаевского народа выбирались из числа кабардинских князей, незнакомых с русским языком и законами, а также с приказами и инструкциями правительства. «Имея в виду ваше благосостояние, — продолжал барон

⁸ РГВИА. Ф. 14179. Оп. 3. Д. 168. Л. 4—15.

Розен, — я выбрал вашим приставом хорошего во всех отношениях человека, корнета Атарщикова, который хорошо знает законы и язык горцев, требования начальства, ваши нужды, права и обязанность охранять вас от всяких обид». Пообещав, что их проблемами займутся, барон Розен призвал карачаевцев помочь Атарщику в его обязанностях. 18 марта 1837 года, почти через пять месяцев после отъезда в Карачай, Семен сообщил, что достиг пункта назначения, был хорошо принят и приступил к выполнению своих обязанностей⁹.

В то время как многочисленные адыги господствовали на Северо-Западном Кавказе, карачаевцы были небольшим тюркоязычным народом, жившим в горном районе в верховьях Кубани и по реке Теберде к югу от Баталпашина (в восточной части нынешней Карачаево-Черкесской Республики). Отличавшиеся языком и обычаями от адыгов, карачаевцы находились в самом близком родстве со своими восточными соседями, балкарцами — горными жителями верховий рек Баксан и Чегем (запад современной Кабардино-Балкарской Республики)¹⁰. Атарщиков являлся идеальным кандидатом на роль пристава карачаевского народа: кумыкский язык, понятный другим тюркским народам, был для него практически родным.

Новый пристав занял свой пост на фоне нарастающего газавата. Несмотря на то что русские провели несколько успешных военных кампаний, а два предыдущих имама были убиты, исламский имамат, душой которого был третий имам, Шамиль, продолжал набирать популярность. Российские власти были особенно обеспокоены возможностью того, что война распространится не только на Северо-Восточный Кавказ, где находилась база Шамиля, но и на Северо-Западный, захватив весь Кавказский хребет. Это угрожало связать мятежные народы Кавказа напрямую с Османской империей.

Карачаевские земли занимали стратегическое положение: именно здесь западно-адыгские территории смыкались с восточноадыгскими (кабардинскими), а Северо-Западный Кавказ — с Грузией, лежавшей по ту сторону горной цепи. Планы правительства по сдерживанию газавата требовали, чтобы карачаевцы стали непоколебимой преградой на пути любых попыток Шамиля найти опору на Северо-Западном Кавказе.

⁹ РГВИА. Ф. 14179. Оп. 3. Д. 168. Л. 16—34.

¹⁰ Историческая география карачаевцев и балкарцев изложена в кн.: Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа. С. 94—110.

ЗАВОЕВАНИЕ КАРАЧАЯ

В 1804 году свежестроенная станица Баталпашинская была крайней восточной точкой Кубанской укрепленной линии. Спустя несколько лет новые крепости на карачаевских землях выше по Кубани предоставили русским контроль над горными перевалами, ведущими к главным карачаевским аулам: Карт-Джурту, Учкулану, Хурзуку и др. Постройка крепостей стала прелюдией к массовому переселению донских и поволжских казаков, начавших приезжать в этот край в 1824 году. К концу 1820-х старые крепости объединились, превратившись в крупные казачьи поселения в верховьях Кубани (станции Баталпашинская и Невинномысская) и на реке Куме (станции Бекешевская и Карантинная), а новые составили свежую линию укреплений вдоль реки Большой Зеленчук¹¹.

Стоит ли удивляться, что в ответ на захват русскими старинных пастбищ карачаевцы начали куда чаще нападать на русские поселения и обратились за помощью к Османской империи? В 1826 году они скрепили союз с Турцией, предоставив своих заложников коменданту главной турецкой крепости на Черном море — Анапы. В ходе русско-турецкой войны 1828—1829 годов командующий войсками Кавказской линии генерал Георгий Арсеньевич Эммануэль решил уничтожить турецкий плацдарм на Северо-Западном Кавказе и приступил к масштабной карательной экспедиции против карачаевцев.

Вскоре после взятия Анапы русскими, которое произошло летом 1828 года, из станицы Кисловодской выступил российский экспедиционный корпус под предводительством генерала Эммануэля, направлявшийся к горе Эльбрус, высочайшей вершине Кавказа (5642 метра). 20 октября 1828 года карачаевцы дали отчаянный бой в ущелье у подножия Эльбруса, но к концу дня были полностью разгромлены. Генерал Эммануэль доложил, что Фермопилы Северного Кавказа взяты и карачаевцы лишены своего оплота.

Успехи Эммануэля в достижении считавшихся неприступными карачаевских горных аулов были обусловлены не столько его легендарной храбростью и военными талантами, сколько помощью кавказских проводников и советников. Они провели его войска по запретной земле к подножию Эльбруса, и русские оказались там, где горцы их не ждали. Спустя несколько дней после сражения группа карачаевских дворян во главе с *вали* Исламом Крымшамхалом, губернатором, назначенным

¹¹ Там же. С. 279.

турецкими властями, попросила мира. Они поклялись прекратить военные действия, вернуть захваченных у России пленников и скот, а также предоставить четырех заложников. В обмен победители разрешили карачаевцам торговать в близлежащих русских крепостях, покупая такие базовые товары, как мука, железо, соль и ткани¹².

Для Эммануэля военный успех был еще и началом другого завоевания. Этот генерал, родившийся и получивший образование в венгерских провинциях Габсбургской империи и свободно владевший пятью языками, знал о научных миссиях, следовавших за колониальными завоеваниями таких европейских держав, как Великобритания и Франция. Когда он предложил организовать научную экспедицию на гору Эльбрус, Императорская Академия наук отправила к нему группу выдающихся ученых, сведущих в физике, ботанике, зоологии и геологии¹³.

В конце июня 1829 года Эммануэль, ученые и отряд войск выступили из Пятигорска. Они стремились исследовать регион и стать первыми среди европейцев, а может быть, и среди всех людей, которые ступят на вершину Эльбруса. Спустя месяц экспедиция вернулась, достигнув обеих целей. Честь непосредственного покорения Эльбруса выпала местному охотнику-карачаевцу Киллару Хаширову. Остальные были вынуждены отказаться от подъема, когда до вершины оставалось 400—500 метров¹⁴.

Однако вскоре на смену первоначальной эйфории военных и научных побед пришло каждодневное бремя, связанное с необходимостью поддержания гарнизона во враждебном окружении. Карачаевцы были предоставлены сами себе и, в сущности, оставались независимыми. Тем не менее их беспокойство о заложниках, врученных русским, понимание угрозы карательной экспедиции и растущая зависимость от торговли с Россией были достаточными гарантиями того, что эти горцы будут вести себя мирно.

Успешное окончание Русско-турецкой войны 1828—1829 годов позволило русским в 1830-е ускорить завоевание и колонизацию Северо-Западного Кавказа. Временный комитет, назначенный Министерством

¹² Алиев У.Д. Карачай. Ростов-на-Дону: Крайнациздат-Севкавказ, 1927. С. 89—97; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа. С. 101—102.

¹³ В состав группы входили немецкие ученые, жившие в России: А.Я. Купфер, Э.Х. Ленц, К.А. Мейер и Э.П. Менетрие, а также представитель правительства Вансович и архитектор, создававший Минеральные Воды, — Джузеппе Бернардацци.

¹⁴ Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля. Репринтное издание 1851 г. М.: Собрание, 2004. С. 257—261.

иностранных дел, рекомендовал строить крепости вдоль черноморского берега и усиливать морские патрули с целью пресечь в регионе турецкое и английское влияние. Также комитет рекомендовал больше опираться на местную элиту, вводить российскую административную систему на всей территории и предоставлять местному населению доступ к беспошлинной торговле в русских городах других частей империи.

Некоторые из предложений комитета было невозможно внедрить. Прежде чем учреждать администрацию, регион следовало завоевать. В 1837 году генерал Засс предложил своему начальству передвинуть российскую линию фронта примерно на 100 километров к западу, чтобы построить крепости на реках Уруп и Лаба — притоках Кубани, текущих с юга на север. Новая укрепленная линия позволила бы русским отделить местные народы друг от друга, взять под контроль пути их миграции по направлению к пастбищам и более эффективно справляться с неминуемыми набегами. Чтобы освободить пространство для русских крепостей и обеспечить их безопасность, требовалось выселить соседние адыгские аулы, расположенные вдоль Урупа и Лабы, дальше на восток, в долины Большого и Малого Зеленчука, а также Теберды¹⁵.

К концу 1830-х годов карачаевцы и их недавно переселенные соседи-адыги оказались окружены русскими крепостями и казачьими поселениями с трех сторон — с севера, востока и запада. Лишь снежные вершины гор и южные склоны Большого Кавказского хребта оставались свободными от присутствия русских. В течение трех-четырех месяцев перед тем, как горные перевалы становились недоступными из-за снега, карачаевцы переваливали через горы и добирались до деревень в грузинских княжествах Сванетия и Имеретия, чтобы обменять свои продукты животноводства на железо, соль и фрукты. Сезон торговли был очень короток, но она позволяла карачаевцам сохранять независимость от адыгов и надвигавшихся русских¹⁶. Однако это продлилось недолго.

ЭКСПЕДИЦИЯ В СВАНЕТИЮ

Стратегическое наступление России на Северо-Западном Кавказе требовало лучшего знакомства с отдаленными областями. В 1838 году

¹⁵ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. С. 296—297.

¹⁶ Там же. С. 167.

правительство решило, что пришло время исследовать и нанести на карту территорию одного из самых недоступных участков Кавказа — горной области Вольная Сванетия. В июне из крепости Налчик выступила небольшая экспедиция. Ее предводителем был Поздышев, бывший офицер русской армии, совершивший хищение, за что он был понижен в звании и сослан на Кавказ. Кроме него, в экспедиции участвовали пристав карачаевского народа Семен Атарщиков, его помощник, знатный чеченец Мазай Башаев, и знатный карачаевец Магомед Дудов.

Из Налчика дорога шла вдоль ущелья, по которому течет река Малый Черек, через земли, населенные балкарцами. Окруженные горными вершинами, путешественники пересекли Большой Кавказский хребет, пройдя через перевал близ Катун-Тау, и прибыли в Сванетию. В это время года горная Сванетия выглядела удивительно красиво: наверху виднелись величественные ледники и снежные вершины гор, а внизу — зеленое одеяло высокой травы с разбросанными тут и там рододендронами и березовыми рощами.

Между Большим Кавказским хребтом на севере и Сванетским хребтом на юге лежали земли Верхней и Нижней Сванетии. Нижняя Сванетия располагалась в долине реки Цхенисцкали и была частью Мингрельского княжества, в котором правила грузинская княжеская династия Дадияни. Среднее течение реки Ингури окаймляло западную часть Верхней Сванетии, где княжила династия Дадешкилиани. Восточная часть Верхней Сванетии, расположенная в верховьях Ингури, являлась независимой племенной территорией, известной как Вольная Сванетия. Подобно другим изолированным горным сообществам, эта древняя страна на протяжении долгих веков была отрезана от прочих цивилизаций и скрывалась за пеленой тайн и мифов, волновавших воображение ее соседей¹⁷.

Древнегреческий географ Страбон знал сванов под именем соаны. Это был воинственный народ, обитавший у подножия великих гор Эльбрус и Шкара. Этнографы и путешественники XIX века видели в сванах либо первобытный дикий народ, живущий в каменном веке, либо свободных людей, создавших удивительное демократическое общество. Некоторые лингвисты XX века уверяли, что сваны родственны грузинам, а другие считали, что они никак не связаны ни

¹⁷ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. С. 252; Робакидзе А.И. Сванети. Тбилиси: Мецниереба, 1984. С. 68—69; Lang D.M. A Modern History of Soviet Georgia. London: Weidenfeld and Nicolson, 1962. P. 9—10.

с одним из соседних народов. Некоторые даже предполагали, что сваны имеют какое-то отношение к испанским баскам или к хеттам¹⁸. В мифах и сказках недостатка не было, и в начале XIX века дальние, таинственные земли Вольной Сванетии породили еще одну легенду, которую и должна была расследовать экспедиция 1838 года.

В 1708 году, после поражения казачьего восстания, некоторое число донских казаков-староверов бежали на Кавказ и укрылись на Таманском полуострове. Здесь они создали свободную процветающую общину и назвались некрасовцами — в честь своего вожака Игната Некрасова. Веком позже продвижение русских солдат и поселенцев заставило некрасовцев бежать еще дальше. Одни из них решили переселиться в Османскую империю и в конце концов обосновались на Балканах. Другие нашли убежище среди адыгов Черноморского побережья и со временем ассимилировались. Как бы то ни было, глава экспедиции 1838 года Поздышев считал, что некрасовцы живут именно в Вольной Сванетии.

Проведя в этих землях два месяца, экспедиция вернулась в Налъчик и подтвердила обнаружение некрасовцев. Поздышев составил карту с топографическим описанием пути в Вольную Сванетию. Он описал и географию региона — семь примитивных деревень, из которых состояла Вольная Сванетия, — и первобытную жизнь, которую вело местное население. Дома были окружены высокой каменной стеной и сторожевыми башнями с амбразурами. В средней по размеру деревне было около шестидесяти дворов, притом даже в самых маленьких селениях, насчитывавших тридцать пять дворов, имелась церковь с изящными фресками, изысканными резными деревянными дверьми и многочисленными иконами в серебряных окладах. Изоляция деревень помогла сберечь древнюю христианскую традицию: с архитектурной точки зрения эти церкви отличались от других храмов региона, а также обладали многочисленными реликвиями и предметами прикладного религиозного искусства в хорошем состоянии, присланными сюда на сохранение грузинскими князьями. Богатство церквей и казавшаяся искренней христианская вера жителей убедили Поздышева, что он среди некрасовцев. Но это была ошибка, уже через год обнаруженная в российском штабе в Тифлисе и исправленная¹⁹.

¹⁸ Allen W.E.D. *A History of the Georgian People Down to the Russian Conquest in the Nineteenth Century*. London: K. Paul, Trench, Trubner, 1932. P. 27—28; *Робакидзе А.И.* Сванети. С. 3—6.

¹⁹ Allen W.E.D. *A History of the Georgian People*. P. 300—303; *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. С. 250.

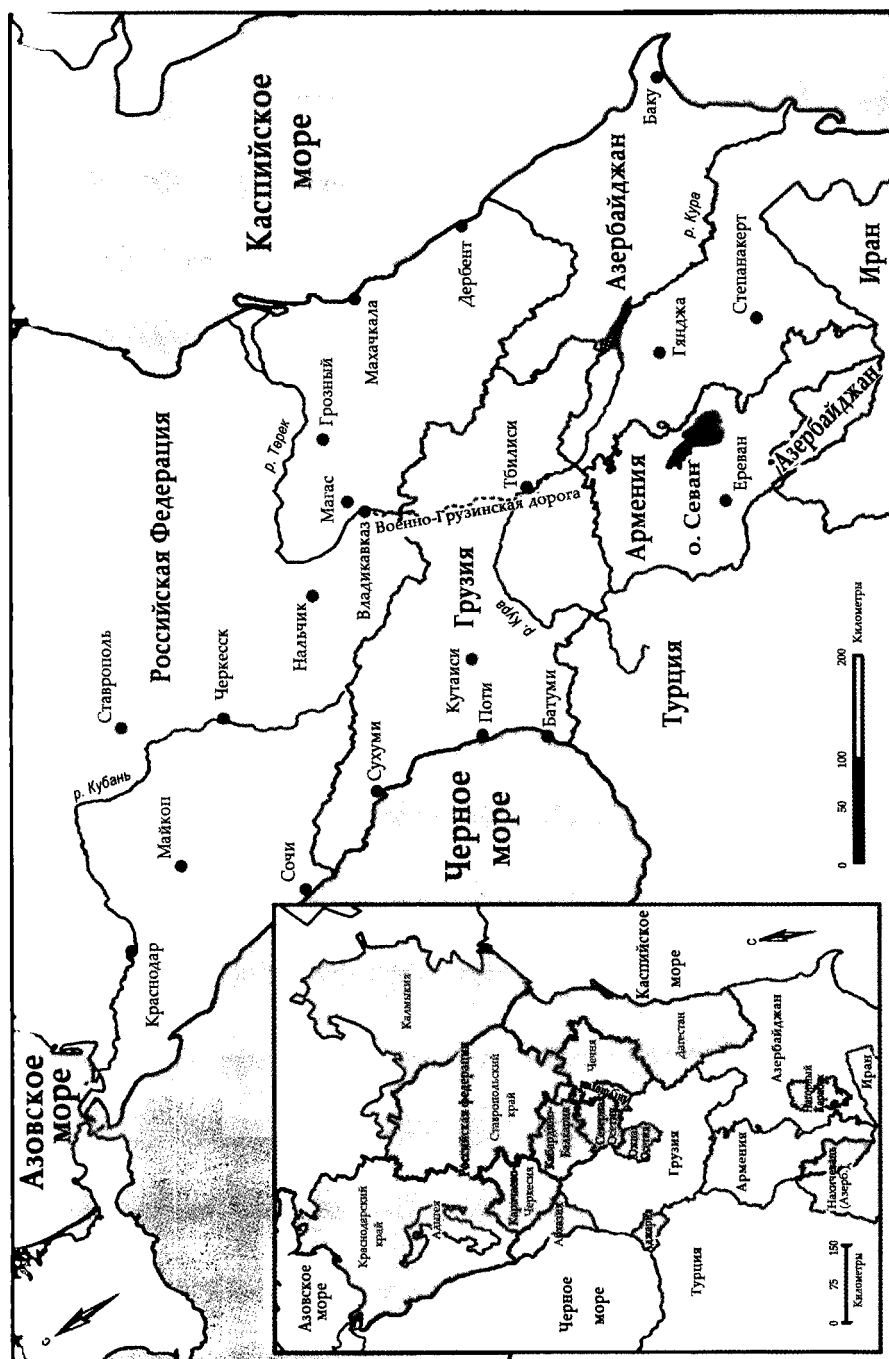
В 1850-е годы состоялось еще несколько экспедиций под руководством русского полковника и нумизмата И.А. Бартоломея, а затем — грузинского этнографа Д.З. Бакрадзе, оставивших более подробное описание Вольной Сванетии и ее народов. В отличие от Поздышева оба ученых сообщили о распространенности среди сванов веры в анимистские божества и объяснили ослабленное физическое состояние местных жителей сильным недостатком соли.

Впрочем, в то время экспедиция Поздышева была сочтена успешной, а ее участники соответственно награждены. Поздышев получил единовременно 150 серебряных рублей, Атарщиков был поощрен орденом Святого Станислава третьей степени, а два его помощника — годовой выплатой 750 рублей ассигнациями (бумажные деньги только-только появились в регионе)²⁰.

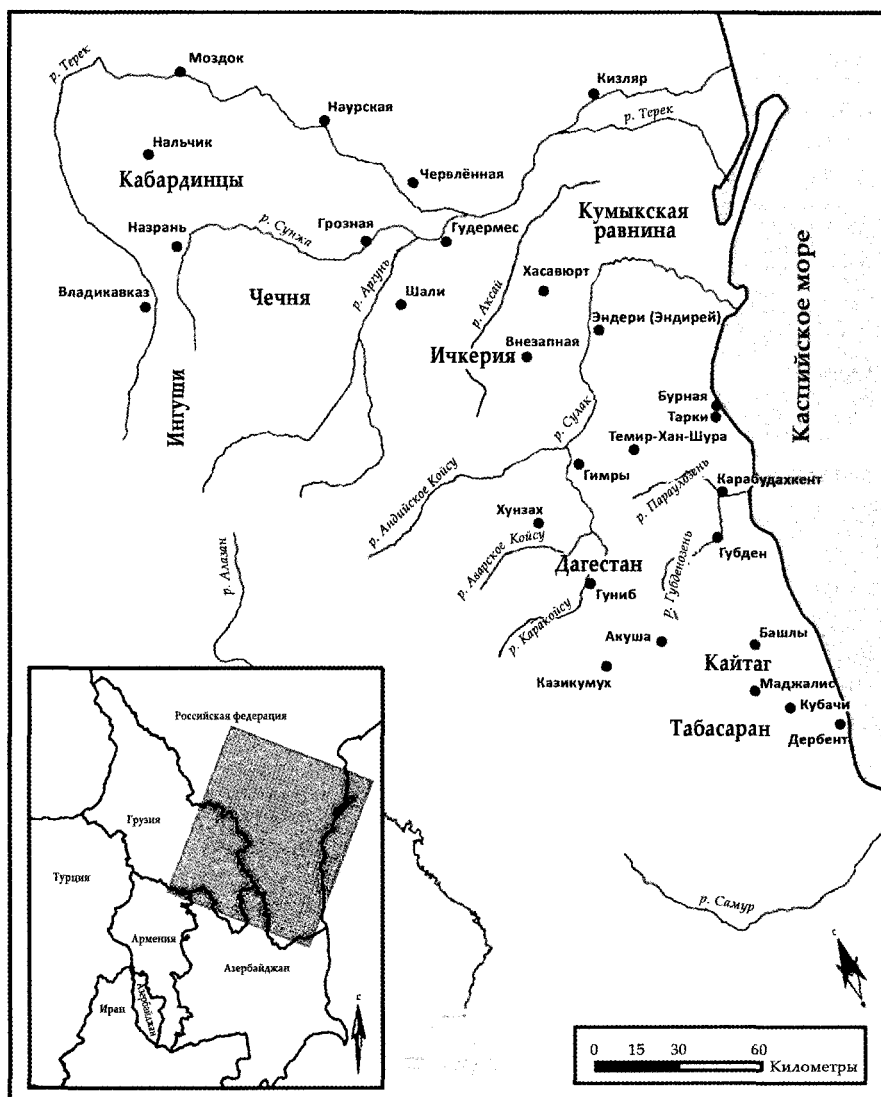
В последние десятилетия Кавказской войны Вольная Сванетия по-прежнему оставалась самоуправляющейся племенной территорией и вместе с другими частями Сванетии сопротивлялась российскому завоеванию. В 1857 году, когда война с Россией на Западном Кавказе еще была в разгаре, командующий русскими войсками князь Барятинский приказал подчинить Сванетию силой. Правивший в западной части Верхней Сванетии князь Константин Дадешкилиани должен был подвергнуться ссылке в Эривань. На своем пути в изгнание Константин остановился в Кутаиси, чтобы нанести визит генерал-губернатору Западной Грузии князю Александру Гагарину. На встрече Константин внезапно выхватил кинжал и заколол князя и трех человек из его штаба. Вместо ссылки Константин был отдан под трибунал и без промедления казнен. На следующий год вся Верхняя Сванетия была аннексирована Кавказским наместничеством России²¹.

²⁰ РГВИА. Ф. 395. Оп. 145. Д. 205. Л. 25; *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. С. 250—251; *Правилова Е.А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801—1917. М.: Новое издательство, 2006. С. 313. Ассигнации ценились невысоко из-за неконтролируемой инфляции, заставившей правительство в тот же год предпринять крупномасштабную финансовую реформу.

²¹ *Lang D.M.* A Modern History of Soviet Georgia. P. 96—97.

Современный Кавказ

Северо-восточный Кавказ в XIX веке

Северо-западный Кавказ в XIX веке

Казачий офицер со знаками отличия и с мечом. Источник: Щербина Ф.А., Фелицын Е.Д. Кубанское казачество и его атаманы. М.: Вече, 2007.

Рисунок Г. Гагарина «Молодой абхазский князь со своим убыхским аталыком». Источник: Жизнь горцев Северного Кавказа. М.: Молодая гвардия, 2003.

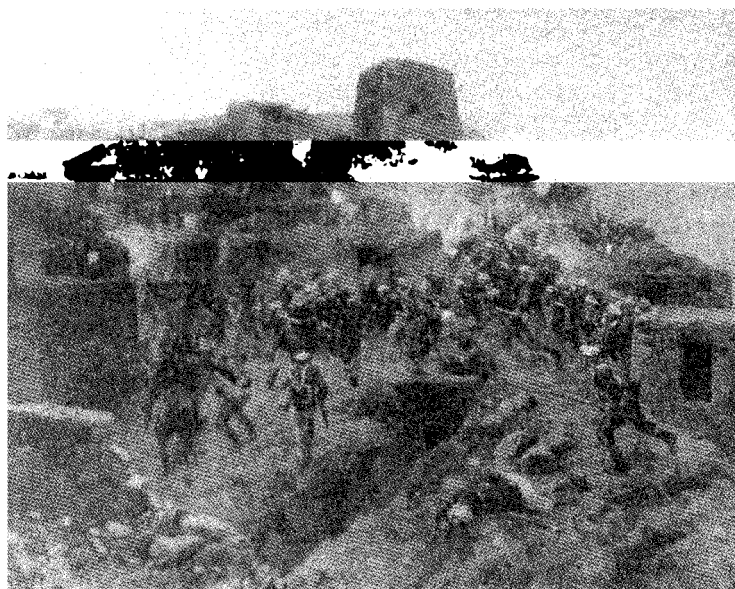

Портрет генерала
А.П. Ермолова работы художника
И.З. Захарова-Чеченца, 1843.
Источник: Портреты участников
Отечественной войны 1812 года
в гравюре и литографии:
Из коллекции Музея-заповедника
«Бородинское поле»: Каталог. М.:
Кучково поле, 2006.

Кавказско-Горский полуэскадрон Собственного Его Императорского Величества
конвоя. Источник: Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля.
М.: РОССПЭН, 2000.

Казачи Терского и Кубанского
казачьих войск. Источник:
Щербина Ф.А., Фелицын Е.Д.
Кубанское казачество и его
атаманы. М.: Вече, 2007.

Штурм аула Гимры. Источник: *Казиев Ш.М.* Имам Шамиль. М.: Молодая гвардия, 2001.

Русский художник чеченского происхождения П.З. Захаров-Чеченец. Автопортрет, 1842 (хранится в Музее изобразительных искусств города Грозного).

Генерал барон Г.Х. фон Засс.
Источник: Шишов А.В. Полководцы кавказских войн.
М.: Центрполиграф, 2001.

Полкъ съ писма вѣрнаго Гітшика Атарцикова.

(А) Гітшикъ и Атарциковъ, нѣтъ признанъ. Надѣхались
за первоотепеннаго ихъ Узденъ и слѣдуютъ моему совету. Ефре-
мацкая братія смѣлѣе ко мнѣ ходитъ. А для
всѣхъ вѣстаранъ право вольности; за • Васу какъ перейдетъ и
назовется моимъ гостемъ, никто не смѣетъ удерживать. Меня
вотъ какъ искать: скажи я гостю Хаджеретъ Маломиста
Ефесскаго офицера, и самъ какъ Хаджеретъ двскать иду къ
мнѣ на Курюпуръ рынокъ, никто не смѣетъ удерживать, и
кто удержитъ моего гостя подвергнется штрафу въ коровъ. Ефре-
мацкая плотниковъ, Кузнецовъ, солдатъ съ ружьями и порохомъ,
бараканчиковъ; кто съ бараканомъ, Мушканиновъ, господи-бъ-
детъ признанъ какъ и я, кто деньги принесетъ это его соб-
ственность, никто не смѣетъ отнять. Кто хочетъ можетъ
идти въ Мурицію а оттоишь нѣда удобно за границу, мо-
воиъ вѣствъ прииму: Полюкъ ли, Нѣмичъ ли, Ефесской ли, съ со-
ими, казенными, барскими деньгами не опасайся, бѣгомъ —

лучше прежде перейти к делу. Это по твоему и истории, что все
наоборот, что воровски не оправдать. - Жени здесь хороши
ны. - Прошу передать это шотландцам друг другу, прощайте!
- Собираюсь с Малюхиным в ближайшее время.

Написано наивосемь как то пришло.

Это я нахожу пишу извините.

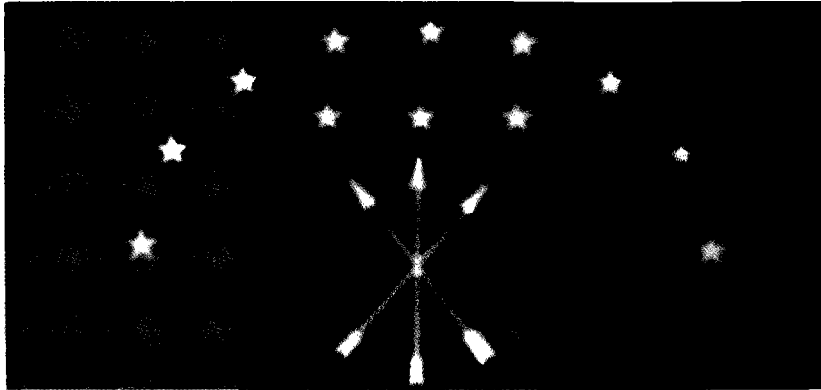
Ваше Служба. С. А. Семенов. Бумага. М. 1843.

Секрет. М. 1843. С. А. Семенов. Бумага. М. 1843.

Письмо, написанное в 1843 году Семеном Атарциковым, с призывом к русским
солдатам дезертировать и присоединиться к нему в горах. Источник: Российский
государственный военно-исторический архив. Москва, РГВИА, Ф. 38. Оп. 7. Д. 93. Л. 1.

Пушки, захваченные у русских войсками Шамиля. Источник: История народов Северного Кавказа: В 2-х т. М.: Наука, 1988. Т. 2. С. 157.

Флаг, призванный символизировать единство черкесского народа, был разработан в 1836 году британским дипломатом в Стамбуле Дэвидом Урквартом. Сегодня это флаг Республики Адыгея.

Русский генерал и османский паша Муса Кундух (Кундухов) (1818—1889) в османской военной форме с османскими и русскими знаками отличия. Источник: Калоев Б.А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 2004.

Рисунок Жан-Пьера Муане «Улица в Тифлисе», 1858. Источник: *Дюма А. Кавказ*. Тбилиси: Мерани, 1988.

Глава 8

ПОЛИТИКА РОССИИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

Должность пристава карачаевского народа не мешала Семену Атарщикову сопровождать генерала Засса в его карательных рейдах на территорию за линией границы. В 1837—1838 годах Атарщиков принял участие и в миссии другого рода — попытке найти и освободить из плена русского военного шпиона, барона Федора Федоровича Торнау, с которым познакомился в Тифлисе. Сам император принимал живейшее участие в судьбе Торнау и приказывал российским властям в регионе добиваться его освобождения. Генерал Засс самолично водил отборные диверсионные отряды на операции по ту сторону Кубани, чтобы вызволить барона, но всегда безуспешно.

Торнау находился в отдаленном ауле горцев-абадзехов, приковавших его к стене и державших под тщательным надзором. Они продолжали требовать за свободу своего высокопоставленного пленника огромный выкуп золотом или серебром. В темную ноябрьскую ночь 1838 года, когда казалось, что надежды уже нет, барона освободил его друг и товарищ, ногайский князь Тембулат Карамурзин. Заточение Торнау в горах Кавказа продлилось ровно два года и два месяца.

Атарщиков, находившийся в курсе предыдущих тайных экспедиций барона, был хорошо информирован и об обстоятельствах его взятия в плен — о них ему рассказал близкий друг, влиятельный бесленеевский князь Айтек Каноков. Будучи доверенным лицом генерала Засса, Атарщиков мог увидеть дело Торнау и с более глобальной точки зрения: это был один из эпизодов в геополитической схватке Российской, Османской и Британской империй, известной как Большая игра.

НИКОЛАЙ I ПОСЕЩАЕТ КАВКАЗ

Весной 1837 года весь Кавказ гудел от новости, что сам император собирается предпринять путешествие по здешним местам. В начале сентября Николай I прибыл в Крым, а через две недели отплыл в Геленджик, ставший отправной точкой его поездки по региону. Несколько

событий предыдущего года — взятие в плен русского офицера Торнау и конфронтация с Англией после того, как русский флот захватил у черкесских берегов английское торговое судно «Виксен», — продемонстрировали всю уязвимость позиций России на Северном Кавказе. Прибытие царя должно было продемонстрировать как великим державам, так и местному населению, что, несмотря на ропот в европейских столицах и сопротивление на самом Кавказе, Россия не намерена отказываться от своих притязаний на регион. Существовала надежда и на то, что личный визит императора, окруженный должной пышностью и подготовленный интенсивной дипломатической деятельностью, убедит непокорных местных вождей прекратить военные действия и принести присягу императору¹.

Николай I был вторым русским царем, посетившим Кавказ, и его путешествие состоялось ровно через 115 лет после того, как Петр I причалил к дагестанскому побережью Каспия. Николай очень любил путешествовать по своей империи и нередко находился в дороге. В подобных поездках он обычно занимался делами военными: наблюдал за маневрами, инспектировал полки и фортификационные сооружения. Путешествие, которое привело его на Кавказ, стало длиннейшим из всех, что он предпринял: оно продлилось с конца июля до конца октября 1837 года.

31 июля Николай I покинул Петербург и двинулся на юг вдоль западной границы империи. В начале сентября он прибыл в Одессу и оставил ее как раз вовремя, чтобы избежать опустошившей город эпидемии чумы. Из Одессы император приплыл в Севастополь, где проинспектировал Черноморский флот, посетил Бахчисарай (бывшую резиденцию крымских ханов) и отплыл на восток, ненадолго остановившись в Геленджике. За два дня, проведенные в городе, он посетил смертельно раненного генерал-майора Штейбе, стал свидетелем стремительно распространявшегося пожара, угрожавшего пороховым складам, и того, как сильный морской ветер помешал провести заранее запланированный парад гарнизона крепости. Невзирая на все эти дурные предзнаменования, Николай I продолжал двигаться на юг, к русской крепости Редут-Кале на мингрельском берегу. Между Геленджиком и Редут-Кале он ни разу не останавливался — этот неприметный факт показывает, насколько неустойчивой была российская власть

¹ По поводу Большой игры и инцидента с кораблем «Виксен» см.: *The Great Game: Britain and Russia in Central Asia* / Ed. M. Ewans. 8 vols. London: RoutledgeCurzon, 2004; *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2003.

на Черноморском побережье. Из Редут-Кале император направился в недавно приобретенные земли, двигаясь вдоль турецкой границы через Кутаиси, Ахалкалаки, Сердар-Абад, Гюмри (переименованный им в Александрополь) и Эривань, а затем повернул к северу — в Тифлис, Владикавказ, Пятигорск, Георгиевск, Ставрополь и Новочеркасск.

Путешествие Николая I на Кавказ было тщательно спланировано и подготовлено. В 1836 году граф А.Х. Бенкендорф поручил Хан-Гирею, командиру Черкесской гвардии и адъютанту императора, написать очерк для венценосного путешественника, чтобы тот мог ознакомиться с историей и обычаями черкесского народа. Весной 1837 года Хан-Гирея назначили руководить тайным посольством к независимым черкесским племенам натухайцев, шапсугов и абадзехов. Он должен был договориться, чтобы они формально вступили в российское подданство в ходе царского путешествия, а также предложить им способы управления регионом. 29 мая Хан-Гирей в сопровождении нескольких других бойцов Черкесской гвардии и адъютанта военного министра, капитана барона П.А. Вревского, выехал из Петербурга, а через две недели они прибыли в Екатеринодар.

Проведя лето в странствиях по Северо-Западному Кавказу и встречах с вождями различных адыгских племен, Хан-Гирей доложил, что не смог убедить местных вождей ни принять российский сюзеренитет, ни явиться лично для принесения присяги императору. По его словам, виной всему были анархичная природа местных сообществ, вожди которых не имели сильной власти над народом, и работа английских агентов, посеявших недоверие к России. Получив известие от Хан-Гирея о провале посольства, опечаленный Николай приказал ему выкупить барона Торнау из плена, но горцы, во власти которых тот находился, потребовали столь огромную сумму, что всякая надежда договориться об освобождении барона пропала.

Одним из последствий миссии Хан-Гирея стало то, что 18 октября в Ставрополе царю было вручено прошение от большой группы адыгов и ногайцев. Просители горько жаловались на повсеместное мздоимство и злоупотребления со стороны местной российской администрации. Они объясняли, что причиной сопротивления горцев являются действия русских офицеров и чиновников. Петиция разозлила командующего Кавказской линией генерала Вельяминова. Решив, что к этим жалобам приложил руку Хан-Гирей, генерал, взбешенный и желавший найти себе оправдание, обвинил его в провале посольства к адыгам.

Злоупотребления властью и коррупция отнюдь не были чем-то исключительным и вряд ли удивили царя. За свое короткое пребывание

в Эривани он получил сотни петиций от местного населения, после чего несколько русских чиновников было уволено, а начальник Армянской области князь В.О. Бебутов переведен в Польшу. О неистребимом мздоимстве сообщали и из Грузии.

Накануне царского путешествия Сенат отправил одного из своих выдающихся деятелей, барона П.В. Гана, изучить положение на Кавказе. Высказывались различные мнения о том, как управлять этой территорией: в докладе от 1829 года командир Кавказского корпуса генерал И.Ф. Паскевич ратовал за как можно более быструю интеграцию региона в имперскую административную систему, а его преемник генерал Розен (1831—1837), напротив, предлагал действовать шаг за шагом. В 1837 году барон Ган, прибыв в Тифлис, обнаружил масштабную сеть коррупции и злоупотреблений, в средоточии которой оказался адъютант императора и зять барона Розена, полковник князь А.Л. Дадияни. Рассказывали, что Дадияни разграбил Тифлис, растратил деньги и совершил злоупотребления в отношении солдат, заставив их, в числе прочего, трудиться в своем поместье и в поместьях других аристократов.

8 октября Николай I прибыл в Тифлис. Получив доклад Гана, он публично лишил князя Дадияни его звания и отправил под трибунал. Начальник штаба Кавказского корпуса генерал В.Д. Вольховский был без промедления уволен. Генерала Розена, вменив ему в вину как ошибочную его политику постоянного поиска компромиссов с местным населением, заменили генералом И.А. Головиным. Впрочем, увольнение командиров отнюдь не решило проблему, и в последующие годы правительство продолжило искать действенную стратегию борьбы со злоупотреблениями и коррупцией. В 1840 году, следуя рекомендациям Гана, Николай I приказал провести административные реформы, направленные на более тесный охват Закавказья имперскими порядками: на смену адату и шариату должны были прийти российские гражданский и уголовный кодексы. Но в ответ на эти изменения начались восстания, угрожавшие подлить масла в огонь войны, уже пылавшей в Чечне и Дагестане. Новая комиссия, посланная на Кавказ в 1842 году, обнаружила, что реформы, имевшие целью навязать региону российскую административную структуру, закончились провалом. Комиссия обвинила Гана в самонадеянности и недостаточном понимании местных условий и рекомендовала немедленно отказаться от реформ 1840 года, которые в следующем году действительно были свернуты. Спустя еще три года наместником Кавказа был назначен князь М.С. Воронцов, что означало возвращение к более терпеливому

подходу — к постепенности перемен и поиску компромиссов с местным населением².

Царское путешествие 1837 года, планировавшееся как демонстрация успешного покорения Кавказа, угрожало окончиться полным провалом. Николай I был глубоко раздосадован положением в регионе: на восточном берегу Черного моря российская власть оставалась неустойчивой, на Северо-Западном Кавказе росло сопротивление и бросались в глаза коррупция и плохое управление, а Северо-Восточный Кавказ по-прежнему находился в трясине затяжной войны. Впрочем, путешествие царя еще могло бы выглядеть успешным, если бы Шамиля и его соратников удалось убедить сложить оружие в обмен на прощение и щедрую награду.

Когда переговоры с адыгами на северо-западе потерпели неудачу, был послан приказ в другую часть Кавказа: представители российской власти должны были убедить Шамиля встретиться с царем и покориться ему. В середине сентября эти посредники развернули кипучую деятельность, которая привела к обмену письмами между российскими властями и Шамилем, а в конечном счете — к встрече русского генерала Ф.К. Клюки фон Клюгенау и Шамиля, состоявшейся 30 сентября. Клюгенау предложил имаму хорошее вознаграждение в случае, если тот самолично явится в Тифлис на встречу с царем и попросит монаршей милости. Но ни угрозы, ни обещания не могли убедить Шамиля, продолжавшего скептически относиться к такому предложению и напоминавшего генералу о предательском поведении русских в прошлом. Таким образом, и в этом вопросе приезд императора ни в коей мере не исправил тяжелого положения³.

Николай I покидал Кавказ в плохом настроении. К политическим неудачам добавилось еще и то, что император слегка пострадал, когда его карета перевернулась и разбилась на крутом спуске неподалеку

² Поливектов М.А. Николай I: Биография и обзор царствования. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1918. С. 191—193, 343—345; Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М.: Восточная литература, 2002. С. 153.

³ Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar. P. 91—95; Baddeley J.F. The Russian Conquest of the Caucasus. London: Longmans, 1908. P. 307—310. Дагестанское описание этих событий (сделанное Мухаммедом Тахиром ал-Карахи) см. в кн: Russian-Muslim Confrontation in the Caucasus / Eds. T. Sanders, E. Tucker, G. Humburg. London: RoutledgeCurzon, 2004. P. 37. На русском языке: Мухаммед Тахир ал-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых Шамиленских битвах / Пер. А.М. Барабанова. М.: Издательство АН СССР, 1941. С. 91 (http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/AraboJaz_ist/Karahi_I/text1.htm, проверено 08.03.2015).

от Тифлиса. 13 октября, по прибытии во Владикавказ, Николай был встречен большой группой местных представителей, желавших вручить ему свои петиции. Большинству этих просителей самодержец отвечал с теплотой, пообещав рассмотреть их ходатайства по возвращении в Петербург. В то же время он выделил из их числа чеченцев как самых нелояльных подданных и без долгих рассуждений отверг их горькие жалобы на злоупотребления местных российских властей⁴.

Спустя несколько дней император прибыл в Ставрополь. В городе не имелось ничего, кроме военного штаба, никакого производства или торговли, и число жителей было весьма небольшим. Офицеры спасались от скуки выпивкой и азартными играми в единственной городской гостинице. Николаю I место показалось столь ужасным, что он решил вообще упразднить город. Лишь настояния генерала Вельяминова, уверявшего, что у Ставрополя хороший экономический потенциал, спасли его. Покинув город 18 октября, царский кортеж через восемь дней достиг Москвы, проехав через Новочеркасск, Воронеж и Тулу⁵.

Путешествие императора на Кавказ заняло три месяца, обошлось в 143 438 рублей и привело к тому, что 170 лошадей умерли от истощения. При этом оно не только не достигло ни одной из поставленных целей, но даже ухудшило положение в регионе. Николай I, обычно предпочитавший кнут, а не пряник, дал еще больше власти тем, кто от души разделял его взгляды и был настроен жестоко подавлять непокорных туземцев. В то же время большинство местных вождей и аристократов не увидели никаких перемен в своей жизни, поскольку их жалобы на местные российские власти остались неуслышанными. Неужели продажные, жестокие чиновники и офицеры воплощали политику самого императора? Именно к такому выводу пришли многие коренные кавказцы, и это подтолкнуло их отказаться от сотрудничества с Россией, сделав выбор в пользу сопротивления. Возможно, обе стороны начали понимать всю иллюзорность своих мечтаний: русским уже не казалось, что Кавказ удастся быстро подчинить, а местные жители потеряли надежду на то, что присутствие России будет благом.

⁴ Берже А.П. Император Николай на Кавказе в 1837 г. // Русская старина. 1884. Т. 43 (август). С. 377—398; Мемуары генерала Муса-паши Кундухова. С. 100—101.

⁵ Описание Ставрополя см. в кн.: Хамар-Дабанов Е. Проделки на Кавказе: В 2 ч. СПб.: Типография Е. Жернакова, 1844. Ч. 2. С. 25—28.

ГЕНЕРАЛ НИКОЛАЙ РАЕВСКИЙ

В 1830-е годы не могло быть уверенности, что царская инструкция от 25 сентября 1829 года, предписывавшая умиротворить или истребить местное население, будет выполнена. Разумеется, Федор Торнау, понимавший Кавказ и его жителей лучше, чем какой-либо другой русский офицер, не разделял взглядов царя. В 1839 году, после освобождения из плена, барон Торнау был вызван в Петербург на встречу с Николаем I. Убежденность последнего в скором — за три года — покорении Кавказа не нашла поддержки у барона, заявившего на аудиенции, что для достижения этой цели может оказаться недостаточно и трех десятилетий.

Другие были настроены еще более скептически. Современник Торнау, немецкий путешественник и ученый Мориц Вагнер, много странствовавший по Алжиру и Кавказу, уверял, что пройдет 100 лет, прежде чем французы и русские смогут подчинить или уничтожить своих противников. И, пусть и ошибаясь по поводу сроков, по поводу результатов он оказался прав. В 1881 году Торнау признавал: «В то время мне в голову не приходило, что этот жгучий вопрос так благодушно разрешится наполовину истреблением и наполовину изгнанием с Кавказа всего горского населения»⁶.

Хотя подавляющее большинство российских командующих на Кавказе разделяли взгляды царя и предпочитали опираться на ермоловские методы безжалостного истребления, существовали и исключения. Возможно, самым ярким из них был генерал Николай Николаевич Раевский, командующий Черноморской береговой линией в 1837—1841 годах. Сын героя Наполеоновских войн, Раевский рано проявил себя блестящим офицером и быстро сделал карьеру, став выдающимся генералом. Он разделял прогрессивные идеи декабристов, многие из которых были разжалованы в рядовые и сосланы на Кавказ, где оказались в значительном числе случаев под опекой Раевского. Он являлся старым другом Александра Пушкина, а младший брат поэта, Лев, был его личным секретарем.

Свои наблюдения за тем, как Россия вела войну на Кавказе, Раевский изложил в докладе, который представил военному министру

⁶ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. С. 297—298; Wagner M. Der Kaukasus und das Land der Kosaken in den Jahren 1843 bis 1846. Dresden; Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1848. P. 221.

А.И. Чернышеву. Кровавое завоевание Кавказа Россией Раевский сравнивал с испанским завоеванием Америки, пусть русские военные и не имели того первоначального успеха, который выпал на долю конкистадоров. Автор доклада утверждал, что методы Ермолова и других военачальников — карательные рейды, уничтожение урожаев, грабеж и сожжение аулов, пленение детей и женщин, насильственное обращение местных жителей в христианство, основание крепостей на стратегических высотах и казачьих станиц на захваченных равнинах — не приносят никакой пользы, лишь подталкивая местное население к более активному сопротивлению.

Идея Раевского заключалась в том, чтобы дать местной аристократии стимул сохранять мир, сделав ее зависимой от торговли с Россией. Важнейшим товаром была соль — в горах ее было безнадежно мало, и горцы выменивали этот продукт на то, что производили сами. Чтобы помешать процветающей работоторговле, Раевский предложил обеспечить местных жителей всем необходимым, тем самым обесценив турецкие товары, которые русские считали контрабандой. По сути дела, он призывал к постепенной колонизации Кавказа без ненужного кровопролития⁷.

Но хотя подход Раевского, по-видимому, был действенным и смог принести побережью некоторое замирение, другие русские военачальники не были удовлетворены медленным темпом завоевания и чрезмерным, по их мнению, поиском компромиссов с местным населением. Их больше волновало получение от горцев присяги, чем реальное сохранение мира, и они требовали прекращения торговли и перехода к более агрессивным мерам. Командующий Кавказской укрепленной линией генерал П.Х. фон Граббе настаивал на увеличении числа карательных рейдов, а адмирал Л.М. Серебряков (урожденный К.М. Арцатагорцян) призывал возобновить сожжение урожаев, чтобы зимой адыгам пришлось голодать. Оба рассчитывали, что военная сила вкупе со всеобъемлющим опустошением адыгских земель заставит коренное население покориться или покинуть этот край. Никто не обратил внимания на предостережения Раевского о том, что подобные действия со стороны России могут превратить Северо-Западный Кавказ в еще одну Чечню.

Лишь в феврале 1840 года под влиянием представленного Раевским красноречивого и подробного анализа сложившегося положения царь

⁷ Архив Раевских: В 5 т. СПб.: Издательство П.М. Раевского, 1910. Т. 3. С. 342—350, 362—380.

приказал Граббе переменить политику и способствовать торговле с местными жителями как лучшему пути добиться их окончательного умиротворения. Раевский утверждал, что его мирный подход всего за несколько лет дал более ощутимые результаты, чем те, которых удалось добиться за четыре десятилетия массированного и повсеместного применения силы. Но спустя год Раевского обвинили в том, что его политика привела к унижительному поражению. Зимой 1840 года соединенные силы адыгов перебили около 2 тыс. русских, захватили четыре русские крепости и осадили другие фортификационные сооружения. В 1841 году, поняв свое одиночество среди русских военачальников и всю безнадежность своих попыток, Раевский подал в отставку. Покинув в том же году Кавказ, он писал военному министру А.И. Чернышеву: «Я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе и от этого вынужден покинуть край»⁸. Отъезд Раевского стал победой таких командиров, как Серебряков, Засс, Граббе, Головин, предпочитавших опираться на прежнюю политику силы и подавления, которая в действительности и порождала растущее сопротивление кавказцев продвижению России.

В 1830-е годы на Черноморском побережье между Анапой и Сухуми быстро развернулась российская колонизация. Прибрежные земли были захвачены, а их коренному населению пришлось бежать. Десятки новых крепостей выросли в стратегических пунктах, и тысячи украинских казаков и крестьян при поддержке государства поселились на берегу. Некоторых переселенцев освободили на двадцать пять лет от налогов, других обеспечили щедрой помощью богатые армянские купцы. Сначала эти казаки и крестьяне были известны как «анапские поселенцы», поскольку основывали укрепленные сельскохозяйственные колонии рядом с Анапой. Российская блокада побережья, хотя и не всегда успешная, значительно сократила торговлю с Турцией — все большее число турецких кораблей удавалось захватить до того, как они достигали черкесского берега. Адыги, став изгнанниками в собственных землях, впадали в отчаяние.

Однако быстрая колонизация побережья неизбежно влекла за собой и нежелательные для России последствия. Военные крепости были построены столь поспешно, что лишь немногие из них могли выдержать серьезный приступ. В ходе своего первого путешествия вдоль побережья в 1835 году Торнау отметил, что русские крепости

⁸ Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х — начале 30-х гг. XIX века. Майкоп: Меоты, 1994. С. 295—306.

крайне уязвимы и не могут обороняться с моря. Неспособность колонизаторов контролировать берег вполне проявилась в экспедиции, предпринятой генералом Вельяминовым в 1837 году с целью очистить побережье южнее Геленджика от местного населения. Войска достигли следующего русского форта, находившегося примерно в двадцати километрах к югу, только через четыре дня, потеряв 104 человека. Еще тридцать километров были пройдены за пять дней и обернулись потерей 128 человек. Но теперь отряд Вельяминова не мог ни продвигаться дальше на юг, ни возвратиться на север: он оказался в окружении соединенных сил нескольких адыгских народов. Русские крепости, защищенные слабыми гарнизонами и не связанные друг с другом никакими дорогами, не могли ему помочь. Оказавшиеся в ловушке войска были спасены лишь ложью Вельяминова: он заявил адыгским вождям, что Россия прекратила войну на Кавказе, и ему позволили вернуться обратно на Кубань⁹.

На какой-то миг черкесы, послушавшись турок и надеясь на военно-морское вторжение англичан, смогли прекратить свои междоусобицы и собрали значительное войско для удара по русским крепостям. Самый зримый символ их единства прибыл в 1837 году из Стамбула. Это был Санджак-Шериф — зеленое знамя пророка Мухаммеда, которое разворачивалось лишь во время священной войны. Его простой рисунок — три стрелы снизу и двенадцать звезд сверху — символизировал двенадцать адыгских племен, объединившихся в войне с Россией¹⁰.

Успех черкесов в борьбе с русскими в 1840 году в немалой степени объяснялся поддержкой со стороны англичан и их поставками огнестрельного оружия и пороха. Связным англичан в регионе был Сефер-бей Занокко, представлявший собой еще один яркий пример коренного жителя Кавказа, вынужденного преодолевать культурные границы нескольких отличающихся друг от друга миров. Общие контуры подобных историй нам уже знакомы. Мальчик, происходивший из знатной адыгской семьи, жившей в окрестностях Анапы, был выдан русским как заложник и оказался в элитном лицее Ришелье в Одессе. Окончив его, Сефер-бей был направлен младшим офицером в русский гарнизон в Анапе. Вскоре, оскорбленный командиром полка, он

⁹ *Сохт А.К.* Черноморская береговая линия: сущность и функции // *Россия и Черкесия (вторая половина XVIII — XIX в.)* / Гл. ред. З.Ю. Хуако. Майкоп: Меоты, 1995. С. 147—157; *Bell J.S.* *Journal of a Residence in Circassia*. Vol. 1. P. 117.

¹⁰ *Spencer E.* *Travels in Circassia, Krim-Tartary, &c.* 2 vols. London: Henry Colburn, 1839. Vol. 2. P. 235—242, 374—375.

дезертировал и бежал к туркам. Вступив в турецкую армию, Сефер-бей стал полковником и в 1828 году вернулся в Анапу, но уже в качестве заместителя командующего турецким гарнизоном. Осада этой крепости, продолжавшаяся шесть недель, свела лицом к лицу двоих друзей и бывших одноклассников в лицее Ришелье: Сефер-бея и младшего морского офицера-армянина Серебрякова, будущего адмирала Черноморского флота. По взятии Анапы русскими Сефер-бей был пленен, отправлен в Одессу и спустя год выпущен на свободу; в 1830 году он вернулся в Османскую империю и в течение последующих трех десятилетий боролся за независимость адыгов от России¹¹.

Успех черкесов, захвативших зимой 1840 года несколько прибрежных русских крепостей и их гарнизоны, оказался недолговечным. Весной русская морская экспедиция высадила на побережье новые войска и легко вернула себе крепости. Позднее они были усилены с учетом возможной осады с суши, но так и остались весьма уязвимыми для нападений с моря¹².

Понимание, что надежда на вмешательство англичан иллюзорна и с русскими подкреплениями придется иметь дело в одиночку, разрушило единство черкесов. И лишь в 1848 году, когда на Северо-Западный Кавказ прибыл представитель Шамиля Мухаммед Амин, они вновь объединились, чтобы выступить против русских. На сей раз черкесы вели священную войну уже за Шамиля и его исламское государство.

ХАН-ГИРЕЙ

После кавказского посольства 1837 года спутники Хан-Гирея вернулись в Петербург, а сам он получил приказ оставаться на Кавказе под началом генерала Вельяминова. Новое назначение было вызвано как гневом царя, недовольного, что Хан-Гирей не смог выполнить

¹¹ Многочисленные мирные предложения Сефер-бея, обращенные к российскому правительству, носили умеренный характер и формулировались с учетом условий, в каких оказались греки в результате Войны за независимость против Османской империи: Россия должна была вывести войска с адыгских земель и удалиться за реку Кубань, предоставив Черкесии независимость в обмен на обещание нейтралитета. См.: *Керашев А.Т.* Политическая деятельность князя Сефер-бея Заноко в годы Кавказской войны // *Россия и Черкесия*. С. 115—137.

¹² Слабость русских крепостей раскрылась в полной мере во время Крымской войны, когда появление английского и французского флотов в Черном море вынудило князя М.С. Воронцова эвакуировать все русские гарнизоны с побережья, чтобы избежать их пленения.

поручение, так и надеждой, что он все же сыграет важную роль на Кавказе: сумеет создать противовес английским агентам, поспособствует привлечению различных черкесских народов на сторону России и добьется освобождения Федора Торнау. Чтобы профинансировать деятельность Хан-Гирея на Кавказе, власти выделили ему 30 тыс. рублей — весьма значительную сумму. Когда спустя два года он вернулся в Петербург, ему было нелегко дать удовлетворительное объяснение, куда ушли деньги. С точки зрения правительства, Хан-Гирей мало чего добился. Англо-турецкое влияние на Северо-Западном Кавказе уменьшилось не слишком, а то, что Торнау наконец вышел на свободу, было результатом отважного вмешательства его друга, Тембулата Карамурзина, а не каких-либо усилий со стороны Хан-Гирея.

Обаятельный «черкесский Карамзин», как Николай I любил называть Хан-Гирея, быстро оказался в опале. Его военная карьера не задалась, а здоровье все слабело, и он обратился к литературным трудам. В декабре 1839 года он направил прошение военному министру А.И. Чернышеву, чтобы тот вернул ему его трактат 1836 года — «Записки о Черкесии». Когда Чернышев отказался, Хан-Гирей обратился к императору, но тот счел публикацию труда «неудобной» и приказал оставить рукопись там, где она находилась, — в библиотеке Генерального штаба, вместе с другими тайными папками¹³.

Следующие поколения царских и советских чиновников тоже считали рукопись Хан-Гирея слишком опасной и держали ее под запретом. Наконец в 1978 году были опубликованы первые три части рукописи, а четвертая, самая спорная, включавшая рекомендации

¹³ Жемухов С.Н. Мировоззрение Хан-Гирея. Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 25—26. В атмосфере строгой цензуры лишь немногим повезло больше, и то ненадолго. В 1844 году в Петербурге было напечатано 1200 экземпляров романа под названием «Проделки на Кавказе». Тремя днями позже книгу сочли вредной для образа русской армии на Кавказе и запретили; большинство экземпляров было сожжено издателем или конфисковано полицией. Цензор, дозволивший публикацию этой книги, был уволен и заключен на восемь дней в тюрьму. Автором, скрывавшимся под псевдонимом Е. Хамар-Дабанов, оказалась Е.П. Лачинова, жена русского генерала в отставке; ее взяли под полицейский надзор. Николай I лично приказал уделить особое внимание любым рукописям, которые она в будущем предложит для публикации. Полицейские инстинкты не подвели царя. Через шесть лет Лачинова представила в печать новую рукопись под названием «Два имама, или Истребление Аварского дома». На сей раз имперские цензоры были начеку и быстро осудили роман как симпатизирующий горцам и критикующий российские военные походы. Рукопись так и не была издана и бесследно исчезла. См.: Хамар-Дабанов Е. Проделки на Кавказе: В 2 ч.; Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978. С. 175—181.

«о мерах и средствах для приведения черкесского народа в гражданское состояние кроткими мерами с возможным избежанием кровопролития», увидела свет лишь в 1992-м, на следующий год после краха Советского Союза¹⁴.

В начале же этой истории, вскоре после окончания «Записок», к генералу Вельяминову обратились за их комментарием. Стратегические рекомендации Хан-Гирея и возражения на них Вельяминова позволяют увидеть, как формировалась российская политика на Кавказе. Хан-Гирей утверждал, что лучший способ управления черкесами — поддержка исламских учреждений. Он пришел к выводу, что мусульманское духовенство — единственная социальная группа, которая способна принести Кавказу мир и стабильность. Поэтому, считал он, российские власти должны помогать распространению ислама в регионе и использовать мусульманскую религию как инструмент своей политики, «чтобы народ понял, что русское правительство не собирается уничтожать их веру»¹⁵.

Подобные взгляды были воплощением внутренних противоречий личности самого Хан-Гирея. Являясь мусульманином и черкесом, он хорошо понимал страх и беспокойство собственного народа, видевшего в российской экспансии не только территориальное расширение, но и нападение на свою религию. Однако как хорошо образованный русский офицер он также в полной мере осознавал и ограниченность ислама, и «полудикое» состояние основной массы черкесского народа. Хан-Гирей рекомендовал организовать школы, которые вырастили бы поколение имамов и мулл, верных российскому правительству. Чтобы подорвать политическую власть улемов и ослабить турецкое влияние, он призывал к созданию черкесского алфавита, который стал бы заменой турецкому и позволил бы перевести Коран на черкесский язык¹⁶.

Эклектичные взгляды Хан-Гирея, сформированные наследием эпохи Просвещения, происходили от его убеждения, что «полудикий» народ можно изменить и улучшить путем образования, как религиозного, так и светского. Автор «Записок о Черкесии» считал полезным введение школ для обучения детей не только аристократии, но и простых людей (хотя подразумевал, что они должны были бы учиться отдельно). В то же время он предлагал посылать заложников из местного

¹⁴ Хан-Гирей. Записки о Черкесии / Ред. В.К. Гарданов, Г.Х. Мамбетов. Нальчик: Эльбрус, 1992.

¹⁵ Жемухов С.Н. Мировоззрение Хан-Гирея. С. 79.

¹⁶ Там же. С. 103.

населения в русские школы в Ставрополе и Екатеринодаре и призывал назначить «попечителя над просвещением и образованием Черкесского народа». Говорили, что Хан-Гирей сам желал занять эту должность¹⁷.

Тем не менее главной в его предложениях была мысль о необходимости поддерживать и укреплять исламские учреждения. Образцом идеального губернатора для него являлся Хасан-паша — турецкий военачальник, управлявший в 1820-е годы Анапой. Хасан-паша добился мира с черкесами, щедро платя им, награждая их, продвигая шариат и тем самым получив контроль над улемами¹⁸, чего не смогли достичь российские власти.

Хан-Гирей составил подробный план того, как подчинить улемы российскому влиянию, и назвал это «новый порядок управления». Он предложил создать два духовных управления (*муфтията*), руководимые муфтиями, опирающимися на шариат. Один муфтият предназначался для местных обществ, находившихся под властью князей и аристократов (например, для кабардинцев и кумыков), а другой — для свободных обществ, не имевших князей (для чеченцев, абадзехов и др.). Муфтии должны были надзирать за двумя высшими чиновниками (*вали*) и двумя судами (*махкемат*), которые руководствовались бы как шариатом, так и адатом¹⁹.

Но генерал Вельяминов придерживался иных взглядов и не нуждался ни в каком новом порядке. С его точки зрения, разрешение шариата лишь повысило бы статус мусульманского духовенства и повредило бы интересам России. Вместо этого он предложил следовать образцу судов, созданных в землях кумыков и в Большой Кабарде. Эти суды опирались на адат, а в случае необходимости — на российские законы. Апелляцию на их решения можно было подавать местному российскому командующему, а затем Верховному главнокомандующему на Кавказе. Вельяминов был против публикации «Записок» Хан-Гирея, поскольку «рассуждения о том, как повлиять на умы полудиких народов, не должны быть помещаемы в сочинениях, публике предлагаемых». В конечном счете предложение Хан-Гирея было отвергнуто и Вельяминовым, и столичными чиновниками, обосновавшими свой

¹⁷ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 4. Л. 2—4.

¹⁸ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа; Жемухов С.Н. Мировоззрение Хан-Гирея. С. 48, 63.

¹⁹ Каждый суд должен был включать одного старшего князя из каждого княжества, двух аристократов, одного дворянина, кади, писца и муфтия: РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 4. Л. 4.

вердикт при помощи туманного бюрократического термина *неудобоисполнительность*²⁰.

Хан-Гирей стремился прежде всего к тому, чтобы Северный Кавказ был включен в Российскую империю ненасильственными методами: стимулированием торговли, щедрыми наградами, развитием просвещения, поддержкой мусульманских учреждений и шариата. Но генерал Вельяминов считал, что более эффективным средством умиротворения Северного Кавказа является военная политика России — жестокая, безжалостная и разрушительная. Он утверждал, что для обеспечения интересов империи нужно поддерживать существующую кавказскую аристократию и используемый ею адат, а не улемы.

Хан-Гирей и Вельяминов воплощали два противоположных взгляда на то, как умиротворять народы Северного Кавказа и править ими. Хан-Гирей выступал за компромисс с исламом и постепенное распространение цивилизации. Вельяминов предпочитал более конфронтационный подход с опорой на местную знать, стремясь к быстрой интеграции региона в политическую и юридическую структуру империи. Оба взгляда были типичными ответами на те вызовы и дилеммы, с которыми постоянно сталкивались российские стратеги на Северном Кавказе и в других регионах, подвергавшихся российскому завоеванию и колонизации.

Неудивительно, что генерал Вельяминов и столичное руководство, в том числе и сам император, сочли рекомендации Хан-Гирея неприемлемыми. Эти рекомендации напоминали политику, принятую в правление Екатерины II, — поддержку и институционализацию ислама в Российской империи с целью лучшего контроля над мусульманским населением. Но времена переменились, и Николай I, переживший восстание декабристов, вдохновленный своим особым пониманием православия и оказавшийся лицом к лицу со священной войной Шамиля, был не в том настроении, чтобы рассматривать варианты поддержки ислама и его учреждений. Кроме того, по самой своей натуре Николай был склонен к опоре на силу, а не на компромисс. Таким образом, взгляды генерала Вельяминова оказались как нельзя более близки к взглядам царя. И военачальники получили царское указание удвоить усилия по подчинению и умиротворению местного населения.

Конечно, поддержка улемов была не единственной альтернативой российской политике по привлечению на свою сторону знати

²⁰ Там же. Л. 8—10.

и устрашению местного населения. Среди высших военачальников и государственных чиновников России всегда имелось некоторое число приверженцев мирного и постепенного завоевания Кавказа. В 1810 году, реагируя на жестокое подавление горцев, осуществляемое русскими войсками, недавно назначенный Верховный главнокомандующий на Кавказе генерал А.П. Тормасов написал военному министру князю М.Б. Барклаю-де-Толли, что чрезмерное насилие и злоупотребления лишь восстанавливают местное население против России. Вместо этого он предлагал искать мира и поощрять торговлю. Шестью годами позже русский адмирал Н.С. Мордвинов также рекомендовал привлекать местное население на свою сторону при помощи торговли, а не оружия²¹.

В конце 1820-х годов генерал Ф.А. Бекович-Черкасский, представитель знатной кабардинской династии, обратившейся в христианство и обрусевшей за несколько поколений до этого, предложил собственный проект наилучшего управления кабардинцами. Он советовал привлечь на свою сторону кабардинскую знать, откликнувшись на большую часть ее многочисленных жалоб: вернув земли и заложников, разрешив возвращение знатных беглецов, упразднив Кабардинский временный суд, позволив постоянно использовать как исламское, так и обычное право и даровав кабардинским аристократам права российского дворянства²².

За год до своего отъезда с Кавказа, в 1841 году, генерал Раевский горько жаловался, что русские военачальники по-прежнему не имеют никакого представления о местных народах и их общественной организации. Он объяснил, что, к примеру, в районе Анапы русские не видят разницы между местной знатью (*узденями*) и купцами и ремесленниками, составляющими сословие свободных людей (*тох*). При турецкой власти *тох* получили различные торговые привилегии и теперь ожидали того же от русских. Но российские власти предпочли поддержать узденей, проигнорировав *тох* и их заботы. Отрицательные последствия этой политики и российского невежества, по словам Раевского, особенно бросались в глаза в Дагестане и Чечне, где исламисты смогли поднять простой люд против узденей и России. Генерал считал,

²¹ Кавказ и Российская империя: Проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX в. / Сост. Я. Гордин, В. Лапин, Г. Лисицына, Б. Миловидов. СПб.: Звезда, 2005. Док. № 5. С. 265—269; История народов Северного Кавказа. С. 26, 28, 39.

²² Бесланев В.С. Малая Кабарда (XIII — начало XX века). Нальчик: Эльбрус, 1995. С. 116—118.

что поддержка российскими властями узденей и ханов разожгла религиозную войну, тогда как интересам России был бы наиболее выгоден союз с простым человеком²³.

Но те, кто выступал за торговлю, терпение и компромиссы с местным населением, в том числе и наместник Кавказа князь Воронцов, оставались в ничтожном меньшинстве среди русских военачальников. Умиротворение Кавказа огнем и мечом стало основой российской политики при Ермолове и всюду продолжалось при его преемниках. В 1828 году Вельяминов представил свой доклад «Способ ускорить покорение горцев». Подводя итог вызовам, с которыми столкнулась Россия, он признавал, что приставы продажны, а их злоупотребления являются главной причиной набегов из-за границы. Также он не скрывал, что усилия России, направленные на то, чтобы столкнуть кумыков с чеченцами, чеченцев с кабардинцами, кабардинцев с кубанскими ногайцами, а ногайцев с абадзехами и шапсугами, лишь помогли объединению этих народов против российской власти и что российские мусульманские полки на границе ненадежны. Рекомендовал же Вельяминов построить больше крепостей в стратегических точках, занять равнины казачьими станицами, лишить местных жителей необходимых для лошадей пастбищ, сжигать их урожаи и разрушать аулы, которые окажут сопротивление²⁴.

И действительно, фирменным знаком российского покорения Кавказа стали жестокость и беспощадные разрушения. Зверства, совершавшиеся русскими войсками: истребление стариков, женщин и младенцев, поджигание домов с людьми и животными, изнасилования, грабежи и захват детей, которых увозили в Россию, — описывались как русскими, так и иностранными наблюдателями. В 1838 году Эдмунд Спенсер, английский путешественник, посетивший Кавказ, назвал черкесов «самым жестоко притесняемым народом на земле в настоящее время». «Возможно ли, — продолжал он, — что кто-либо, имеющий хотя бы крупицу сострадания к другим тварям Божьим, мог наблюдать сожжение деревень, тысячи беспомощных сирот, плачущих вдов, лишенных всего, что для них было дорогого в мире, и не проклиная тех, по чьей вине случились эти беды?»²⁵

²³ Архив Раевских. Т. 3. С. 34—41, 338—350.

²⁴ Н.Ш. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский сборник. 1883. Вып. 7. С. 1—156; Приложения к запискам А.П. Ермолова. С. 67—77, 124—133, 144—154.

²⁵ Spencer E. Travels in Circassia. Vol. 2. P. 245—246.

Глава 9

ПЕРВОЕ ДЕЗЕРТИРСТВО

КУБАНСКАЯ И ЛАБИНСКАЯ УКРЕПЛЕННЫЕ ЛИНИИ

Крепость Прочный Окоп была основана в 1784 году и к 1830-м давно утратила военное значение. Тем не менее, находясь в центре русских позиций, она стала резиденцией командующего Кубанской укрепленной линией и сборным пунктом российских экспедиционных войск. Из крепости, возведенной на самой высокой точке правого берега Кубани, прямо напротив устья реки Уруп, открывался прекрасный вид на равнины. Но двухметровая пятиугольная стена Прочного Окопа ограждала непривлекательные и обветшалые строения — казармы, арсенал, склады провизии. Здесь было тесно и неуютно; единственное исключение составляла собственно резиденция генерала Засса, соединявшая азиатскую роскошь с европейским комфортом и всегда впечатлявшая посетителей-кавказцев¹.

На правом берегу Кубани расстилалась широкая открытая степь. На левом начиналась равнина, простиравшаяся до предгорий Кавказа. Шириной 110 километров, растянувшаяся на 400 километров, до самого берега Черного моря, она отделяла Кубань от гор и вся была иссечена оврагами и рвами — идеальными укрытиями для небольших отрядов кавказцев, готовившихся напасть на русскую границу.

Присутствие России на этой равнине исчерпывалось двумя небольшими удаленными крепостями на реках Уруп и Чамлык. Чтобы предотвратить набеги на пограничную территорию, российские военные власти устраивали карательные экспедиции, которые, в сущности, мало чем отличались от тех же самых набегов. Страх перед русским возмездием иногда срабатывал на равнине: несколько черкесских аулов отказались от поддержки отрядов, предпринимавших набеги, и считались мирными. Труднее было добиться мира в горах — там, где на лесистых склонах и в горных ущельях главного хребта расположились абазинские и абхазские аулы башилбаевцев и баракаевцев, а также

¹ Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. С. 139.

дальше к югу, там, где в глубине поросших лесом гор скрывались аулы адыгских народов — абадзехов, шапсугов и натухайцев.

Эти три адыгских народа находились в состоянии открытой войны с Россией. Они предоставили убежище беглым кабардинцам, ногойцам и другим, чьи земли были аннексированы империей и кто поклялся мстить ей, неустанно нападая на русскую границу. Известные среди адыгов как *хаджреты* (арабское слово, означающее эмиграцию), а среди русских как *абреки* (осетинское слово, означающее беглеца или изгнанника, ставшего на тропу войны), такие беглецы посвятили себя поиску славы и мщению в войне с Россией.

Непрерывные, хотя и малоинтенсивные (по военной терминологии), боевые действия со стороны противника требовали от российского пограничья постоянной бдительности. Охрана границы выпала на долю казаков. Весь правый берег Кубани был защищен укрепленными казачьими станицами, расположенными в двадцати километрах одна от другой. Между каждыми двумя деревнями находились два сторожевых поста с башнями; и на том, и на другом по небольшой группе казаков. Днем всадники-казаки патрулировали намеченные районы и высоты. Ночью они сидели в засаде на известных переправах через реку, а поддерживающие группы располагались позади, на важнейших перекрестках дорог, готовые прийти на помощь, если прозвучит сигнал тревоги. Рано утром свежие казачьи патрули покидали свои деревни в поисках признаков приближающихся врагов. Несмотря на все предосторожности, кавказцы продолжали проникать тайком или прорываться силой за Кубань, нападая на приграничные районы Минеральных Вод и Ставрополя. Однажды сорок кавказских конников переправились через Кубань и добрались до самой Астраханской степи, где ограбили рыбаков и рыбные промыслы. Они провели на территории России тридцать дней и спокойно вернулись в родные аулы.

Очевидно, что существовавшая оборонительная система недостаточно хорошо защищала русских, а потому ее необходимо было дополнить карательными экспедициями. По крайней мере, так думал командующий Кубанской укрепленной линией генерал Засс, чьи военные экспедиции славилась исключительной смесью неожиданности, жестокости и разрушительности. Какими бы ни были краткосрочные выгоды от использования его стратегии, она восстанавливала против России и местных вождей, и простой народ.

В самом деле, если кто-либо превосходил всех остальных в зверствах по отношению к местному населению, это был генерал Засс. Его штаб в Прочном Окопе окутывала тайна. Поблизости на пиках были

выставлены головы черкесов с растрепавшимися на ветру бородами. Как-то раз одна гостья потребовала, чтобы к ее приезду ужасные головы были убраны. Их и впрямь убрали. Но позже, когда кто-то почувствовал неприятный запах в одной из комнат, Засс достал большой сундук, в котором лежали головы. Он объяснил, что они были сварены и вычищены для отправки его друзьям, берлинским профессорам². Когда читаешь подобные рассказы о Зассе и его доме, складывается ощущение, что этот человек был русским аналогом полковника Курца, блистательного и безумного мясника из «Сердца тьмы» Джозефа Конрада.

Засс был девять раз ранен и, как уже говорилось, получил у местных жителей прозвище Хромой Дьявол. Его смелые и непрерывные рейды вызывали у них определенное уважение, а жестокость, не имевшая себе равных, — особую ненависть. Современники говорили, что во время военного марша или рейда Засс радовался, как английский джентльмен на охоте. Засс открыто заявлял, что при завоевании Кавказа надо опираться не на филантропию, а на террор, подобно генералу Ермолову, чьим именем, по-прежнему внушавшим страх, местные жители продолжали пугать своих детей. Мнения современников по поводу того, служит ли жесткая стратегия Засса интересам России, расходились, но его репутация человека, сеющего ужас и разрушение, была бесспорной. Когда летом 1838 года Джон Белл, англичанин, живший в Черкесии, узнал о движении Засса к Анапе, он отметил в своем дневнике, что «женщины и дети в тех краях, должно быть, теперь в опасности»³.

В 1839 году Засс сделал важный шаг в завоевании Кавказа. В соответствии с общими принципами предложений Вельяминова и в духе активной политики России он решил передвинуть правый фланг Кавказской линии с Кубани на Лабу, тем самым закрыв для местного населения доступ к обширной равнине, лежащей между двумя реками, и заметно приблизив русскую границу к горам.

² Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. С. 258—259; Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. С. 374—375. В то время подавляющая часть европейского научного мира была одержима френологией. Череп с Кавказа представляли особый интерес. Исследуя их, немецкий ученый Иоганн Фридрих Блюменбах пришел к выводу, что этот регион — прародина современного человека. Именно он предложил называть белую расу кавказской. См.: Desmond A., Moore J. Darwin's Sacred Cause: How a Hatred of Slavery Shaped Darwin's Views on Human Evolution. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2009. P. 27—48.

³ Bell J.S. Journal of a Residence in Circassia. Vol. 2. P. 14.

Суть этой русской стратегии не менялась со строительства первых укрепленных линий в XVII веке: двигать вперед военную границу и захватывать новые пахотные земли. В крепостях располагались регулярные русские войска, а в укрепленных станицах — нерегулярные казачьи контингенты; задачей и тех и других было охранять новую границу, позволяя колонистам — крестьянам и казакам — превратить бывшую пограничную зону в цветущую сельскохозяйственную область.

В первые десятилетия XIX века колонизация Северо-Западного Кавказа продвигалась быстро. В 1824 году в результате массовой иммиграции крестьян и казаков с Украины Черноморское казачье войско могло выставить 25 тыс. казаков. Еще важнее был тот факт, что новые мигранты приехали не поодиночке, а с семьями. Это означало, что они перебрались сюда навсегда и нуждаются в земле для своих поселений⁴.

Армян и грузин поощряли оставаться на Кубани, чтобы они выращивали на полях и в садах урожай и развивали производство. В 1839 году Засс основал специальное поселение для армян, несколько столетий живших среди адыгов и известных как горские или черкесские армяне. Несмотря на то что с лингвистической и любой другой точки зрения эти люди, казалось, были полностью ассимилированы адыгской культурой, они продолжали хранить свою традиционную веру — армяно-григорианское христианство. Засс сумел организовать их исход с гор и устроить их в небольшом ауле неподалеку от впадения реки Уруп в Кубань. В 1848 году это поселение получило название Армавир (в честь древней армянской столицы) и в скором времени превратилось в центр бойкой торговли⁵. Между тем новая граница вдоль Лабы быстро укреплялась. К 1841 году четыре важнейшие казачьи станицы — Вознесенская, Лабинская, Чамлыкская и Урупская — составляли Лабинский казачий полк. В этом же году генерал Засс решил, что талантам Семена Атарщикова можно найти лучшее применение на новой границе, и перевел его на Лабинскую линию — чтобы тот служил переводчиком при командире Лабинского казачьего полка.

⁴ Голобуцкий В.А. Черноморское казачество. С. 218; Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. С. 55; Записки А.П. Ермолова. С. 370.

⁵ Другой Атарщиков, Георгий, сыграл важную роль в переселении одной из групп этих армян из низовьев реки Лабы: ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 491. Л. 99; Энциклопедический словарь по истории Кубани. С. 24—25, 243.

ПЕРВОЕ ДЕЗЕРТИРСТВО АТАРЩИКОВА

В октябре 1841 года майор Игельстром сообщил генералу Зассу ужасающую новость: сотник Семен Атарщиков дезертировал и бежал в горы. Должно быть, вначале генерал Засс и другие, знавшие Атарщикова как верного и очень ценного офицера, не верили своим ушам. Чем мог быть вызван столь неожиданный поступок? Или он был не таким уж неожиданным?

В докладе, представленном начальству четыре месяца спустя, по возвращении в Россию, Атарщиков объяснил свою опрометчивость трагичными семейными обстоятельствами. До перевода на Лабинскую линию он получил возможность навестить семью и организовать ее переезд на Лабу. Его семья жила в казачьей станице Бекешевской на реке Куме, в зеленых предгорьях Кавказа. Это была одна из самых больших казачьих станиц в регионе, насчитывавшая 2 тыс. жителей — русских и украинских казаков, а также русских крестьян. Когда Атарщиков прибыл домой, то обнаружил, что его жена в отчаянии причитает над мертвыми телами обоих детей. Их внезапная смерть была для него столь ужасна, что он, по собственным словам, испытывал лишь одно желание: бежать куда-нибудь — туда, где ничто не напоминало бы о постигшей его детей жестокой судьбе. Ему казалось, что лишь свободная жизнь среди друзей в горах может дать убежище от невыносимой душевной боли, и в этом помутнении он решил дезертировать. На следующий день он достиг верховий реки Гупс, где находился его друг, бесленеевский князь Айтек Каноков, укрывшийся у баракаевского клана абазинцев.

Конечно, возможно, что причиной бегства Атарщикова действительно было горе, вызванное смертью его детей. Эпидемии чумы, холеры, оспы и сифилиса, истреблявшие местное население в южных частях Российской империи, то и дело проносились по региону. Первые два десятилетия XIX века причинили особый ущерб Северному Кавказу: от чумы вымерла значительная часть кабардинцев, карачаевцев и западных адыгов. Чаще всего случались эпидемии холеры, распространявшиеся живущими в воде бактериями. В среднем при эпидемии данной инфекции умирало 20—25% заболевших — так произошло с кабардинцами в 1806—1807 и 1834 годах и с чеченцами в 1841 году, и это лишь отдельные, относительно хорошо документированные примеры⁶. Дети Атарщикова могли умереть в результате одной из таких эпидемий.

⁶ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа. С. 62—63; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Т. 3. С. 369; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 298.

Тем не менее рассказ Семена об обстоятельствах, приведших его к дезертирству, не вполне убедителен. Атарщиков изображает свое бегство как импульсивное, спонтанное действие, но, видимо, он точно знал, где искать старого друга — Айтека Канокова, лишь недавно дезертировавшего с российской службы. Должно быть, эти двое поддерживали связь между собой, и вряд ли можно сомневаться, что еще до трагического случая, произошедшего с семьей Атарщикова, Каноков призывал друга присоединиться к нему в горах.

По другим сведениям, Атарщиков бежал в горы с двумя черкесскими узденями — абазинским князем Сералипом Лоо и двумя казаками из Хоперского полка. Согласно собственной версии, Семен искал лишь одиночества и отказался принимать участие в нападениях на русскую границу. Но некоторые утверждали, что всего через несколько дней после своего дезертирства он предводительствовал отрядом из сорока всадников, совершавшим набег на русские поселения вблизи Кисловодска⁷.

Атарщиков и Каноков были не единственными, кто в тот период дезертировал с российской службы. В 1840—1841 годах русские войска потерпели серию болезненных поражений по всему Северному Кавказу: на Черноморском побережье — от адыгов, в Чечне и Дагестане — от Шамиля и его *наибов* (заместителей). Быстрое расширение имамата Шамиля на востоке — за год его территория выросла втрое — казалось непреодолимым, а успех вдохновляемого англичанами адыгского сопротивления на западе поставил вопрос: да может ли Россия контролировать Кавказ? Русские военачальники, отчаянно пытавшиеся усилить свои оборонительные укрепления, требовали дополнительных войск и отправляли руководству пугающие доклады.

В этой атмосфере несколько местных вождей разной степени значимости решили перейти на сторону противника и присоединиться к газавату Шамиля против России. Самым знаменитым из них был главный аварский аристократ и военный герой Хаджи-Мурат, которого обессмертил в своей классической одноименной повести Лев Толстой⁸. В 1841 году, закрепляя достигнутые успехи, Шамиль отправил к адыгам своего наиба Ахверды Магома, надеясь увеличить масштаб религиоз-

⁷ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. С. 470, 814.

⁸ Gatter M. Muslim Resistance to the Tsar. P. 122—129; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 281—298; Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат // Толстой Л.Н. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1964. Т. 14. С. 23—148 (http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0250.shtml, проверено 30.11.2014).

ной войны с Россией и создать единый имамат, охватывающий весь Северный Кавказ. Когда весть об успешном сопротивлении Шамиля дошла до народов Северо-Западного Кавказа, многие из тех, что прежде считались мирными, тайно ушли в горы и начали совершать набеги против России. В их числе были баракаевский клан абазинцев и бесленеевский — адыгов.

Судьба Атарщикова всегда была тесно связана с судьбой коренного населения Кавказа. В прошлом российские власти с подозрением относились к тесным профессиональным и личным связям Семена с горцами. В 1832 году, когда он находился на Северо-Восточном Кавказе, его обвинили в близких контактах с чеченцами. Е.Е. Лачинов, ссыльный декабрист и русский офицер, впоследствии вспоминал, говоря о распространенности подобных обвинений, что их не избежал даже Семен Атарщиков, в то время унтер-офицер Моздокского казачьего полка и главный специалист по чеченским делам: его прогнали сквозь строй, и только тот факт, что прежде он был награжден Георгиевским крестом, спас его от более серьезных мер взыскания⁹.

После перевода на новый пост на Кубани Атарщиков продолжал поддерживать тесные связи с прежними друзьями и знакомыми. Будучи назначен приставом карачаевского народа, он просил сделать своим заместителем старого друга-чеченца Мазая Башаева. В 1838 году Атарщиков познакомился со знаменитым бесленеевским князем Айтеком Каноковым, в то время находившимся на российской службе. Они стали близкими друзьями, и впоследствии Атарщиков признавал, что дезертирство Канокова сильно повлияло на его собственное решение бежать из России.

Каковы бы ни были точные обстоятельства, в которых он принял решение, очевидно одно: русский офицер Семен Атарщиков был в гораздо меньшей степени русским, чем это представлялось со стороны. Как и многие другие кавказцы, по разным причинам оказавшиеся на русской службе, Атарщиков находился в психологически трудной ситуации: его самоидентификация была раздвоенной, а верность России и верность Кавказу часто противоречили друг другу. Глубокое знание местных языков и культур, а также дружба со многими выдающимися горцами не позволяли ему идентифицировать себя исключительно с интересами России. В то же время вся его жизнь и долгая служба в русской армии сделали Атарщикова в достаточной степени русским,

⁹ [Лачинов Е.Е.] Отрывок из «Исповеди» Лачинова // Кавказский сборник. 1877. Вып. 2. С. 100.

чтобы он мог понимать: пропасть, пролегшую между ним и его кавказскими друзьями, преодолеть нелегко.

Вне всякого сомнения, жизнь на этой кровавой границе была мучительным испытанием для людей, принадлежавших сразу двум мирам. Спустя почти столетие Лоуренс Аравийский написал о том, какую боль может вызвать подобная двойная жизнь: «Безумие подступало ко мне совсем близко, как, я думаю, оно подступает к любому человеку, который может видеть жизнь одновременно сквозь покровы двух разных обычаев, двух разных образований, двух разных миров»¹⁰. Возможность симпатизировать двум различным мирам, поддерживать с ними связи порождала сомнения и раздвоенность, которая легко могла стать постоянным и тягостным бременем.

Что могло подтолкнуть Атарщикова к дезертирству? Накопившийся запас недовольства и обид? В конце концов, в возрасте тридцати четырех лет он все еще оставался сотником, последний раз продвинувшись по службе за три года до этого. Возможно, Атарщиков сравнивал себя со своим бывшим командиром в Черкесской гвардии, выдающимся офицером Хан-Гиреем. Они были ровесниками, но тот уже стал полковником. А другой товарищ Атарщикова по гвардии, Шора Ногма, находился на важной позиции секретаря Кабардинского временного суда и имел чин есаула. Прочие кавказцы, например известный осетин Муса Кундух, тоже, казалось, быстрее продвигались по служебной лестнице. Кундух, бывший одиннадцатью годами моложе Атарщикова и отслуживший всего лишь четыре года, в 1841-м был произведен в есаулы¹¹.

Если Семен искал славы, до той поры избегавшей его, он был не первым, кто пустился на ее поиски по ту сторону границы. Многие, находясь на русской службе, по разным причинам выбирали дезертирство: солдаты, бежавшие от жестокости своих офицеров, ссыльные поляки, решившие сражаться против России даже вдали от родины, романтично настроенные повстанцы, искавшие новых возможностей и лучшей жизни. В числе последних был недавний перебежчик казак Барышников, прославившийся и снискавший некоторое уважение со стороны бывших сослуживцев своей хитрой тактикой и разрушительными набегами¹². Может быть, Атарщиков подражал ему или кому-то еще из достигших успеха перебежчиков?

¹⁰ Цит. по: Macintyre B. *The Man Who Would Be King: The First American in Afghanistan*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2004. P. 251.

¹¹ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе. С. 234—250.

¹² Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. С. 412.

А может быть, он состязался с другим Атарщиковым, тоже служившим под началом барона Засса в Чечне и на Кубани? Георгий Атарщиков, родившийся в дворянской семье на Кубани в 1814 году, посещал частную школу до 1832 года, а затем записался в тот же самый полк, в котором служил Семен. Оба участвовали в чеченской кампании лета 1832 года, оба были переведены на Северо-Западный Кавказ, и оба примерно в одно время были произведены в сотники. Может быть, Семена задевало то, что Георгий, семью годами моложе его, служивший куда меньше, чем он, шел с ним по служебной лестнице нога в ногу? Георгий Атарщиков сделает иной выбор и в 1859 году будет награжден за верную службу чином полковника¹³.

Может быть, Семену казалось, что начальство игнорирует его и недостаточно ценит? В самом деле, его долгая служба на Кавказе, кажется, не была особо оценена властями. В 1831-м, в течение года после польской кампании, он получил два знака отличия — Георгиевский крест и польский орден «За воинскую доблесть» пятой степени. Летом 1832-го, по возвращении на Кавказ, Атарщиков вновь отличился — в чеченской кампании — и заслужил похвалу. После этого формулярный список, прежде самым подробным образом отражавший участие нашего героя в военных действиях, внезапно замолкает на целых пять лет.

В 1839 году Атарщиков был награжден орденом Святого Станислава третьей степени за участие в русской экспедиции, исследовавшей Сванетию. Другим членам экспедиции выдали денежные награды, и лишь он получил орден — низший в иерархии российских орденов. Атарщикова не поощрили наличными деньгами, и его ежегодное жалование оставалось неизменным — 316 рублей 30 копеек¹⁴. Может

¹³ ГАКК. Ф. 356. Оп. 1. Д. 217; Ф. 261. Оп. 1. Д. 491; Атарщиков Г. Заметки старого кавказца. С. 321. Есть некоторая путаница по поводу числа Атарщиковых, служивших в русской армии на Кавказе. Косвен считал, что у Семена в армии было два брата (Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. С. 255). Федор Торнау, писавший по памяти спустя несколько десятилетий, указывал, что в 1832 году под началом Засса служили два брата-близнеца, Иван и Федор Атарщиковы, и переводчик с чеченского языка, «старый моздокский казак Атарщиков» (Торнау Ф.Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии. С. 219, 255). Документы подтверждают существование только двух Атарщиковых — Семена и Георгия, не состоявших в родстве.

¹⁴ Был подан запрос на орден Святого Станислава четвертой степени, но, поскольку незадолго до награждения он был упразднен, Атарщиков получил несколько более престижный орден третьей степени. См.: РГВИА. Ф. 395. Оп. 145. Д. 205. Л. 4 об., 15, 25, 26; Кузнецов А.А. Ордена и медали России. С. 88—89.

быть, он тихо досадовал на Поздышева, который как лидер экспедиции получил 150 серебряных рублей, хотя весь проект стал возможным лишь благодаря Атарщикову и двум его помощникам?

Есть указания и на то, что верность Семена могла пошатнуться из-за чрезвычайной жестокости, проявленной русскими солдатами и их командирами. В 1825—1826 годах он принял участие в нескольких жесточайших схватках, имевших место в Чечне: в кровавой битве у аула Герзель, в разрушении Чахкери, в резне у Курчали, в штурме аула Большие Атаги, в сожжении аула Белокай и полном уничтожении Урус-Мартана. Атарщиков явно проявил себя хорошо, поскольку в 1827 году был произведен в унтер-офицеры. Но в следующие три года, вплоть до отъезда в 1830-м в Петербург, он не упоминается ни в одном из документов, связанных с боями на Кавказе.

По возвращении летом 1832 года из Польши Атарщиков снова оказался в средоточии русских военных кампаний, направленных против чеченцев, которые под руководством Гази-Мухаммеда предприняли очередное восстание. В это время российское военное руководство опасалось, что антирусские настроения на Кавказе могут поставить под угрозу жизненно важную связь с Закавказьем — Военно-Грузинскую дорогу. Чтобы предотвратить развертывание конфликта на Кавказе, русские решили подавить восстание Гази-Мухаммеда и его последователей. Подавление вылилось в еще одну кампанию, полную насилия и зверств. Аулы сжигались дотла, женщин насиловали, детей и стариков закалывали, выживших увозили в Россию и продавали. Атарщиков, прикрепленный к Моздокскому казачьему полку под началом Засса, был свидетелем этих ужасных сцен разрушения, творимых его полком и остальной русской армией. Всего за шесть дней в конце июля 1832 года русские войска опустошили восемь аулов. За четыре августовских дня жители аулов Ченар, Энгель и Герменчук были перебиты, а их дома сожжены. Аул Герменчук был особенно большим и богатым поселением, насчитывавшим более 600 домов¹⁵.

И опять в течение трех лет перед тем, как его назначили приставом карачаевского народа, в формулярном списке Атарщикова — пробел. Было ли совпадением то, что за короткими вспышками активной

¹⁵ РГВИА. Ф. 395. Оп. 145. Д. 205. Л. 5—7; АКАК. Т. 8. С. 631, 633 (№ 582—583); Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 217—219. Более подробное описание битвы при Герменчуге см. в главе 6. Русский поэт Михаил Лермонтов, служивший на Кавказе в это время, оставил яркое описание русских зверств: Лермонтов М.Ю. Измаил-Бей // Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л.: Советский писатель, 1989. Т. 2. С. 249—250.

военной службы следовали куда более долгие периоды затишья? Может быть, жестокость русских кампаний против мирного населения настолько отталкивала Атарщикова, что российские власти заподозрили его в сочувствии противникам России? Это объяснило бы, почему после 1832 года он больше не участвовал в сражениях на территории Чечни и в конечном счете оказался переведен из региона, с которым был наиболее тесно лингвистически и этнически связан.

В конце 1835 года Атарщиков в последний раз появился в Чечне. Сравнительное спокойствие лета этого года было прервано возобновлением войны на равнинах Чечни и Дагестана, где Хаджи-Ташав (Ташев-Хаджи, Хаджи Ташав ал-Индири), кумык из Эндери, организовал большой отряд повстанцев. Честолюбивый и пользующийся уважением лидер, он воплощал собой прямую угрозу Шамилю. Первоначально успешные военные операции Хаджи-Ташава тоже укрепляли его претензии на место имама — лидера исламского государства на Кавказе. Со временем Шамиль и Хаджи-Ташав помирились, и последний стал одним из самых влиятельных набоов имама. Но в 1835 году опасность, которую Хаджи-Ташав представлял для российской власти над регионом, стала причиной карательной экспедиции во главе с полковником А.П. Пулло, знаменитым своей жестокостью командиром Сунженской укрепленной линии. Пулло, вскоре после этого произведенный в генерал-майоры, был для Северо-Восточного Кавказа тем же, чем генерал Засс для Северо-Западного. Русские офицеры, рассказывая о Пулло, отмечали, что чеченцы глубоко ненавидят его за «крайнюю жестокость, использование любых средств и частые злоупотребления». Кроме того, он славился бесстыдной алчностью, которая, с точки зрения современников, стала причиной большого чеченского восстания в 1840 году. Лишь тогда генерала Пулло отстранили от руководства Сунженской линией¹⁶.

Летом 1835 года Атарщиков оказался в экспедиционном корпусе, отправленном из крепости Грозной под руководством полковника Пулло. Поскольку это был поход против восставших кумыков и чеченцев, Атарщиков, видимо, был незаменим. О его деятельности нет никаких точных сведений, но как переводчик он был, конечно же, глубоко вовлечен в усилия России по ослаблению влияния Хаджи-Ташава среди

¹⁶ Например, в 1839 году, заявив, что желает обезоружить чеченцев, Пулло потребовал по хорошему мушкету с каждых десяти чеченских домов. Затем он заменил полученное оружие на старое и бесполезное, хорошие мушкеты продал, а прибыль прикарманил. См.: Мемуары генерала Муса-паши Кундухова. С. 102; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 278—280.

местного населения. В конце декабря Атарщикова упомянули в качестве одного из участников карательной экспедиции против Хаджи-Ташава и его соратников¹⁷.

Жестокие карательные экспедиции генерала Ермолова и его последователей, ставшие фирменным знаком военных действий русской армии в Чечне и Дагестане, были типичны и для Северо-Западного Кавказа. Атарщиков, нередко принимавший участие в рейдах генерала Засса против местных аулов, по-прежнему оказывался свидетелем русских зверств. Когда в начале 1841 года Засс стал работать над своим проектом создания Лабинской укрепленной линии, жители аулов, располагавшихся по реке Лабе, были выселены, чтобы освободить место для казачьих крепостей. Не что иное, как эти действия, подтолкнуло близкого друга Атарщикова, Айтека Канокова, к отказу поддерживать Россию и бегству в горы.

Именно тогда, в октябре 1841 года, когда сотника Атарщикова должны были перевести на Лабинскую линию, он решил навсегда изменить свою жизнь. Внезапная смерть двоих его детей и недавнее бегство друга, Канокова, стали последней каплей, заставившей Семена перейти на сторону противника. Что касается остальных факторов, то уцелевшие данные не позволяют нам понять, какой из них сыграл наиболее важную роль — накопившееся недовольство политикой России, чувство вины из-за участия в русских зверствах, недостаточный карьерный рост или поиск себя. Как бы то ни было, Семен Атарщиков решил бежать в горы, отказаться от своей идентичности русского офицера и изобрести себя вновь — сделаться сыном Кавказа. Однако, как ему предстояло вскоре узнать, такая перемена отнюдь не была простой.

СРЕДИ ГОРЦЕВ. 1841 ГОД

17 октября 1841 года, вместо того чтобы приступить к своим новым обязанностям переводчика при командире Лабинской укрепленной линии, Атарщиков дезертировал и присоединился к Айтеку Канокову. В собственном докладе Атарщиков рассказал, как в течение одного дня добрался до Канокова, находившегося на реке Гупс, т.е. проделал путь

¹⁷ РГВИА. Ф. 395. Оп. 145. Д. 205. Л. 7; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа. С. 137—138 (№ 88); Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 256, 260, 278—279; Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar. P. 77—79.

длиной почти в 100 километров, переправившись через несколько рек. Каноков нашел убежище у баракаевцев, которые жили в трех аулах, в сумме насчитывавших 1200 жителей. Он не случайно решил здесь поселиться: баракаевцы традиционно платили дань своим северо-восточным соседям — бесленеевцам, а именно княжеским семьям Каноковых и Шолоховых¹⁸.

Каноков и его люди встретили Атарщикова с расprostертыми объятиями. В конце концов, Семен был не просто другом, но и русским офицером, досконально знавшим местную топографию и всю русскую военную тактику, административные структуры и уязвимые точки, — одним словом, располагал информацией, беспримерно ценной для отрядов, совершавших набеги. На первое время Атарщиков поселился у Канокова в доме для гостей и на правах уважаемого гостя (*кунака*) пользовался защитой и покровительством со стороны князя. Резиденция Канокова — группа домов, построенных специально для него и его свиты, — располагалась на окраине аула. Дом, в котором остановился Атарщиков, представлял собой самое простое жилище. Стены были утыканы деревянными гвоздями, предназначенными для того, чтобы развешивать на них оружие и конскую упряжь. Имелись циновка, несколько шерстяных подушек, козлиная шкура в качестве коврика для ежедневных молитв и медный кувшин для омовений. Было и несколько ценных предметов, выдававших богатство хозяина: на стенах висели красивый ковер, серебряная утварь и музыкальные инструменты.

Подобно другим горцам, баракаевцы жили аскетично. Тридцать пять домов аула Канокова были разбросаны далеко друг от друга вдоль крутого склона над Гупсом. Аулы обычно состояли из групп построек, принадлежавших одной большой семье или клану, и нередко территория клана тоже обносилась стеной. Дома были бедными, из соломы и глины, с камышовыми крышами. Сзади каждый из них едва ли не примыкал к густому лесу. Природа обеспечивала могучую защиту, и аул казался практически неприступным.

Главным занятием жителей было скотоводство (выращивание коров и лошадей), а также бортничество, и, подобно многим из своих соседей, баракаевцы зависели от торговли: только она могла обеспечить их двумя важнейшими товарами — зерновыми и солью. Россия постоянно стремилась контролировать торговлю с местным населением,

¹⁸ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. С. 256; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа. С. 74.

создавая меновые рынки рядом с крепостями и станицами Наурской, Прочный Окоп, Усть-Лабинск и др. Обычно рынки находились вне крепостных стен и строго регламентировались. Местные жители имели право обменивать свои продукты животноводства, воск, мед и изготовленную ими одежду на соль, зерно и произведенные в России предметы быта. Растущий контроль империи над регионом означал введение государственной монополии на соль — самый необходимый товар, который прежде был для местных жителей недорогим (его получали из соленых озер нынешнего Ставропольского края), а теперь оказался обложен высоким налогом.

Россия подвергала строгому контролю не только обмениваемые на рынках товары, но и доступ местного населения к рынкам. В начале 1800-х годов она ввела карантинные станции, на которых местных жителей заставляли ждать — порой по сорок дней, — прежде чем они и их товары признавались безопасными и могли продолжать свой путь в российские города. Предлогом для создания таких станций послужила необходимость предотвращать распространение заразных болезней, но власти использовали данные учреждения, чтобы собирать таможенные пошлины и задерживать торговцев и их товары. Вкупе с крепостями и другими фортификационными сооружениями карантинные станции составили русский санитарный кордон на Кавказе¹⁹.

Но каким бы эффективным для регламентации коммерческой, экономической и политической деятельности этот санитарный кордон ни был, он не мог остановить нападения на русскую границу. Как всегда, набеги служили сразу нескольким социальным, политическим и экономическим целям. По мере того как увеличивалось давление, вызванное вводимыми Россией ограничениями, увеличивался и масштаб набегов, целью которых было исправление тяжелого экономического положения горцев. Русская блокада Черноморского побережья все более успешно отрезала их от традиционных турецких товаров (тканей, табака и пороха), приходивших с юга, а на севере располагался русский санитарный кордон, непрерывно продвигавшийся вперед, к последним убежищам в горах. Не стоит удивляться, что в 1830—1840-е годы число нападений на границу значительно выросло.

Их успешность обычно зависела от нескольких факторов: хорошей разведки, налаженных коммуникаций между аулами, быстрого сбора

¹⁹ Абазины: Историко-этнографический очерк. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, 1989. С. 89—90, 105—107; История народов Северного Кавказа. С. 79—82.

участников набега и прежде всего престижа и репутации лидера. Айтек Каноков был одним из таких лидеров — его уважали горцы и боялись русские. Когда посланцы Айтека являлись в соседние аулы, сообщая о месте сбора для начала нового набега, в волонтерах недостатка не находилось. Как правило, набег являлся совместным мероприятием, и всадники Айтека могли быть из баракаевских, бесленеевских, кабардинских и абадзехских аулов. Воинственные абадзехи — коренное адыгское население региона — составляли основу всех набеговых отрядов.

Излагая собственную версию событий, Атарщиков заявил, что его неоднократно убеждали принять участие в нападениях на границу, но каждый раз он отказывался, опираясь на свой статус кунака Айтека Канокова. Постепенно осознав, что совершил страшную ошибку, Семен решает бежать назад в Россию. Вначале он пытается убедить Канокова вернуться и просить прощения у царя. Айтек недоволен и начинает подозревать, что Атарщиков — провокатор и русский шпион. Их дружбе приходит конец.

Надеясь вернуть расположение русских властей, Атарщиков пытается организовать побег русских дезертиров, живущих обездоленными бродягами в горах. Подозрения Канокова относительно намерений Семена возрастают, когда он вновь отказывается принять участие в большом набеге, нацеленном на черноморских казаков Нижней Кубани. 30 января 1842 года, поняв, что ждать дольше становится опасно, Атарщиков и беглый казак Василий Фенев седлают коней и мчатся прочь, незадолго до рассвета достигая крепости Махошевской.

Противоречий в докладе Атарщикова столько, что полностью принять его версию событий сложно. Очевидно, что у него были серьезные разногласия с Каноковым. Возможно, вначале Атарщиков надеялся занять важное место среди горцев и эта надежда испарилась, когда он понял, что ему суждено вечно оставаться в тени Айтека. Но стоило ли неуголенное честолюбие того, чтобы рискнуть и вернуться к прежней жизни, отдавшись на волю российских властей? По-видимому, в конце января 1842 года, когда Семен покинул горы и сдался на милость своего начальства, он полагал, что стоило.

Получить прощение у непосредственного военного начальства оказалось куда проще, чем убедить имперские власти в Петербурге, что Атарщиков этого заслуживает. Бегство и возвращение увенчанного наградами русского офицера и бывшего бойца Черкесской гвардии были столь неординарным событием, что привлекли внимание в самых высоких кругах. Месяц за месяцем вверх и вниз по цепи инстанций

шли доклады и рекомендации, пока дело Атарщикова не достигло стола Николая I.

Вспомнил ли император бойца Черкесской гвардии, который ровно десятью годами раньше въезжал со своими товарищами в столицу после польской кампании? В конце концов, будучи переводчиком, Атарщиков, наверное, должен был находиться рядом каждый раз, когда царь хотел поговорить с кем-либо из гвардии. Или Семена спасло от трибунала пылкое и страстное личное вмешательство генерала Засса? В своем до крайности убедительном прошении о помиловании раскаявшегося дезертира генерал писал, что в течение десяти лет службы под его, Засса, началом тот всегда прекрасно и с большой отдачей выполнял все свои обязанности. Чтобы рассеять какие-либо сомнения, Засс лично ручался за верность Атарщикова в будущем²⁰.

Но этот русский царь нелегко поддавался на обещания верности, даже если они исходили от самого надежного из его генералов. Всегда осмотрительный и недоверчивый, Николай I нашел компромиссное решение: Атарщиков получал помилование, однако переводился в Донской казачий полк, расквартированный в Финляндии. Царская милость сильно напоминала внутреннюю ссылку²¹.

²⁰ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. С. 257.

²¹ Если Кавказ служил местом военного изгнания для тех подданных империи, которые считались неблагонадежными, то Финляндия, казалось, была тем местом, куда Николай I любил посылать проблемных людей с Кавказа. Например, десятилетием раньше такая же участь постигла другого казачьего офицера и историка Кавказа — В.Д. Сухорукова, обвиненного в подстрекательстве к бунту. См.: Декабристы-кавказоведы // Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. С. 178—181. См. также анонимный рассказ, опубликованный в 1829 году: *Layton*. Russian Literature and Empire. P. 106.

Глава 10

ОТ СЕМЕНА АТАРЩИКОВА К ХАДЖРЕТУ МАГОМЕТУ

СРЕДИ ГОРЦЕВ. 1842—1843 ГОДЫ

В ноябре 1842 года Семену Атарщикову поступил окончательный приказ отправляться в Финляндию. Он получил проездные деньги — большую сумму, предназначенную для долгого путешествия, — а затем, к всеобщему удивлению, дезертировал снова. На этот раз он должен был в полной мере осознавать все последствия своего решения: на второе прощение Петербурга можно было не рассчитывать, и пути обратно уже не существовало. Жребий был брошен — Семен предпочел покончить с жизнью офицера и христианского подданного русского царя, чтобы построить свою новую жизнь среди горцев.

Решение Атарщикова было принято в контексте бурных потрясений на Кавказе. Кавказская война разгорелась вовсю, и ее исход отнюдь не был очевиден. Русские войска несли огромные потери в результате непрерывных рейдов и внезапных нападений Шамиля и его нового союзника Хаджи-Мурата, чье дезертирство, произошедшее в 1841 году, нанесло тяжелый удар по интересам России в Северном Дагестане. К декабрю того же года русский командующий на Северо-Восточном Кавказе генерал Ключенау уже практически и не пытался контролировать регион, сняв с себя всякую ответственность за будущие неудачи¹.

Адыги одержали ряд побед над русскими войсками и гарнизонами почти одновременно с Шамилем; это убедило последнего, что пришло время расширить имамат. В марте 1841 года русские шпионы в Чечне сообщили, что Шамиль отправил верного ему чеченца Мухаммеда Киреева к адыгам. Киреев с десятью спутниками должен был ехать через земли карачаевцев, где Семен Атарщиков как раз заканчивал свою деятельность пристава².

¹ Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar. P. 119—129.

² Движение горцев Северо-Восточного Кавказа. С. 303 (№ 159).

Российское правительство еще больше встревожилось на следующий год — когда стало известно, что Шамиль послал своих наибов распространить призыв к газавату среди кабардинцев и западных адыгов. Если бы имам достиг успеха у кабардинцев, это поставило бы под удар единственную сухопутную связь между Россией и Грузией — Военно-Грузинскую дорогу. К счастью для русских, посольство Шамиля потерпело неудачу, вызванную, как рассказывают, тем, что кабардинцы выступили против введения исламского налога. Западные адыги отреагировали иначе: русские военачальники сообщали о заметном росте среди них религиозности и враждебности. Самыми агрессивными и многочисленными из адыгов были абадзехи³.

Именно среди абадзехов решил поселиться Семен Атарщиков, дезертировав во второй и последний раз в ноябре 1842 года. Абадзехи, обитавшие к западу от баракаевцев, у которых нашел пристанище Айтек Канокон, были могущественным народом, жившим в безопасности под сенью гор и густых лесов в верховьях Лабы, Белой, Курджипса и нескольких небольших рек. В 1835 году они, по некоторым сообщениям, насчитывали 160 тыс. человек. Атарщиков поселился в ауле на реке Курджипс, где присоединился к группе кабардинских и ногайских беглецов.

Здесь, в высокогорье, абадзехи приняли у себя тысячи кабардинцев, бесленеевцев, ногайцев и других из числа тех, кто бежал с заселенных и колонизированных русскими земель. Местные жители называли таких беглецов хаджретами, т.е. воинами, чье назначение — нападать на русскую границу⁴. Наш герой сделал это слово частью своего нового имени: бывший русский офицер Семен Атарщиков стал горцем Хаджретом Магометом.

Тот факт, что он взял себе мусульманское имя, вне всякого сомнения, свидетельствовал о его обращении в ислам. Процесс обращения был очень простым: чтобы стать мусульманином, следовало лишь произнести соответствующие строки из Корана. Но пока наш беглец жил кунаком в абадзехском ауле, даже обращение в ислам не могло немедленно изменить его статус пришедшего человека. Атарщиков (а мы будем по-прежнему использовать его старое имя), по-видимому, понял, что мало перейти в ислам — нужно нечто большее, чтобы местные жители приняли его за своего.

³ Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. С. 138; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 306—307; Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar. P. 163, 249.

⁴ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа. С. 58—61.

Возможно, он осознал это раньше, после недолгого времени, проведенного у старого друга Айтека Канокова. А может быть — когда наблюдал за столкновениями между Хаджи-Мухаммедом, чеченским наибом Шамиля, и вождями абадзехов. Хаджи-Мухаммед приехал в мае 1842-го, но спустя два года был изгнан за попытки навязать абадзехам шариат⁵.

Атарщиков понял: чтобы завершить свое превращение, он должен создать новые семейные узы, как бы пустить корни. С этой целью он решил жениться на дочери влиятельного бесленеевского узденя Мисоста Енарукова (Унарукова), еще одного хаджрета, который поселился среди абадзехов незадолго до него⁶.

Отец и жених быстро достигли согласия, тем не менее оставалась одна проблема: жених должен был заплатить калым, или выкуп за невесту. И хотя в таких случаях часто достигалось соглашение о поэтапной выплате, калым за молодую дочь знатного человека должен был составить немалую сумму. Традиционно его выплачивали ценным оружием — мечами, мушкетами — и доспехами, но к XIX веку в качестве калыма обычно отдавали скот, лошадей и все чаще наличные деньги. Вдобавок к калыму жених должен был сделать подарки отцу или брату невесты и кади, скреплявшему брак, — дарили, как правило, лошадей или быков. У недавнего беглеца Семена Атарщикова почти не было имущества, а брак без калыма опозорил бы не только отца невесты, но и — в еще большей степени — самого жениха⁷.

Как всегда, лучшим и самым быстрым способом накопления имущества служил набег. Это был и лучший способ проявить себя перед новыми соотечественниками. Когда весной начал таять первый снег, Атарщиков стал готовиться к нападению на русскую границу. Если

⁵ На короткий период Хаджи-Мухаммед поселился среди баракаевцев, там снова стал бороться за власть с Айтеком Каноковым и был вынужден бежать. См.: Соколов Д. Хаджи-Магомет (сподвижник Шамиля): Историческая справка // Кубанский сборник. 1904. Вып. 11. С. 53—64; перепечатано в: Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40—60-е гг. XIX века: Сборник документов и материалов. Махачкала, 1998. С. 38—48.

⁶ Изначально ногойский, род Енаруковых к этому времени был уже вполне ассимилирован кабардинской знатью и имел собственную *тамгу* (семейную печать). См.: Басханов А.К., Басханов М.К., Егоров Н.Д. Линейцы: Очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Никосия, 1996. С. 88—89; Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. С. 129.

⁷ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. С. 185—198; Калмыков И.Х. Черкесы: Историко-этнографический очерк. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1974. С. 214—218.

учесть, что он хорошо знал русские пограничные укрепления, мы без труда можем представить, как легко ему было убедить других присоединиться к нему.

В то время как Атарщиков готовился повести абадзехов в набег на границу, другой знатный абадзех, Умар Берсей, сражался на стороне русских против своих бывших соотечественников. Эти двое никогда не встречались, но в некотором роде Берсей являлся двойником Атарщикова. В феврале 1843 года он был назначен на пост, который в свое время занимал Атарщиков: переводчика в штабе командующего войсками на Северо-Западном Кавказе.

Жизнь Берсея — еще одна из типичных пограничных историй, герои которых смело меняют подданство, образ жизни, религию и идентичность. О его ранних годах мало что известно, кроме того, что ребенком он был продан в рабство, вырос в Египте, а потом жил в Париже, прежде чем в 1842 году приехал в Россию и принял российское подданство. Берсей, свободно владевший арабским, турецким, французским и русским языками, безупречно служил своему новому государю как при штабе, так и в многочисленных схватках с горцами⁸.

В конечном счете его жизненный путь оказался совершенно иным, чем у Атарщикова. В 1850 году Берсей был назначен учителем адыгского языка в Ставропольскую гимназию, вырастившую новое поколение русифицированной кавказской элиты. Он стал одним из первых адыгских лингвистов и писателей. В начале 1850-х годов Берсей разработал адыгскую грамматику и азбуку, основанную на арабской графике, но десятилетием позже под давлением русского лингвиста барона П.К. Услара составил адыгско-русский словарь и использовал кириллический алфавит для создания адыгейской и кабардинской азбук⁹.

⁸ Сокуров В.Н. Институт выезда на службу у черкесов. С. 113—114; Адыгская (Черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 906.

⁹ Хаишхожева Р.Х. Адыгские просветители XIX — начала XX века. Нальчик: Эльбрус, 1993. Услар, считавший, что лингвистика должна служить интересам империи, сыграл решающую роль в создании кириллических азбук для языков коренных народов Кавказа. Например, в 1862 году при помощи одного из чеченцев Услар создал чеченский алфавит, а затем разработал другие азбуки для дагестанских языков: Jersild A. Orientalism and Empire. P. 80—84.

РУССКИЕ ДЕЗЕРТИРЫ

1843 год стал самым неудачным за всю историю российского завоевания Кавказа. Русские понесли тяжелые потери на северо-востоке, а местное население все более массово вступало под знамена Шамиля. В знак преобладающего в народе настроения несколько дагестанских мулл написали российскому руководству, потребовав вывода войск и обвинив власти во лжи, разрушении аулов, сожжении имущества и захвате знатных людей. Муллы выбрали интересный способ выразить свою решимость сопротивляться России: они заявили, что поклялись на Коране, Библии, Евангелии и катехизисе сражаться с русскими во имя Бога¹⁰.

Весной 1843 года и на Северо-Западном Кавказе позиции царских войск постепенно оказались в осаде. К концу марта русские шпионы предупреждали, что в лесах, в верховьях реки Белой, собралось 10 тыс. горцев (цифра была, безусловно, завышенной), чтобы атаковать Лабинскую укрепленную линию. В последующие месяцы многочисленные отряды кавказцев наносили удары по русским укреплениям¹¹.

23 марта 1843 года Атарщиков с отрядом горцев приблизился к русскому сторожевому посту Житомирскому. Когда навстречу им выехали казаки, горцы быстро исчезли, оставив письмо, написанное Атарщиковым и адресованное казакам. Это был призыв дезертировать и уйти к нему в горы.

Письмо быстро попало на стол к высшему военному командованию, вызвав серьезное беспокойство. В секретном докладе военному министру Чернышеву командир Отдельного Кавказского корпуса генерал А.И. Нейдгардт описал обстоятельства, связанные с письмом, и заверил министра, что принял подходящие меры, дабы воспрепятствовать письмам такого рода попадать в руки низших чинов армии. К докладу прилагалась копия письма:

Я, сотник Атарщиков, ныне признан Абадзехами за первостепенного их Узденя и следую моему совету. Приглашаю, братцы служивые, кому угодно, ко мне идите. Я для всех выстарал право вольности; за Лабу как перейдет и назовется моим гостем, никто не смеет удержать. Меня вот как искать: скажи — я гость Хаджерет Магомета Русского

¹⁰ Юров А. 1843 год на Кавказе // Кавказский сборник. 1882. Вып. 6. С. 1—220; Приложение. С. 21—30.

¹¹ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. С. 471—472.

офицера, и сам как Хаджерет, дескать, иду к нему на Куржупс речку, никто не смеет задержать, ибо кто задержит моего гостя, подвергнется штрафу 15 коров. Приглашаю плотников, кузнецов, солдат с ружьями и порохом, барабанщиков, кто с барабаном, музыкантов, господин будет признан как и я, кто деньги принесет это его собственность, никто не смеет отнять. Кто хочет, может ехать в Турцию, а оттолк куда угодно за границу, словом всех приму: Поляк ли, Немец ли, Русской ли, со своими, казенными, барскими деньгами не опасайся, деньги спрячь прежде перейдя Лабу. Это потому я говорю, чтобы на дороге кто воровски не ограбил. Жены здесь хорошенькие. Прошу передавать это известие друг другу, прощайте! Хаджерет Магомет. Ожидаю вас.

Не мешает на новоселье как что принести. Это я на походе пишу, извините¹².

Призыв Атарщикова к бывшим товарищам весьма откровенен. Это простое, без претензий письмо, предназначенное для низших чинов армии, которые могли бы передать его содержание неграмотным солдатам и казакам. В качестве образца Атарщиков указывал на собственную успешную карьеру среди абадзехов. Он хорошо понимал два главных стремления потенциального дезертира: поиск личной свободы и материального благоденствия — и обещал и то и другое. Он предлагал дезертирам покровительство не русского офицера, но знатного местного человека. Все, что им нужно было сделать, — пересечь границу на реке Лабе, после чего они переставали быть русскими солдатами и становились его кунаками, неприкосновенными гостями и находящимися под покровительством друзьями. Сосланным иностранцам, например полякам, отправленным на Кавказ после восстания 1830 года, он предлагал возможность начать новую жизнь за пределами России. Других привлекал перспективой счастливого брака и нового домашнего хозяйства. Одним словом, любому дезертиру были рады.

Проблема дезертирства, всегда серьезная для русской армии, к началу 1840-х годов стала особенно жгучей. Военные успехи горцев и падение духа царских войск привели к постоянному нарастанию

¹² РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 93. Л. 1—2. Возможно, именно под влиянием этого письма А.И. Нейдгардт, главнокомандующий на Кавказе с 1842 по 1845 год, решил отправить 250 писем горцам с собственным призывом. Идея обернулась полным провалом — из-за невысокого уровня грамотности среди кавказцев. См.: *Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне. С. 167—168.*

числа русских военнопленных и дезертиров. Каждодневная тяжесть жизни в русской армии — двадцать пять лет обязательной службы, рутинные злоупотребления, жестокая муштра, тяжелый труд, лишения и телесные наказания — заставляла сотни казаков и солдат бежать за границу. Неудивительно, что российские власти постоянно пытались договориться о возвращении русских пленных, то категорически требуя их возврата, то предлагая выкуп¹³.

Дезертиры происходили из самых разных социальных, этнических и религиозных групп общества. Больше всего среди них было поляков: польская доля рекрутов и тысячи политических ссыльных посылались служить на Кавказ. Другими дезертирами были казанские татары, украинцы, казаки-староверы и такие, как Атарщиков, русские в первом поколении с кавказскими корнями. В конце 1850-х, по оценке полковника Теофила Лапинского, предводительствовавшего отрядом польских волонтеров, которые помогали адыгам в их войне с Россией, на Северо-Западном Кавказе находилось не менее 4 тыс. русских дезертиров¹⁴.

В этом явлении не было ничего нового. В 1820—1830-е годы многочисленные случаи дезертирства на Северо-Восточном Кавказе привели к формированию специального русского батальона в составе персидской армии. В 1837 году Николай I потребовал, чтобы персы распустили батальон, в составе которого было 800 бойцов, и вернули беглецов на родину. В декабре следующего года 597 мужчин, 206 женщин и 281 ребенок были отправлены назад в Россию. Их персидские титулы в сочетании с русскими именами звучали красноречиво: например, наиб Наумов, султан Степанов, бек-заде Лисецкий и векил-баши Иконников¹⁵.

¹³ В это время выкуп за солдата или казака составлял 10 серебряных рублей: *Bell J.S. Journal of a Residence in Circassia. Vol. 2. P. 429—430, 435—438 (приложение).*

¹⁴ Теофил Лапинский, также известный под своим турецким именем — Теффик-бей, оставил ценный, хотя и тенденциозный рассказ о собственной жизни среди народов Северо-Западного Кавказа. Он был опубликован в Гамбурге в 1863 году: *Лапинский Т. [Теффик-бей]. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских / Пер. В.К. Гарданова. Репринтное издание 1862 г. Нальчик: Эль-Фа, 1995. Польские изгнанники, находившиеся в Европе, играли важную политическую и дипломатическую роль в событиях на Северном Кавказе. См.: *Widerszal L. Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej w latach 1831—1864. Warszawa: Nakładem Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1934.**

¹⁵ *Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война. С. 143—147; Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне. С. 246—251.*

Но многих удерживала от дезертирства судьба, выпадавшая их товарищам по ту сторону границы. Примером может послужить история с массовым дезертирством польских ссыльных во время кубанской кампании 1834 года. Когда стало известно, что шапсуги, к которым бежали эти поляки, не позволили им обрести свободу, а стали дурно обращаться с ними и сделали их своими слугами, число подобных случаев бегства из царской армии резко сократилось.

Вопрос о русских дезертирах вызывал интерес обеих сторон. В 1841 году Шамиль заявил, что их нужно освободить, дать им землю и позволить обосноваться на Кавказе. Командующий левым флангом Кавказской линии генерал-майор М.Я. Ольшевский в докладе начальству выразил серьезные опасения, что весть о свободе среди горцев увеличит частоту случаев дезертирства. В качестве меры борьбы с этим явлением он предложил расстреливать любого дезертира, который попадет в плен¹⁶.

С точки зрения русской стороны, дезертирство являлось более чем нарушением дисциплины, более чем унижением для армии. Дезертиры были прекрасно знакомы с русскими пограничными укреплениями и к тому же угрожали уравнивать силы сторон, научив горцев пользоваться артиллерией, которая предоставляла России самое главное военное преимущество в Кавказской войне. И действительно, некоторые из наиболее впечатляющих побед Шамиля в начале 1840-х годов вряд ли были бы возможны без помощи захваченных русских пушек и солдат. Бывшие русские военнопленные сообщали, что только в Дарго, главной резиденции Шамиля, они видели не менее 500 русских дезертиров, многие из которых обратились в ислам. Некоторые из этих перебежчиков входили в личную охрану Шамиля, другие обслуживали его артиллерию. По рассказам, собственный дом Шамиля был превращен в мини-фабрику, на которой русские производили пушечные ядра и шрапнель¹⁷.

Российские власти пытались справиться с дезертирством разными способами. Солдаты, считавшиеся ненадежными, помещались под особое наблюдение. Российские руководители на местах получили инструкции требовать возвращения дезертиров, прятавшихся в предположительно мирных аулах. Кроме того, руководители получили разрешение предлагать соль (но не наличные деньги) в обмен на выдачу

¹⁶ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа. С. 329—330 (№ 176).

¹⁷ Там же. С. 364—368 (№ 203); Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 243—246.

дезертиров. Самый исчерпывающий метод решения вопроса был предложен генералом Воронцовым, главнокомандующим на Кавказе. В марте 1845 года, через два месяца после своего назначения, Воронцов объявил общую амнистию всем русским военным дезертирам, кроме обвиненных в совершении убийства или оставлении поста часового¹⁸.

НАБЕГ НА РОДНУЮ ДЕРЕВНЮ

Если принять во внимание ситуацию, сложившуюся на Кавказе, и растущее число случаев дезертирства, не приходится удивляться, что дело Атарщикова вызвало серьезные опасения в высших эшелонах российского военного командования. Он был русским офицером, прекрасно знавшим местную топографию, языки, военную тактику России, артиллерию, слабые места в обороне, и к тому же располагал широкой сетью контактов среди важнейших вождей горцев. Его второй побег и обращение в ислам означали, что обратного пути нет, а обращение к солдатам — что у России появился энергичный и опасный враг.

В скором времени сбылись худшие опасения российских властей. В конце апреля 1843 года большой контингент горцев подошел к Лабинской укреплённой линии. Российское командование, опиравшееся на широкую сеть осведомителей, разведчиков-ногайцев и тайных казачьих патрулей, в целом имело хорошее представление о надвигающейся кампании. Но поскольку в своей традиционной тактике горцы отдавали предпочтение внезапности и скорости, предсказать их действия было практически невозможно.

В силу того что граница была длинной, количество российских солдат на Кавказе — незначительным, а набеги — молниеносными, в распоряжении военачальников было не так уж много вариантов стратегии. Традиционные военные контрмеры включали в себя направление имеющихся войск на другую сторону границы, отправку пополнений к возможным целям набега, наблюдение за движением вражеских сил и быстрое перенаправление резервов в проблемные точки. Как только удавалось засечь местопребывание вражеского отряда, ему навстречу направлялся отряд особой кавалерии с мобильной легкой артиллерией, чтобы сойтись с врагом в битве. Но в большинстве случаев горцы, осознавая собственное бессилие перед лицом русской

¹⁸ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа. С. 356—357 (№ 197), 486 (№ 261).

артиллерии, предпочитали избегать открытого сражения, растворяясь в окружающей местности. Одним словом, русские на своей границе имели дело с классической партизанской войной.

26 апреля армия горцев разделилась на несколько частей, пересекла Лабинскую линию и двинулась сразу в нескольких направлениях. Отдельные отряды предприняли атаку против нескольких русских крепостей, но были отбиты. 2 мая разведчики сообщили, что большой отряд горцев покинул лагерь на реке Большой Зеленчук, пересек Кубань и быстро идет к казачьей станице Бекешевской. Внезапно стратегия горцев стала очевидной: в то время как другие отряды отвлекали внимание русских войск, главные, трехтысячные силы должны были двинуться на Бекешевскую — в дерзкий рейд по русским тылам.

Нет ни малейшего сомнения, что именно Атарщиков убедил горцев напасть на Бекешевскую — большую и процветающую казачью станицу с полудюжиной купеческих складов и населением в более чем 2 тыс. казаков и государственных крестьян. Для Атарщикова эта станица была не только источником хорошей добычи. Это было место личной памяти. Здесь несколько лет жила его семья, пока не умерли дети, здесь было кладбище, на котором они покоились. Бекешевская являлась символом мучительной жизни Атарщикова — его прошлого, от которого нужно было избавиться, и настоящего, которое нуждалось в подтверждении.

Подобно другим казачьим станицам на русской границе, Бекешевская была защищена рвом, частоколом с дозорными башнями и пушкой. Чтобы набег увенчался успехом, требовалось быстро подавить оборону станицы. Времени для долгой осады не было: русские подкрепления могли вот-вот подойти. Защитники Бекешевской сумели отразить первый приступ ружейным огнем и шрапнелью. После нескольких часов битвы горцы окружили станицу и попытались прорваться через Кумыкские и Суворовские ворота, выходившие на северо-восток. Положение стало тяжелым, и защитники уже не могли надеяться без помощи извне отбить наступление численно превосходящих горцев. Четыреста казаков из Баталпашинска бросились к станице Бекешевской, но быстро оказались в окружении и понесли тяжелые потери. Все изменилось лишь с прибытием еще 500 казаков и эскадрона регулярной кавалерии с двумя пушками под началом подполковника А.Д. Львова, командира Кисловодской линии.

Опасаясь попасть в окружение и быть отрезанным от гор, неприятель начал отступать к реке Куме, что позволило русским отрядам объединиться и начать серьезнее теснить его. Когда же на помощь

русским пришла ногойская конница, отступление превратилось в беспорядочное бегство, столь отчаянное, что горцы в нарушение всех обычаев даже не позаботились собрать тела павших товарищей. С наступлением сумерек спасшиеся горцы укрылись в заснеженных горах в верховьях Кумы, и отправленный вдогонку русский отряд вернулся ни с чем. Позже пришло известие, что горцы переправились через Кубань в карачаевские земли и рассеялись в разных направлениях¹⁹.

Таким образом, большой набег конца апреля — начала мая закончился поражением. Российские крепости и станицы почти не пострадали, потери русских составили два с половиной десятка убитыми и ранеными. Горцы не смогли захватить ни одной крепости или станицы, а в бою у Бекешевской потеряли почти 200 человек.

ВОЙНА НА ИСТОЩЕНИЕ

Поражение у станицы Бекешевской показало, как изменилась война на Кавказе. Благодаря эффективной сети осведомителей, большей плотности населения на границе и улучшенной координации различных пограничных отрядов русские смогли нейтрализовать традиционные преимущества тактики горцев — внезапность и скорость. А вот тактика самих горцев осталась прежней. Их лобовые удары были неэффективны против пушечной шрапнели и массированного ружейного огня. Их конница по-прежнему оставалась объединением местных ополчений, ищущих добычи и находившихся под началом независимых друг от друга вождей, часто скорее соперничавших, чем сотрудничавших между собой.

Результат набега на Бекешевскую, как и многих набегов до или после этого, еще раз подтверждал, что местные ополчения с различными планами и под командованием вождей-соперников не имели никаких шансов против русских войск. Лишь объединив ополчения в регулярную армию с центральным командованием, мотивированную чем-то большим, нежели предвкушение грабежа, можно было надеяться наладить более действенное сопротивление российской экспансии.

Никто не понимал этого лучше Шамиля. Именно создание имамата с единым военным командованием, централизованным управлением и общим для всех законом позволило ему достичь некоторых военных

¹⁹ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. С. 473—475; Энциклопедический словарь по истории Кубани. С. 47.

успехов и превратить российское завоевание в затяжную войну. Именно поэтому в мае 1842 года Шамиль отправил своего наиба Хаджи-Мухаммеда к адыгам, сделав неудачную попытку расширить имамат и на Северо-Западный Кавказ.

В мае 1843 года, через две недели после поражения у Бекешевской, Атарщиков благополучно вернулся в свое новое жилище на реке Курджипс. Большой набег — честолюбивое мероприятие, в котором приняло участие множество горцев, избравших своей целью одну из крупнейших станиц, — закончился, но результаты его были безрадостными. Несмотря на близкое знакомство Атарщикова с русской границей, нападавшие не смогли захватить ни одного русского поселения, да и никакой существенной добычи. Первоначальные надежды, которыми был окружен высокопоставленный русский дезертир, рухнули.

Сам Атарщиков тоже был разочарован. Слабые места военной тактики горцев и их набеговых отрядов были в высшей степени очевидны русскому офицеру, привыкшему к более дисциплинированным и хорошо скоординированным военным действиям. Если им не удалось воспользоваться даже его превосходным знанием Бекешевской, разве могли они добиться успеха где-либо еще? Виной тому была фрагментарная сущность местных сообществ и военных отрядов, состоявших из местных ополчений, но изменить подобное обстоятельство было практически невозможно — это поняли англичане в 1830-е годы, и это предостояло понять наидам Шамиля в 1840-е и 1850-е.

В то время как на Северо-Западном Кавказе русские могли похвалиться некоторыми успехами, на Северо-Восточном положение продолжало ухудшаться. Все новые и новые народы, возмущенные разрушительными войнами России и ее стремлением покорить горцев огнем и мечом, принимали решение примкнуть к Шамилю. Улемы и вожди чеченцев, аварцев и многих других местных сообществ требовали вывода русских войск из Дагестана. Они предупреждали, что присоединились к Шамилю и поклялись сопротивляться русским до конца²⁰.

В последние месяцы 1842 года Николай I, встревоженный ходом военных действий, вновь решил сменить командование в регионе, отстранив И.А. Головина, П.Х. Граббе и Г.Х. Засса. Надеясь достичь решительного перелома в войне, он направил на Северо-Восточный

²⁰ Интересно, что письмо русским с советом мирно вывести войска написал другой русский дезертир, бывший прапорщик по имени Джемаль. См.: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа. С. 424—428 (№ 223—227).

Кавказ дополнительные силы: две дивизии, или двадцать четыре батальона, с тридцатью двумя пушками — «силы, которые Кавказ и во сне не видел». Тех, кто будет сопротивляться, следовало уничтожить, тех, кто сдастся, — пощадить. Не желая, чтобы война, которую ведет Россия, выглядела как религиозный конфликт, Николай приказал своим военачальникам оказывать особое уважение муллам, мечетям и исламу, в то же время подкупая влиятельных местных вождей. Отправленные на Кавказ войска должны были разгромить и уничтожить Шамиля и его приверженцев, а спустя год вернуться назад. Как уже много раз бывало в прошлом, эти надежды оказались беспочвенными²¹.

Набеги являлись образом жизни, а не подведением баланса успехов и неудач, и нападения на русскую границу не стихали. В июле 1843 года соединенные силы нескольких адыгских народов предприняли еще одну попытку атаковать крепости и поселения вдоль Лабы, но их планы были сорваны быстрым прибытием русских подкреплений. На следующий год пришло известие, что адыги собрали армию, насчитывающую более 10 тыс. человек. Когда русские послали собственное войско, чтобы заблокировать переправу через Лабу, адыгам пришлось изменить направление своей атаки, отойти и нацелиться на другую переправу. И вновь русские прибыли вовремя, не дав горцам форсировать реку. Эта игра в кошки-мышки повторилась еще несколько раз, и адыгская армия вернулась назад, так и не сумев достичь своих целей.

Постепенно пограничные столкновения на Северо-Западном Кавказе стали развиваться по одной и той же схеме. По мере того как русская оборона улучшалась (возрастало число гарнизонов, разведывательная информация становилась точнее, а военная тактика — эффективнее), большие армии горцев, которые обычно не могли противостоять регулярным русским войскам, начали терять свое важнейшее преимущество — элемент неожиданности. Теперь успех сопутствовал только маленьким набеговым отрядам, насчитывавшим от нескольких дюжин до нескольких сотен всадников.

В самом деле, нападения на казачьи станицы продолжались, горцы захватывали скот, лошадей и иногда пленников. Желая предотвратить это и отомстить за потери, русские военачальники приняли тактику, аналогичную тактике кавказцев, — сами стали проводить рейды далеко за границей. С данной целью русские сформировали экспедиционные силы быстрого реагирования, которые можно было собрать с большой скоростью и втайне, чтобы пересечь границу и приблизиться

²¹ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа. С. 393—394 (№ 217).

к аулам под покровом ночи. Если местные жители не успевали узнать о готовящемся нападении или бежать в лес, их судьба была известна: женщин и детей брали в плен, мужчин убивали, дома сжигали, стирая аулы с лица земли. Подобные набеги и ответные рейды сделали малоинтенсивную партизанскую войну неизбежным опытом для всех обитателей пограничья²².

В 1842 году столичные власти решили, что карательные рейды становятся контрпродуктивными из-за длительных маршей, утомляющих войска, и неизбежных актов насилия и грабежа, еще более восстанавливающих местное население против России. Вместо этого военачальники теперь должны были опираться на разведку и наблюдение за границей, улучшение дисциплины в войсках, дополнительные резервы пехоты в тылу и большее число казачьей конницы на линии фронта.

Царь понял, что русские рейды достигают той цели, которой не мог достичь Шамиль, — объединяют самых разных кавказских вождей в общей борьбе с Россией. Вместе с тем новый подход допускал исключение для превентивных рейдов против горцев, готовящихся пересечь границу. А поскольку в отрядах кавказцев, готовых пойти в новый набег, недостатка никогда не ощущалось, местные русские военачальники всегда могли найти оправдание собственным рейдам и экспедициям на территорию противника. Несмотря на приказ императора, запрещающий карательные экспедиции против аулов и их обитателей, обе стороны продолжали набеги²³.

СМЕРТЬ СЕМЕНА АТАРЩИКОВА

К концу 1840-х годов рейды русской армии были значительно успешнее, чем набеги местных жителей. Русские систематически

²² Временами рейды противников почти напоминали средневековый рыцарский турнир или дворянскую дуэль. К примеру, весной 1838 года генерал Засс возглавил отряд, совершивший набег на два абадзехских аула. Как обычно, русские войска предали аулы огню и мечу, угнав скот и пленников. В ходе битвы Засс был ранен в ногу. Поскольку рана считалась у горцев знаком чести, абадзехи прислали к генералу делегацию, дабы выразить ему свое уважение и осведомиться о его здоровье. Они признали, что Засс перехитрил их, и предупредили, что скоро отплатят ему той же монетой. Засс попросил их подождать месяц, пока его нога не заживет, чтобы он мог достойно противостоять им. Абадзехи согласились и не осуществляли набегов до самой осени. См.: Энциклопедический словарь по истории Кубани. С. 178.

²³ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа. С. 360—363 (№ 202).

опустошали кавказские аулы, а горцам редко доводилось прорваться через оборону казачьих станиц и крепостей. В результате стычек гибло куда больше кавказцев, чем русских. Соотношение потерь, типичное для русского военного рапорта того времени, составляло примерно пятнадцать—двадцать горцев на одного русского солдата. Даже если допустить, что число павших горцев преувеличивалось, все равно имевшееся соотношение было весьма благоприятным для русских²⁴.

26 сентября 1844 года в ходе одного из типичных набегов с целью угона лошадей поблизости от крепости Засс (адыгские источники называют в качестве места боя Аржи или аул Марджано) несколько знатных бесленеевцев и темиргоевцев были застрелены русскими. В числе погибших оказался и легендарный Айтек Каноков, одно имя которого могло поднять тысячи горцев на военный поход против России. Смерть знаменитого воина стала для их борьбы серьезным ударом.

Горечь от этой смерти усугублялась крайним унижением: тело Канокова осталось в руках русских, поскольку остальные бежали с поля боя и в нарушение обычая не вынесли с собой убитого. Образ бесстрашного князя Канокова сохранился в адыгском фольклоре. В ряде традиционных поминальных песен (гибз) оплакивалась его гибель и стыдились те, кто обесчестил себя — не спас тело князя от рук неверных. Эти песни, исполнявшиеся от лица матери аталыка Канокова из темиргоевского клана Езуго, упрекали бесленеевцев и темиргоевцев в трусости и винули нескольких местных дворян, сопровождавших Канокова²⁵.

Несмотря на неудачи, небольшие военные отряды продолжали устраивать набеги. В августе 1845 года Атарщиков и его слуга, беглый казак Фома Головкин, двигались к намеченной цели в Кавказской области. Неподалеку от Прочного Окопа Атарщиков решил остановиться и отдохнуть в ближайшем лесу. Когда он заснул, Головкин выстрелил в Семена и серьезно его ранил. Затем взял лошадей и поехал в соседнюю казачью крепость — Новогеоргиевское на реке Уруп. Там он сообщил казакам, что желает вернуться в Россию и, чтобы искупить свою вину, выстрелом ранил небезызвестного разбойника Семена Атарщикова. Головкин привел отряд казаков к Атарщикову, который все еще был жив и собирался защищаться. Смертельно раненный, он взвел курок пистолета зубами и ждал приближения казаков. Когда

²⁴ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. С. 465—488.

²⁵ Там же. С. 476; Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик: Эль-Фа, 2005. С. 114—116, 158—162, 247—252.

его предупредили, что он будет застрелен как зверь, если не бросит свой пистолет, Атарщиков решил сдаться. Вскоре после этого, в ходе транспортировки в Прочный Окоп, он умер от ран.

Так в рапорте были описаны последние минуты жизни русского сотника Семена Атарщикова, ставшего свободным горцем Хаджретом Магометом. Подобно всем военным рапортам, этот документ был составлен с целью добиться выгоды, т.е. в соответствии с ожиданиями высшего начальства и в надежде на его одобрение. Есть несколько нестыковок в деталях сдачи и смерти Атарщикова. Но главный факт не поддается сомнению: он был схвачен в результате предательства и умер вскоре после того, как в него выстрелил его собственный слуга и товарищ по дезертирству. Однако, если Головкин, отдав Атарщикова в руки российских властей, ожидал щедрого вознаграждения, он был сильно разочарован. Его прошение о поощрении было решительно отклонено — на том основании, что он уже вознагражден помилованием за свое дезертирство и не может рассчитывать на что-то большее²⁶.

Так пресеклась короткая жизнь человека, безуспешно пытавшегося свести воедино два разных мира: мир русских и мир коренных народов Северного Кавказа. Он был не единственным таким человеком. Многие другие местные жители вновь и вновь искали ответы на одни и те же вопросы: можно ли одновременно быть русским и кавказцем, и если да, то можно ли примирить традиционные ценности Кавказа с современными ценностями России?

НЕУДАЧА ШАМИЛЯ С АДЫГАМИ

Чтобы решительно переломить ход войны на Северном Кавказе, император прибег к помощи верного советника — знаменитого государственного деятеля графа Михаила Сергеевича Воронцова. В январе 1845 года шестидесятидвухлетний генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии был провозглашен наместником Кавказа. С прибытием Воронцова в Тифлис начался новый этап российского завоевания региона. Выросший и получивший образование в Англии, Воронцов придерживался либеральных взглядов. Он понимал, что одного военного завоевания недостаточно и, чтобы Россия могла контролировать Кавказ, требуется большая степень терпимости по отношению

²⁶ ГАКК. Ф. 256. Оп. 1. Д. 63; Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. С. 257; Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. С. 815.

к местному образу жизни, а также строительство новых школ, дорог и создание промышленности — только так можно будет осуществить желанные перемены. Теперь военное завоевание сопровождалось классической цивилизаторской миссией — европеизацией Азии. Русский язык, культура и наука должны были сделать Кавказ частью империи. Перспектива русификации становилась более соблазнительной, и кавказская знать вновь оказалась перед уже знакомой проблемой: как сформировать свою идентичность в рамках Российской империи?²⁷

В 1846 году Шамиль, стремясь вернуть себе инициативу, лично повел свое войско в Кабарду. Он в очередной раз надеялся, что кабардинцы и западные адыги примкнут к газавату и весь Северный Кавказ объединится против России. Но кабардинцы оставались разобщенными. Те, кто жил в аулах, не защищенных высокими горами и густыми лесами, боялись российских карательных экспедиций. Другие уже установили выгодные связи с оккупационной державой и, соблазненные военными званиями и деньгами, стали частью российской военно-административной системы. Главной заботой аристократии было сохранение своих поместий и крестьян. Имамат Шамиля с его исламистским равенством представлял для нее куда большую угрозу, чем Россия.

В 1848 году Шамиль предпринял последнюю попытку распространить свои идеи на Северо-Западном Кавказе. Он отправил туда своего самого доверенного наиба Мухаммеда Амина (чье имя при рождении было Мухаммед Асияло), который уговорами и силой сумел достичь некоторого успеха во внедрении принципов имамата среди абадзехов и других адыгов. В 1856 году турецкий султан, признавая важную роль Мухаммеда Амина и его влияние на Кавказе, дал ему титул мир-и мирана — Верховного главнокомандующего в регионе.

Однако в конечном счете план расширения имамата среди адыгов и создания единого исламского государства на Северном Кавказе окончился неудачей. Строгие требования имамата часто противоречили интересам местного населения: введение шариата угрожало

²⁷ В конце 1840-х — в 1850-е годы Воронцов руководил преобразованием Тифлиса: город был перестроен, открылись первый театр и публичная библиотека, школы и Кавказская секция Русского географического общества, начала выходить русская газета «Кавказ», ученые получили приглашения приехать в регион для сбора научных данных, была запланирована экспедиция на вершину горы Арапат. См.: *Rhineland A.L.H. Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1990; *Захарова О.Ю.* Светские церемониалы в России XVIII — начала XX в. М.: Центрполиграф, 2001. С. 41—47.

статусу традиционной кавказской элиты, чья власть опиралась на обычное право, введению всеобщего налога сопротивлялись крестьяне и вольные люди, а запрет на всю торговлю с русскими угрожал лишить местное население как минимум одного абсолютно необходимого товара — соли.

Не меньшую роль сыграло и острое личное соперничество Сефер-бея, пылкого сторонника черкесского государства, и Мухаммеда Амина, предлагавшего государство исламское. Оказавшись в безнадёжном положении, два соперника наконец встретились в абадзехском ауле в апреле 1858 года и попытались уладить свои разногласия, но безуспешно²⁸.

К этому времени недолговечный имамат Шамиля закончил свое существование. Идея единого исламского государства не смогла преодолеть многообразие местных интересов, племенных идентичностей, отношений соперничества и экономических связей. В сентябре 1859 года, будучи окружен и поняв всю бесполезность дальнейшего сопротивления, Шамиль сдался российским военачальникам в дагестанском ауле Гуниб. Спустя два месяца Мухаммед Амин последовал примеру имама.

К концу 1860-х годов российское военное завоевание Северного Кавказа завершилось — северо-восток был замирен силой оружия, а северо-запад опустел в результате изгнания в Османскую империю нескольких сотен тысяч адыгов и других кавказских народов. Северный Кавказ стал частью Российской империи. Теперь уже не отдельные люди, а целые народы столкнулись с дилеммой Семена Атарщикова — и простого ответа на нее не было.

²⁸ Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1989. С. 41—47; Энциклопедический словарь по истории Кубани. С. 410—412.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В наше время, спустя почти четверть века после распада СССР, Северный Кавказ по-прежнему остается беспокойным регионом, который серьезнейшим образом угрожает политической стабильности Российской Федерации. Москва по-прежнему не способна честно оценить историю российского завоевания этой территории и его последствия, что не может не усиливать антирусские настроения и недовольство центральной властью среди местного населения. Подобно другим отдаленным и малопонятым регионам земного шара, Северный Кавказ привлекает внимание внешнего мира только в периоды массового насилия и войны. Последние чеченские войны подарили много громких заголовков западным СМИ, но не сделали знакомство с Кавказом более основательным.

Чеченские войны 1990-х и начала 2000-х годов были, конечно же, лишь самой недавней волной насилия из тех, что прокатились по региону ранее. За пятьдесят лет до этого Сталин оставил свой привычный кровавый след, приказав в разгар войны поголовно вывезти в Сибирь и Казахстан коренные народы Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Десятки тысяч человек умерли, а что касается остальных, то реабилитация в 1956 году и возвращение на родину тех, кто выжил, не могли заставить забыть застарелые обиды.

Большую часть XIX столетия Российская империя завоевывала Кавказ и укрепляла там свою власть — и понесла огромные людские и финансовые потери. Когда революции 1917 года разрушили прежние имперские структуры, жители Северного Кавказа попытались создать собственную независимую конфедерацию. Но она оказалась недолговечной, и в 1922 году регион вошел в состав Российской Федерации, в свою очередь вошедшей в Советский Союз. С точки зрения местных жителей, между старой петербургской и новой московской властью особой разницы не было.

Почему же после трех столетий завоевания и управления на Северном Кавказе Россия так и не смогла в полной мере интегрировать его в свою империю? В чем причина — в особенностях местной географии, в общественной и военной организации горцев, в политическом богословии ислама или в структурной неспособности империи ассимилировать других? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно вернуться к имперскому опыту России в более широком историческом контексте.

Имперские амбиции Москвы зародились при Иване III, но прошло еще пятьдесят лет, прежде чем его внук Иван Грозный смог смело выставить их напоказ — в 1547 году он был коронован царем всея Руси. Московская империя стала реальностью, когда через пять лет Москва завоевала соседнее мусульманское государство — Казанское ханство. Новая империя стремительно распространилась в Азию, заявив о своем сюзеренитете над нехристианским коренным населением последней — язычниками, мусульманами и буддистами. В начале XVIII века Петр I сознательно преобразовал унаследованную им Московскую империю раннего Нового времени в современную Российскую империю, которая, предстывая в разных обликах (российском, советском и постсоветском), продолжает существовать и по сей день.

Чтобы построить империю, необходимо завоевать, управлять и осмыслять, причем эти три этапа не всегда следуют друг за другом в хронологическом порядке. Московская империя, подобно другим державам раннего Нового времени, основанным на принципах всемирной монархии, часто заявляла о своем сюзеренитете над народами и территориями, которые еще нужно было завоевать. На протяжении XVIII столетия Российская империя постепенно трансформировалась, следуя господствовавшим в то время в Европе идеям меркантилизма и Просвещения. Если прежде территориальное расширение определялось военными и геополитическими соображениями, то теперь свою роль обрел и фактор экономический.

В XIX веке экспансионистский проект России опирался еще на одну идею — принести цивилизацию нехристианским подданным в азиатских областях империи. Экспансия Российской державы, отождествлявшей цивилизацию с христианством, на раннем этапе обязательно включала в себя обращение коренных народов в христианство, но в XIX веке цивилизаторская миссия России формулировалась уже в светских терминах. Проводя свою *mission civilisatrice* на азиатских территориях, Россия стала колониальной империей, имеющей много общего с европейскими колониальными империями.

Поскольку обширная азиатская часть Российской империи была населена самыми разнообразными народами и сообществами, в разных регионах имперская власть проявлялась неодинаково. Например, коренное население Сибири по большей части состояло из небольших, довольно примитивных сообществ — их легко оттеснили на обочину те волны переселенцев-славян, что следовали одна за другой. Сибирь стала убежищем для тех, кто искал религиозной или личной свободы, а также вместилищем политических ссыльных и преступников

империи. Таким образом, она напоминала британские колонии в Северной Америке и Австралии. Неудивительно, что некоторые сибирские ученые XIX века тщетно пытались добиться признания Сибири в качестве российской колонии.

Завоевание Центральной Азии во второй половине XIX века поставило перед российскими властями совершенно иную проблему. Орошаемые земли региона были густо населены, сельское хозяйство достигло высокого уровня развития, население являлось полностью мусульманским, а городские центры были старше, чем в самой России. Центральную Азию нелегко было колонизовать и превратить во владение империи — тут требовались деликатность и сочетание самых разных способов управления. Первый генерал-губернатор Туркестана Константин Петрович фон Кауфман безуспешно пытался убедить Петербург, что Центральная Азия — колония России, подобно Британской Индии. Правительство же считало регион неотъемлемой частью империи, несмотря на то что он находился в ведении Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Фактически департамент представлял собой российское Управление колоний.

Открытые просторы Евразийской степи от Южной Сибири до Поволжья были огромным пастбищем для многочисленных тюрко-монгольских кочевых народов, в первую очередь для казахов и калмыков. Этнография и география региона представляли особые трудности для расширяющейся империи. Здесь не было городских центров — необходимого объекта завоевания, да и невозможно было одержать решающую победу над людьми, которые постоянно перемещались со своими стадами и всем имуществом. Регион мог быть колонизован лишь шаг за шагом, при помощи строительства лимесов — укрепленных линий, которые становились вехами постепенного продвижения России в степь. К началу XIX века большинство степных кочевников оказались отрезаны от важнейших пастбищ, обеднели и зависели от российских властей. В этом регионе цивилизаторская миссия России заключалась в том, чтобы посадить кочевников на землю, превратив их в крестьян.

Наконец, Кавказ, пространство между Черным и Каспийским морями, состоял из двух разных регионов, разделенных высокими горами, — Южного и Северного Кавказа. На Южном Кавказе горы, долины и плодородные равнины уже давно были заселены и подчинены влиянию древних цивилизаций — греков и персов. К XIX веку города и сельскохозяйственные сообщества христианских народов — грузин и армян — занимали юго-западную и центральную части Южного

Кавказа, а деревни и города мусульман-азербайджанцев господствовали в его юго-восточной части. Армяне и грузины единственные из народов Азиатской России были христианами и наследниками некогда процветавших независимых царств. В 1820-е годы и здесь звучали голоса, призывавшие считать Грузию колонией России, но Петербург отверг их и бесцеремонно поместил регион напрямую под российское управление.

С точки зрения политической географии Северный Кавказ резко контрастировал с Южным. Подверженный всем превратностям жизни на краю Великой Евразийской степи, Северный Кавказ лишь время от времени попадал под влияние великих цивилизаций и монотеистических религий; к тому же здесь так и не возникло устойчивых и суверенных государственных образований. Эта территория состояла из нескольких различных частей: степи, занятой в основном кочевыми калмыками и ногайцами; предгорий, где обитатели многочисленных кумыкских, чеченских и адыгских аулов занимались как земледелием, так и скотоводством; высокогорных аулов и сел, защищенных малодоступным Кавказским хребтом. Сложная ткань региона заставила Петербург в ходе военного завоевания прибегнуть к совокупности самых различных стратегий: к строительству укрепленных линий, захвату пастбищ, выселению аулов, размещению колонистов из числа славян и других христиан, уничтожению горных аулов и урожаям и, наконец, массовой депортации кавказцев в Турцию.

Несмотря на все различия между отдельными регионами, азиатские территории России отличались отсутствием крупных независимых государственных образований с определенными границами. Начиная с XVII века имперские власти использовали терминологию, которая лишь увеличивала пропасть между Российским государством и этими негосударственными сообществами. То, что коренные народы считали мирным договором, русские принимали за клятву верности царю. Местные поселения русские называли деревнями, их военную активность — набегами, а сопротивление российскому вторжению — мятежом против империи. Российские власти предпочитали игнорировать неудобные факты — то, что некоторые поселения коренных народов были больше, чем соседние русские города, что в «набеге» могли участвовать до 10 тыс. всадников и что *мятежники* должны были стать частью империи, прежде чем бунтовать против нее.

В то же время собственные рейды, осуществлявшиеся небольшими мобильными отрядами, русские власти именовали военными экспедициями, а завоевание региона описывали с точки зрения геополитики

и прогресса. Это было примерно так, как если бы наполеоновское нашествие на Россию, случившееся несколькими десятилетиями ранее, принялись называть маршем прогресса и цивилизации, а русских — неблагодарными и отсталыми мятежниками. Двойные стандарты? Да. Но их часто использовали в отношении различных нехристианских сообществ, не успевших развиться в суверенные государства или создать собственную национальную историографию.

На протяжении всего XIX столетия Северный Кавказ оставался крайне раздробленным в плане идентичностей: они определялись не политическими структурами и не этническими группами, но родственными связями между племенами и кланами. С этой точки зрения Кавказская война предстает как схватка между двумя образами современного общества: Российской империей, способствовавшей эволюции племенных идентичностей в этнические, и имамом Шамилем, стремившимся заменить племенные идентичности государством, хотя и исламским. Таким образом, священную войну Шамиля нужно видеть не только как антироссийскую, но и как часть более масштабной борьбы с традиционной знатью за власть над населением Кавказа.

Отсутствие суверенных государств европейского типа в Азиатской России помогло определить природу российской цивилизаторской миссии, но оставался вопрос: как управлять этими различными регионами, народами и религиозными группами? Российские власти отказались признать свою империю колониальной. Вместо этого российский имперский разум продолжал лелеять мечты о всемирной монархии и всеобщей христианской цивилизации — и верить, что однажды нерусские народы станут русскими. Однако примирить миф и реальность было нелегко, и результатом стал уникальный российский гибрид гипертрофированной роли государства и слабо развитой колониальной политики.

На протяжении XVIII и XIX веков главной целью государства являлась интеграция различных жителей империи в единый российский христианский имперский организм. Но реальность входила в противоречие с этим долгосрочным планом, требуя тактики и методов, которые могли бы быть приспособлены к особым обстоятельствам. За исключением тех периодов, когда Россия стремилась посеять противоречия между элитой и простыми людьми покоренных народов, имперские власти почти всегда предпочитали опираться на местную аристократию и, если необходимо, на духовенство. Они использовали экономические и политические кнуты и пряники, чтобы обеспечить себе сотрудничество и верность со стороны местных элит, а задачей

судов, администрации, школ и миссионеров было облегчить более широкую интеграцию нерусского населения в империю.

Выбор методов никогда не был прост и часто приводил не к ожидаемым, а к противоположным последствиям. Укрепление власти местного правителя означало, что он будет более могущественным врагом, если вдруг решит обратиться против России. Поощрение соперничества между членами правящей элиты могло привести к дроблению местного сообщества и утрате российского контроля над ним. Поддержка местной аристократии против простых людей обеспечивала ее признательность, но предоставление убежища беглым крестьянам и их обращение в христианство настраивали эту же аристократию против России.

Местные судебные учреждения также способствовали усложнению имперской политики. Попытки привлечь на свою сторону традиционную знать заставили русских поощрять адат, что они и делали. Поддержка улемов означала бы необходимость опираться на шариат — это было для российских властей, как правило, неприемлемо. На протяжении всего XIX столетия русские занимались поиском эффективного решения юридических проблем, но без особого успеха. Местное население отрицательно относилось к российской военно-административной системе и видело в российских экспериментах с различными гибридными судами лишь замаскированные усилия по осуществлению имперской власти.

Среди инструментов политики русских один оставался неизменным: чтобы управлять множеством людей, языков и религий, Россия должна была опираться на тех, кто хорошо знал и саму Россию, и то или иное подчиняемое ею общество, а значит, мог стать посредником между двумя мирами. В Московской державе подобные посредники обычно служили переводчиками. Некоторые из них являлись новообращенными христианами, но большинство — бывшими военнопленными из числа тех же славян, заявлявшими, что освоили местный язык и нравы за долгое время, проведенное в плену. На деле эти люди почти всегда были неграмотны и имели не слишком большое представление о языке и культуре, на экспертное знание которых претендовали.

По мере того как связи России с различными нерусскими народами становились все глубже, ее власти все больше опирались на местных жителей, которые по той или иной причине оказались знакомы с российским образом жизни. Лишь в середине XIX столетия медленно модернизирующаяся Россия начала обучать собственных экспертов, знакомя их с языками, религиями и обществами коренных народов.

В стране так и не появилось аналога Британской колониальной службы, обучавшей будущих колониальных чиновников законам, языкам и религиям тех стран, куда они получали назначение. Но российские университеты предлагали курсы различных нерусских языков и культур как для ученых, так и для будущих государственных чиновников.

На протяжении всей имперской эпохи подавляющее большинство культурных посредников России происходили из местных сообществ. Многие из этих людей были, подобно отцу Семена Атарщикова, переданы российским властям в качестве заложников или, подобно одному из лучших российских портретистов Петру Захарову-Чеченцу, захвачены в плен в юном возрасте. Некоторые уезжали в Россию по собственной воле, в поисках новых возможностей, и часто обращались в христианство.

Начиная с XVIII столетия российские власти стали требовать, чтобы местная знать отправляла своих сыновей в столицу империи — получать образование при дворе императора или в престижных русских военных школах. Формирование особых нерусских подразделений императорской гвардии в 1820-е годы служило той же цели — дать образование молодым людям из знатных семей коренных народов и привить им русскую культуру.

Если прежде российские власти стремились ассимилировать нехристиан, превратив их в русских, то теперь им было вполне достаточно русифицировать представителей местной аристократии. Эти люди должны были освоить русский образ жизни, но одновременно остаться в достаточной степени представителями собственного народа, чтобы их признавали за своих. Ожидалось, что они вернутся к сородичам носителями русской культуры, распространяющими российское влияние и выражающими интересы империи. Другими словами, бывшие заложники должны были стать свежее испеченной колониальной элитой.

Этой элите не доставало общей групповой идентичности. Она по-прежнему включала носителей самых разных вер, языков и обычаев, приезжавших в столицу из разных частей империи и возвращавшихся в родные края преобразившимися: в униформе русских офицеров, со странным акцентом, с нелепыми идеями в голове и часто с маленьким крестиком на шее. Они находились на полпути между ассимиляцией и чужеродностью и действительно становились эффективными проводниками российской политической культуры в местных сообществах. Но если представителям этой новой элиты казалось, что они могут осуществлять связь между российскими властями и местным

населением в обоих направлениях, то они глубоко ошибались. Начальство часто не обращало внимания на их советы и игнорировало их анализ местной ситуации. Постепенно они приходили к осознанию того, что государство хочет использовать их для передачи информации лишь в одном направлении.

В настоящей книге читателям встретилась целая когорта подобных северокавказских посредников: кабардинец Шора Ногма, западные адыги Хан-Гирей и Сефер-бей Заноко, осетин Муса Кундух и, конечно же, Семен Атарщиков. Все они получили образование в России и были в той или иной степени русифицированы, но выбрали разную идентичность. Одни сохранили верность и преданность имперским властям (Хан-Гирей, Шора Ногма), другие решили обратиться против России, присоединившись к туркам (Сефер-бей Заноко, Муса Кундух) или горцам (Семен Атарщиков). В течение долгих лет самоидентификация на имперском пограничье оставалась нестабильной. Шора Ногма был верным подданным империи и многим в России восхищался, но два его сына предпочли эмигрировать в 1870 году в Турцию. Спустя примерно тридцать лет один из внуков Шоры Ногмы, напротив, покинул Турцию и переехал в Россию.

Жизнь Семена Атарщикова — частный пример пути одного из посредников, которые разными способами пытались преодолеть пропасть между своими родными землями и имперской Россией. Столкновение этих двух миров было для них вечной проблемой, особенно обострявшейся во время войны, когда уже почти не оставалось места компромиссу, как политическому, так и психологическому, и приходилось выбирать одну из сторон конфликта. Даже будучи русским, пусть и в первом поколении, Семен Атарщиков не мог избежать этой острой экзистенциальной дилеммы.

Представители новой колониальной элиты России являлись воплощением ментальности пограничья: они пытались найти свою идентичность, примирив старое и новое, традиции и современность, Азию и Европу. Возможно, в конечном счете у них было что-то общее с элитами самой России, которые на протяжении столетий спорили о месте своей страны между нацией и империей, современностью и традицией, о западном развитии и русском «особом пути». В наше время, во втором десятилетии XXI века, эта дискуссия продолжается — и, похоже, она еще далека от завершения.

СОКРАЩЕНИЯ

АКАК — Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею: В 12 т. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1866—1904.

ГАКК — Государственный архив Краснодарского края.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: В 45 т. СПб., 1830.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

ГЛОССАРИЙ

Абрек — беглец или изгнанник, вставший на тропу войны (осетинское слово).

Адат — обычное право.

Аманат — заложник из нехристиан.

Аталык — приемный отец, воспитывающий мальчика из другой семьи.

Атарщик (отарщик) — пастух, которому доверено стадо лошадей.

Аул — кавказская деревня.

Барымта — угон скота или захват пленников в качестве компенсации по решению суда.

Бек (бей) — титул представителя местной знати.

Вакыф — благочестивое пожертвование в исламе.

Вали — титул османского губернатора.

Газават — священная война и, в более узком смысле, набег и сражения, составляющие часть этой войны.

Имамат — исламское государство.

Кади — исламский судья.

Канлы — вендетта против обидчика и его родни, порой продолжавшаяся несколько поколений.

Крым-шамхал — наследник престола шамхала.

Кунак (конак) — гость, находящийся под полной защитой своего хозяина.

Майсум — один из правителей Табасарана в Дагестане.

Маслахат — перемирие и союз против общего врага.

Мехкеме — кабардинский суд, сочетавший шариат и адат.

Мулла — уважительное наименование образованного мусульманина.

Муфтият — в официальном исламе Российской империи орган, облеченный наивысшей духовной властью.

Мюрид — ученик суфийского шейха.

Наиб — командир в подчинении у Шамиля.

Паша — османский титул генерала.

Пристав — российский надзиратель за округом на Кавказе.

Пиши — кабардинский княжеский титул.

Станица — укрепленная казачья деревня.

Суфизм — мистическая традиция в исламе.

Тарикат — суфийская школа.

Тейп — клан у чеченцев.

Тукхум — союз чеченских кланов.

- Узденъ** — аристократический кумыкский титул.
- Улем** — специалист по исламскому праву.
- Уорк** — кабардинский дворянский титул.
- Уцмий** — титул правителя Кайтага в Дагестане.
- Хаджрет** — беглец, вставший на тропу войны (черкесское слово).
- Шамхал** — титул правителя кумыков в Дагестане.
- Шариат** — исламское право.
- Шейх** — религиозный лидер суфиев.
- Шерть** — мирный договор между Россией и коренным народом.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 38. Оп. 7. Д. 4, 93.

Ф. 395. Оп. 145. Д. 205.

Ф. 14719. Оп. 3. Д. 168.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

Ф. 256. Оп. 1. Д. 63.

Ф. 261. Оп. 1. Д. 491.

Ф. 332. Оп. 1. Д. 6.

Ф. 356. Оп. 1. Д. 217.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею: В 12 т. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1866—1904.

Архив Раевских: В 5 т. СПб.: Издательство П.М. Раевского, 1910.

Атарициков Г. Заметки старого кавказца о боевой и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Г.Х. Засса // Военный сборник. СПб., 1870. Т. 74. № 8. С. 309—337.

Берже А.П. Чечня и чеченцы. Репринтное издание 1859 г. Грозный: Книга, 1991.

Броневский С.М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доняне / Ред. И.К. Павлова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: В 3 т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869.

Воспоминания князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. 1902. Кн. 5. С. 208—236.

Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.

- Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля. Репринтное издание 1851 г. М.: Собрание, 2004.
- Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений: В 3 т. СПб.: Нотабене, 1999.
- Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х гг. XIX века: Сборник документов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959.
- Документы по взаимосвязям Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке / Сост. В.Н. Гамрекели. Тбилиси: Издательство АН Грузинской ССР, 1968.
- Записка генерала Ермолова о посольстве в Персию в 1817 году // Записки Алексея Петровича Ермолова. М.: Университетская типография, 1868. Т. 2. С. 1—74.
- Записки А.П. Ермолова, 1798—1826 / Ред. В.А. Федоров. М.: Высшая школа, 1991.
- Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: Документы и материалы: В 2 т. М.: Издательство АН СССР, 1957.
- Кавказ — Российская империя: Проекты, идеи, иллюзии и реальность, начало XIX — начало XX в. / Сост. Я. Гордин, В. Лапин, Г. Лисицына, Б. Миловидов. СПб.: Звезда, 2005.
- Лапинский Т. [Тэффик-бей]. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских / Пер. В.К. Гарданова. Репринтное издание 1862 г. Нальчик: Эль-Фа, 1995.
- [Лачинов Е.Е.] Отрывок из «Исповеди» Лачинова // Кавказский сборник. 1877. Вып. 2. С. 100.
- Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984.
- Мемуары генерала Муса-паши Кундухова (1837—1865) // Звезда. 2001. № 8. С. 100—123.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: В 45 т. СПб., 1830.
- Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984.
- Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в.: Сборник документов / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988.
- Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.: Документы и материалы / Ред. М.М. Ихиллов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958.
- Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI—XVII в.: Сборник документов / Сост. Е.Н. Кушева. М.: Восточная литература, 1997.
- Сборник сведений о кавказских горцах: В 10 вып. Тифлис, 1868—1881.

Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел, 1578—1613 / Сост. С.Л. Белокуров. М.: Университетская типография, 1889.

Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Репринтное издание 1864 г. М.: АИРО-XX, 2000.

Торнау Ф.Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XX, 2002.

Хамар-Дабанов Е. Проделки на Кавказе: В 2 ч. СПб.: Типография Е. Жернакова, 1844.

Хан-Гирей. Записки о Черкесии / Ред. В.К. Гарданов, Г.Х. Мамбетов. Нальчик: Эльбрус, 1992.

Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1974.

Хан-Гирей. Черкесские предания: Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1989.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках: В 3 ч. / Тексты, пер., коммент., введ. и прил. Л.И. Лаврова. М.: Наука, 1966—1980.

Bell J.S. Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838, and 1839. 2 vols. London: E. Moxon, 1840.

Cook J. Voyages and Travels through the Russian Empire, Tartary, and Part of the Kingdom of Persia. Edinburgh, 1770. Reprint. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1997.

Osmanlı Devleti ile Azerbaycan Türk Hanlıkları arasındaki Münâsabetlere dâir Arşiv Belgeleri. 1. Cilt (1578—1914). Ankara: T.C. Başbakanlık, 1992.

Spencer E. Travels in Circassia, Krim-Tartary, &c. 2 vols. London: Henry Colburn, 1839.

Wagner M. Der Kaukasus und das Land der Kosaken in den Jahren 1843 bis 1846. Dresden; Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1848.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Абазины: Историко-этнографический очерк. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, 1989.

Адыгская (Черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006.

Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик: Эль-Фа, 2005.

Азадовский М.К. О литературной деятельности А.И. Якубовича // Литературное наследство. 1956. Вып. 60. Ч. 1. С. 271—282.

- Алиев Б.Г., Ахмедов Ш.М., Умаханов М.-С.К. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала: Институт истории, языка и литературы, 1970.
- Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII — начало XIX в.: В 2 кн. Махачкала: Издательство Института истории, археологии и этнографии, 1999—2001.
- Алиев У.Д. Карачай. Ростов-на-Дону: Крайнациздат-Севкавказкнига, 1927.
- Андроников И.Л. Лермонтов: Исследования и находки. М.: Художественная литература, 1964.
- Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Старый Тбилиси: Город и горожане в XIX веке. М.: Наука, 1990.
- Атаев Д.М., Гаджиев К.К. Путеводитель по Дагестану. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1965.
- Бартольд В.В. Работы по исторической географии. М.: Восточная литература, 2002.
- Бартольд В.В. Сочинения: В 9 т. М.: Издательство восточной литературы; Наука. 1963—1977.
- Басханов А.К., Басханов М.К., Егоров Н.Д. Линейцы: Очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Никосия, 1996.
- Бейтуганов С.Н. Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик: Эльбрус, 1990.
- Берже А.П. Алексей Петрович Ермолов и его кебинные жены на Кавказе, 1816—1827 гг. // Русская старина. 1884. Т. 43 (сентябрь). С. 523—528; Исторический вестник. 1885. Т. 22. С. 732; Русская старина. 1872. Т. 5 (март). С. 436—454.
- Берже А.П. Император Николай на Кавказе в 1837 г. // Русская старина. 1884. Т. 43 (август). С. 377—398.
- Бесланев В.С. Малая Кабарда (XIII — начало XX века). Нальчик: Эльбрус, 1995.
- Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х — начале 30-х гг. XIX века. Майкоп: Меоты, 1994.
- Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М.: Восточная литература, 2002.
- Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. М.: Наука, 1974.
- Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973.
- Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965.

- Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекменцы: XIX — начало XX в. М.: Наука, 1990.
- Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М.: Издательство АН СССР, 1961.
- Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов: XVIII — первая половина XIX в. М.: Наука, 1967.
- Голобуцкий В.А. Черноморское казачество. Киев: Издательство АН Украинской ССР, 1956.
- Город Грозный. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1984.
- Гурлев И.А., Хан-Магомедов С.О., Малкин Г.А. Дербент: Путеводитель по городу и окрестностям. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1976.
- Даринский А.В. География Ленинграда. Л.: Лениздат, 1982.
- Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2003.
- Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е — начало 1750-х годов). Нальчик: Эль-Фа, 2001.
- Достоевский Ф.М. Петербургская летопись // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1978. Т. 18.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М.: Наука, 1985.
- Жемухов С.Н. Жизнь Шоры Ногма. Нальчик: Эльбрус, 2002.
- Жемухов С.Н. Мировоззрение Хан-Гирея. Нальчик: Эльбрус, 1997.
- Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мусульманская община в Санкт-Петербурге. XVIII — начало XX в. Казань: Издательство Казанского университета, 2003.
- Заседателева Л.Б. Терские казаки: Историко-этнографические очерки. М.: Издательство МГУ, 1974.
- Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII — начала XX в. М.: Центрполиграф, 2001.
- История Дагестана: В 2 т. М.: Восточная литература, 1967—1968.
- История народов Северного Кавказа: В 2 т. М.: Наука, 1988. Т. 2.
- Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990.
- Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII — первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 1994.
- Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М.: Наука, 1971.
- Калмыков И.Х. Черкесы: Историко-этнографический очерк. Черкесск: Кара-чаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1974.

- Керашев А.Т. Политическая деятельность князя Сефер-бея Заноко в годы Кавказской войны // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII — XIX в.) / Гл. ред. З.Ю. Хуако. Майкоп: Меоты, 1995. С. 102—114.
- Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе: В 2 т. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1890.
- Корнилова А.В. Карл Брюллов в Петербурге. Л.: Лениздат, 1976.
- Косвен М.О. Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы. М.: Издательство восточной литературы, 1961.
- Кудрявцев А.А. Феодалный Дербент. М.: Наука, 1993.
- Кузнецов А.А. Ордена и медали России. М.: Издательство Московского университета, 1985.
- Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М.: Издательство АН СССР, 1963.
- Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978.
- Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII—XIX вв. СПб.: Европейский дом, 2008.
- Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Репринтное издание 1882 г. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. 1.
- Лермонтов М.Ю. Измаил-Бей // Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л.: Советский писатель, 1989. Т. 2.
- Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII — XIX в. Ростов-на-Дону: СКАГС, 2001.
- Мамакаев М.А. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973.
- Маремкулов А.Н. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII — начале XIX века. Нальчик: Эльбрус, 2003.
- Медведева М.М. Грибоедов под следствием и надзором // Литературное наследство. М., 1956. Вып. 60. Кн. 1. С. 475—496.
- Многонациональный Петербург: История / Религия / Народы. СПб.: Искусство, 2002.
- Народы Дагестана. М.: Наука, 2002.
- Народы Кавказа: В 2 т. / Ред. М.О. Косвен. М.: Издательство АН СССР, 1960—1962.
- Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948.
- Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994.
- Н.Ш. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский сборник. 1883. Вып. 7. С. 1—156.

- Оразаев Г.М.-Р.* Тюркоязычные документы из архива кизлярского коменданта — источник по социально-экономической истории народов Северного Кавказа // *Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока*. М.: Наука, 1984.
- Очерки истории Карачаево-Черкесии*: В 2 т. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1967.
- Очерки истории Ленинграда*. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1955. Т. 1.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР*: В 2 т. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967.
- Панеш А.Д.* Магомет-Амин на Северо-Западном Кавказе (1848—1859 годы) // *Россия и Черкесия (вторая половина XVIII — XIX в.)* / Гл. ред. З.Ю. Хуако. Майкоп: Меоты, 1995. С. 115—137.
- Петин С.И.* Собственный Его Императорского Величества конвой. 1811—1911. СПб., 1911.
- Покровский М.В.* Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1989.
- Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000.
- Полиевктов М.А.* Николай I: Биография и обзор царствования. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1918.
- Правилова Е.А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801—1917. М.: Новое издательство, 2006.
- Робакидзе А.И.* Сванети. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
- Русские на Кавказе*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
- Северный Кавказ в составе Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Сивер А.В.* Шапсуги: Этническая история и идентификация. Нальчик: Полиграфсервис, 2002.
- Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб.: Университетская типография, 1887.
- Соколов Д.* Хаджи-Магомет (сподвижник Шамиля): Историческая справка // *Кубанский сборник*. 1904. Вып. 11. С. 53—64; перепечатано в: *Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40—60-е гг. XIX века: Сборник документов и материалов*. Махачкала, 1998. С. 38—48.
- Сокуров В.Н.* Институт выезда на службу у черкесов // *Эльбрус*. 1999. № 1. С. 116—125.
- Сохт А.К.* Черноморская береговая линия: сущность и функции // *Россия и Черкесия (вторая половина XVIII — XIX в.)* / Гл. ред. З.Ю. Хуако. Майкоп: Меоты, 1995. С. 147—167.

- Страницы истории города Грозного. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1989.
- Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. Нальчик: Эль-Фа, 1997.
- Толстой Л.Н. Казаки. М.: Гослитиздат, 1949.
- Толстой Л.Н. Набег // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1932. Т. 3.
- Толстой Л.Н. Рубка леса // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1932. Т. 3.
- Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат // Толстой Л.Н. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1964. Т. 14. С. 23
- Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев / Ред. А.И. Исламмагомедов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 1988.
- Фадеев Р.А. Кавказская война. М.: Эксмо, 2003.
- Хан-Магомедов С.О. Дербент. Горная Стена. Аулы Табасарана. М.: Искусство, 1979.
- Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители XIX — начала XX века. Нальчик: Эльбрус, 1993.
- Шолохов М.А. Тихий Дон // Шолохов М.А. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 2—5.
- Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: В 2 т. Екатеринодар: Печатник, 1913.
- Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар: Эдви, 1997.
- Юров А. 1843 год на Кавказе // Кавказский сборник. 1882. Вып. 6. С. 1—220.
- Allen W.E.D. A History of the Georgian People Down to the Russian Conquest in the Nineteenth Century. London: K. Paul, Trench, Trubner, 1932.
- Atkin M. Russia and Iran, 1780—1828. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1980.
- Baddeley J.F. The Russian Conquest of the Caucasus. London: Longmans, 1908.
- Barrett T.M. At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700—1860. Boulder, CO: Westview, 1999.
- Bilge M.S. Osmanlı Devleti ve Kafkasya. Istanbul: Eren, 2005.
- Desmond A., Moore J. Darwin's Sacred Cause: How a Hatred of Slavery Shaped Darwin's Views on Human Evolution. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2009.
- Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. London: Frank Cass, 1994.
- Grant B. The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus. Ithaca: Cornell University Press, 2009.
- Granville A.B. Guide to St. Petersburg. 2 vols. London: Henry Colburn, 1835.

- Jersild A.* Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845—1917. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002.
- Kazemzadeh F.* Iranian Relations with Russia and the Soviet Union, to 1921 // The Cambridge History of Iran. 7 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1969—1991. Vol. 7. P. 314—349.
- Kemper M.* Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan: Von den Khanaten und Gemeindebunden zum Jihad-Staat. Wiesbaden: Reichert, 2005.
- Khodarkovsky M.* Of Christianity, Enlightenment and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550—1800 // *Journal of Modern History*. 1999. Vol. 71. № 2. P. 394—430.
- Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500—1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002.
- King C.* The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Kirimli H.* Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries // *Cahiers du monde russe*. 2004. Vol. 45. № 1—2. P. 61—108.
- Kırzioğlu M.F.* Osmanlılar'ın Kafkas — Elleri'ni Fethi (1451—1590). Ankara: Sevinç Matbaası, 1976.
- Knysh A.* Islamic Mysticism: A Short History. Leiden: Brill, 2000.
- Kurtynova-D'Herlughnan L.* The Tsar's Abolitionists: The Slave Trade in the Caucasus and Its Suppression. Leiden: Brill Academic Publishers, 2010.
- Kütükoğlu B.* Osmanlı-İran Siyasi Münasabetleri. İstanbul: Edebiyat fakültesi matbaası, 1962.
- Lang D.M.* A Modern History of Soviet Georgia. London: Weidenfeld and Nicolson, 1962.
- Layton S.* Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Macintyre B.* The Man Who Would Be King: The First American in Afghanistan. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2004.
- Rechtspluralismus in der Islamischen Welt. Gewohnheitsrecht zwischen Staat und Gesellschaft / Hrsg. M. Kemper und M. Reinkowski. Berlin: Walter de Gruyter, 2005.
- Rhineland A.L.H.* Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1990.
- Russian-Muslim Confrontation in the Caucasus / Eds. T. Sanders, E. Tucker, G. Humburg. London: RoutledgeCurzon, 2004.
- St. Petersburg: A Traveller's Companion / Selected and introduced by L. Kelly. New York: Atheneum, 1983.
- Suny R.G.* The Making of the Georgian Nation. Bloomington: Indiana University Press, 1988.

- Swietochowski T.* Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition. New York: Columbia University Press, 1995.
- The Cambridge History of Poland: From Augustus II to Pilsudski / Eds. W.F. Reddaway et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1951.
- Toledano E.R.* The Ottoman Slave Trade and Its Suppression, 1840—1890. Princeton: Princeton University Press, 1982.
- Widerszal L.* Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej w latach 1831–1864. Warszawa: Nakładem Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1934.
- Wortman R.S.* Scenarios of Power. 2 vols. Princeton: Princeton University Press, 1995—2000.
- Zelkina A.* In Quest for God and Freedom: The Sufi Response to the Russian Advance in the North Caucasus. London: Hurst and Co., 2000.
- Zemon Davis N.* The Return of Martin Guerre. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.
- Zemon Davis N.* Trickster Travels: A Sixteenth-Century Muslim between Worlds. New York: Wang and Hill, 2006.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббас (I Великий), персидский шах 67
Аббас II (Хильми), персидский шах 69
Абу-Султан, аварский нуцал 77
Адиль-хан, кайтагский уцмий 71
Аккерман Дж. 8
Александр I, российский император 103, 104, 108, 109
Александр II Кахетинский, царь — см. Олександр
Алтынчач, дочь Темрюка Айдара, жена астраханского хана Бек-Булата 20
Амир Хамза, кайтагский уцмий 70
Аммалат, зять и племянник шамхала Мехти II Тарковского 98, 99
Анастасия Романова (Романовна), царица, первая жена Ивана IV 19
Араслан, сын карабудахкентского бека Арслана 59
Арслан, карабудахкентский бек 46
Арцатагорцян К.М. — см. Серебряков Л.М.
Атажукин А. 136
Атажукин М. 136
Атажукины, знатный кабардинский род 136
Атажуков (Хатокшоко) И. 60, 61
Атарщиков Г.С. 165, 170
Атарщиков Иван 170
Атарщиков Измаил — см. Атарщиков (старший) С.
Атарщиков (старший) С. (Измаил) 15, 36—40, 45, 46
Атарщиков (младший) С.С. (Хаджрет [Хаджерет] Магомет) 7, 10, 11, 13—15, 36, 41, 44—53, 56, 57, 59—69, 71, 74—81, 83—88, 96—101, 104—116, 120, 121, 126, 127, 129—132, 134, 136—138, 142, 144, 145, 165—174, 176—184, 186, 187, 189, 191—193, 195, 202, 203
Атарщиков Ф. 170
Атарщикова А. — см. Урусова А.
Ахверды Магома, наиб имама Шамиля 167
Ахмед, аварский хан — см. Султан-Ахмед
Ахундов М.Ф. (Ахунзаде М.Ф.А.) 133, 134

Баберовски Й. 8
Бакрадзе Д.З. 144
Барклай-де-Толли М.Б. 160
Бартоломей И.А. 144

- Барышников, казак-перебежчик 169
Барятинский А.И. 76, 144
Баттал Хусейн-паша, командующий турецкой армией 126
Башаев М. 137, 142, 168
Башлы, суфийский пир 69
Бебутов В.О. 148
Бейбулат (Таймазов), вожь повстанцев 99, 100, 102, 104
Бек-Булат, астраханский хан 20
Бекович-Черкасский А. 25
Бекович-Черкасский Е.А. 103
Бекович-Черкасский Ф.А. 160
Белинский В.Г. 113
Белл Дж.С. 164
Бенкендорф А.Х. 109, 147
Бернардацци Дж. 140
Берсей У.Х. 181
Бестужев-Марлинский А.А. 11, 98, 133
Блюменбах И.Ф. 164
Бобровников В.О. 8
Бродель Ф. 15
Булгаков С.А. 94, 104
Булгеруко, сын Темрюка Айдара — см. Черкасский А.Т.
- Вагнер М. 151
Валенси Л. 8
Вансович Г.Г. 140
Вельяминов А.А. 120, 124—126, 128, 136, 147, 150, 154, 155, 157—159, 161, 164
Верховский Е.И. 97, 98
Власов М.Г. 103, 104
Вольховский В.Д. 148
Воронцов М.С. 148, 155, 161, 185, 186, 193, 194
Вревский П.А. 147
- Гагарин А.И. 144
Гази-Мухаммед, первый имам Дагестана и Чечни 23, 105, 118—122, 171
Ган П.В. 148
Гиреи, династия крымских ханов 111
Гмелин С.Г. 69, 70
Головин И.А. 148, 153, 189
Головкин Ф. 11, 192, 193

- Гомберг И. 8
 Гомберг Е. 8
 Граббе П.Х. фон 152, 153, 189
 Грант Б. 8
 Грацилевский И.П. 113
 Греков Н.В. 100, 101
 Грибоедов А.С. 11, 92
 Гуашэне (Кученей), дочь Темрюка Айдара — см. Мария Темрюковна
- Дадешкилиани, грузинская княжеская династия 142
 Дадешкилиани К. 144
 Дадiani, грузинская княжеская династия 142
 Дадiani А.Л. 148
 Данкофф Р. 8
 Дельпоццо И.П. 25
 Дерлугьян Г.М. 8
 Джемаль, дезертир, бывший прапорщик 189
 Джемаль ад-Дин, суфийский шейх 118, 119
 Дибич И.И. 115
 Дудов М. 142
- Евреинов, подполковник, комендант крепости Бурной 97
 Енаруков (Унаруков) М. 180
 Енаруковы, знатный кабардинский (кабардинско-ногайский) род 180
 Екатерина II (Великая), российская императрица 28, 31, 42, 70, 159
 Ермол-оглу, сердар — см. Ермолов А.П.
 Ермолов А.П. (сердар Ермол-оглу) 22, 32, 33, 61, 62, 71, 73, 74, 77, 81—83, 88—98, 100, 102—104, 112, 117, 118, 120, 124, 126, 130, 131, 152, 161, 164, 173
 Ермолов В.А. (Б.А.) 91
 Ермолов И.А. 91
 Ермолов К.А. (О.А.) 91
 Ермолов С.А. (А.-Я.А.) 91
 Ермолова С.А. 91
- Жемухов С.Н. 8, 116
- Заноко С. 154, 155, 195, 203
 Засс Г.Х. фон (Хромой Дьявол) 10, 11, 120, 126—129, 136, 137, 141, 145, 153, 162—166, 170—173, 177, 189, 191, 192
 Захаров-Чеченец П.З. 95, 202

Земон Дэвис Н. 15

Иван III, вел. кн. московский 197

Иван IV (Грозный), вел. кн. московский и всяя Руси, русский царь 19, 20, 197

Игельстром, майор 166

Иконников (векил-баши Иконников), возвращенный в Россию дезертир 184

Камбулат Пшимахович Черкасский, кабардинский мурза 41

Каноков (Коноков, Кануков) А. 127, 145, 166—168, 173, 174, 176, 179, 180, 192

Канокovy, род бесленевских князей 174

Карамурзин Т. 145, 156

Кемиргуго Идаров — см. Темрюк Айдар

Кивельсон В. 8

Киреев М. 178

Клюгенау, генерал — см. Клюки фон Клюгенау Ф.К.

Клюки фон Клюгенау Ф.К. 149, 178

Колесов В.И. 8

Конрад Дж. 164

Косвен М.О. 7, 15, 170

Котошихин Г.К. 25

Краббе К.К. фон 97, 98

Кречетников П.Н. 38

Крым-Гирей Мухаммед-Гирей Хан-Гирей — см. Хан-Гирей

Крымшамхал И. 139

Куденетов, прапорщик 136

Кузнецов И.В. 8

Кук Дж. 51

Кундух (Кундухов) М. 13, 169, 203

Кунта-Хаджи, шейх, предводитель суфийского джамаата 81

Купфер А.Я. 140

Курали-Магома, муршид Дагестана 118, 119

Курукин И.В. 8

Кученей (Гуашэне), дочь Темрюка Айдара — см. Мария Темрюковна

Лапинский Т. (Теффик-бей) 184

Лачинов Е.Е. 168

Лачинова Е.П. (Хамар-Дабанов Е.) 156

Ленц Э.Х. 140

Лермонтов М.Ю. 11, 12, 60, 133, 171

Лисаневич Д.Т. 100, 101

Лисецкий (бек-заде Лисецкий), возвращенный в Россию дезертир 184

Лоо С. 167

Лоуренс Аравийский (Лоуренс Т.Э.) 169

Львов А.Д. 187

Малиновский, генерал 136

Мансур (шейх Мансур) (Ушурма), лидер кавказских горцев, предводитель
восстания 30, 35, 37, 42, 126

Мария Темрюковна (Кученей, Гуашэне), русская царица, вторая жена Ивана
IV 19

Мартынов Н.С. 11, 12

Медем И.Ф. де 70

Мейер К.А. 140

Менетрие Э.П. 140

Мехти (II Тарковский), шамхал, дербентский и бакинский хан 55, 56

Микаберидзе А. 91

Мисостов Р. 60, 61

Мордвинов Н.С. 160

Мурад III, османский султан 54

Мухаммед, мулла 99, 100

Мухаммед Амин (Асияло), наиб имама Шамиля, политический деятель 155,
194, 195

Мухаммед Тахир аль-Карахи, богослов, правовед 149

Мухаммед-Гирей, адыгский кн., отец Хан-Гирея и Султана Казы-Гирея 111

Муханов С.А. 111

Надир-шах (Афшар) Персидский, полководец, шах, основатель династии
Афшаридов 69, 74, 94

Наполеон (I Бонапарт), французский император 35, 89

Наумов (наиб Наумов), возвращенный в Россию дезертир 184

Нейдгардт А.И. 182, 183

Некрасов И.Ф. 143

Николай I, российский император 11, 104, 110, 112, 115, 133, 145—151, 156,
159, 177, 184, 189, 190

Ногма (Ногмов) Ш.Б.-М. (Ш.Б.) 110—112, 114, 116, 132, 133, 169, 203

О'Коннелл Д. 8

Одоевский А.И. 11

Олександр (Александр II Кахетинский), царь Кахетии 54

Ольшевский М.Я. 33, 185

Орлов М.Ф. 92, 93

Павел I, российский император 55

Паскевич И.Ф. 25, 26, 148

Пестель А.Б. 93, 94

Петр I (Великий), российский царь, император 51, 61, 107, 108, 146, 197

Поздышев, руководитель экспедиции в Сванетию 142—144, 171

Потемкин П.С. 79, 94

Пулло А.П. 172

Пушкин А.С. 92, 113, 114, 151

Пушкин Л.С. 151

Раевский Н.Н. 151—153, 160

Розен Г.В. 132, 137, 138, 148

Розенвайн Б. 8

Рольф М. 8

Романова А. — см. Анастасия Романова

Ромео-Холл Э. 8

Рустем-хан, кайтагский уцмий 69

Семен (Симон I Великий), царь Картли, зять Александра II Кахетинского 54

Семен-младший — см. Атарщиков С.С.

Семен-старший — см. Атарщиков С. (Измаил)

Сефер-бей — см. Заноко С.

Серебряков Л.М. (Арцатагорцян К.М.) 152, 153, 155

Симеон Бекбулатович, вел. кн. всея Руси 20

Спенсер Э. 161

Сталь К.Ф. 33

Степанов (султан Степанов), возвращенный в Россию дезертир 184

Страбон, др.-греч. географ и историк 142

Суворов А.В. 25

Сулейман (I) Великолепный, османский султан 19

Султан Азамат-Гирей, адыгский кн., первый командир Чеченской гвардии
110

Султан Казы-Гирей, адыгский кн., писатель, брат Хан-Гирея 113

Султан-Ахмед, аварский хан 77, 98

Султануко, сын Темрюка Айдара — см. Черкасский М.Т.

Султанум-Бамат, третья жена А.П. Ермолова 91

Сурхай [сын Гебек-хана], аварский хан 77

Сурхай, шамхал, автор письма Мураду III 54

Сухоруков В.Д. 177

Сюйда, первая жена А.П. Ермолова 91

Таймазов Б. — см. Бейбулат

Тайхманн К. 8

Ташев-Хаджи, наиб имама Шамиля — см. Хаджи-Ташав ал-Индири

Темрюк (Кемиргуго) Айдар (Идаров) 19, 20

Теффик-бей, полковник, командир польского отряда на стороне горцев — см. Лапинский Т.

Тимур (Тамерлан), полководец, основатель и эмир империи Тимуридов 49

Толстой Л.Н. 12, 85, 86, 99, 167

Тормасов А.П. 25, 160

Торнау Ф.Ф. 15, 121, 132, 134, 145—147, 151, 153, 156, 170

Тотай, вторая жена А.П. Ермолова 91

Умма-хан (I Справедливый), аварский нуцал 74

Унаруков М. — см. Енаруков М.

Урус, ногайский кн. 18

Урсова (в замужестве Атарщикова) А. 40, 41

Услар П.К. 181

Ушурма, лидер кавказских горцев — см. Мансур

Фадеев Р.А. 76

Фатх Али, кубинский хан 67

Фенев В. 176

Фок М.Я. фон 90

Хаджи Исмаил, кутб, лидер накшбандийцев 118

Хаджи-Мурат (Хунзахский), вождь аварцев, наиб имама Шамиля 12, 167, 178

Хаджи-Мухаммед, наиб имама Шамиля 180, 189

Хаджи-Ташав (Хаджи Ташав) ал-Индири (Ташев-Хаджи) 172, 173

Хаджрет (Хаджерет) Магомет, предводитель горцев — см. Атарщиков С.С.

Хамар-Дабанов Е. — см. Лачинова Е.П.

Хан-Гирей (Крым-Гирей Мухаммед-Гирей Хан-Гирей), адыгский кн., командир Черкесской

гвардии, деятель адыгской культуры 110—116, 133, 147, 155—159, 169, 203

Хасан-паша, комендант Анапы 158

Хатокшоко И. — см. Атажуков И.

Хаширов К. 140

Хромой Дьявол — см. Засс Г.Х. фон

Черкасские, княжеский род 19

Черкасский А.Т. (Булгеруко) 19

Черкасский М.Т. (Султануко) 19

Чернышев А.И. 151—153, 156, 182

Чингизиды, князья, прямые потомки Чингисхана 20

Чингисхан, основатель и великий хан Монгольской империи 20, 90, 91

Шамиль, третий имам Чечни и Дагестана 10, 12, 13, 23, 34, 75, 76, 78, 80, 119,
121, 122, 138, 149, 155, 159, 167, 168, 172, 178—180, 182, 185, 188—191,
193—195, 200, 205

Шаховской И.В. 132

Шегрен А.Й. 133

Шнелль Ф. 8

Шолоховы, род бесленеевских князей 174

Штейбе Н.А. фон 146

Эвлия Челеби, путешественник, географ, писатель 51

Эммануэль Г.А. 139, 140

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарственное слово	7
Введение	10
<i>Глава 1</i>	
Границы Северного Кавказа.....	17
<i>Глава 2</i>	
Детство Атарщикова	36
<i>Глава 3</i>	
Путешествие по Северо-Восточному Кавказу.....	63
<i>Глава 4</i>	
В железном кулаке Ермолова	89
<i>Глава 5</i>	
Петербург и Польша.....	106
<i>Глава 6</i>	
Возвращение на Северный Кавказ	117
<i>Глава 7</i>	
Переводчик и администратор.....	130
<i>Глава 8</i>	
Политика России и альтернативы.....	145
<i>Глава 9</i>	
Первое дезертирство.....	162
<i>Глава 10</i>	
От Семена Атарщикова к Хаджрету Магомету.....	178
Заключение	196
Сокращения.....	204
Глоссарий.....	205
Библиография	207
Именной указатель	217

Майкл Ходарковский

**ГОРЬКИЙ ВЫБОР:
ВЕРНОСТЬ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО
В ЭПОХУ РОССИЙСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Редактор *А. Абашина*

Дизайнер обложки *Д. Черногаев*

Корректор *М. Смирнова*

Верстка *Л. Ланцова*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

**ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»**

Адрес редакции:
123104, Москва,
Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
сайт: www.nlobooks.ru

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Печ. л. 14,5. Тираж 1000. Заказ № К-5283.
Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

Книги и журналы
«Нового литературного обозрения»
можно приобрести в интернет-магазине издательства
www.nlobooks.mags.ru
и в следующих книжных магазинах:

в МОСКВЕ:

- «Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, 8 495 781-19-00
- Галерея книги «Нина» — ул. Волхонка, д. 18/2 (здание Института русского языка им. В.В. Виноградова), 8 495 201-36-45
- «Гараж» — ул. Крымский вал, д. 9, стр. 32 (Парк Горького, слева от центральной аллеи, магазин в Музее современной культуры «Гараж»), 8 495 645-05-20
- Государственная галерея на Солянке — ул. Солянка, д. 1/2, стр. 2 (вход с ул. Забелина), 8 495 621-55-72
- Книжная лавка историка — ул. Б. Дмитровка, д. 15, 8 495 694-50-07
- Книжный киоск РОССПЭН — ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, 8 499 126-94-18
- «Медленные книги» — <http://www.bergrounz.ru/>, 8 499 258 45 03
- «Москва» — ул. Тверская, д. 8, стр. 1, 8 495 629-64-83, 8 495 797-87-17
- «Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, д. 8, 8 495 789-35-91
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — ул. Петровка, д. 25 (в здании ММСИ), 8 916 979-54-64
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — Берсеневская наб., д. 14, стр. 5А (Институт Стрелка)
- «Новое Искусство» — Петровский бул., д. 23, 8 495 625-44-85
- «Порядок слов в Электротееатре» — ул. Тверская, д. 23, фойе Электротееатра «Станиславский», 8 917 508-94-76
- «У Кентавра» — ул. Чаянова, д. 15 (магазин в РГГУ), 8 495 250-65-46
- «Фаланстер» — Малый Гнезниковский пер., д. 12/27, 8 495 749-57-21
- «Фаланстер» (на Винзаводе) — 4-й Сыромятнический пр., д. 1, стр. 6 (территория ЦСИ Винзавод), 8 495 926-30-42
- «Циолковский» — Пятницкий пер., д. 8, 8 495 951-19-02
- «Додо» — ул. Мясницкая, д. 7, стр. 2, 8 926 463-82-35
- «Додо» в КЦ ЗИЛ — ул. Восточная, д. 4, корп. 1, 8 495 675-16-36 (позовите Додо к телефону)
- «Додо» в ЦКИ «Меридиан» — ул. Профсоюзная, 61

*HISTORIA
ROSSICA*

ГОРЬКИЙ ВЫБОР

Верность и предательство в эпоху
русского завоевания
Северного Кавказа

Книга рассматривает историю Северного Кавказа через жизнь жизни Семёна Аташякова (1827–1845), чеченской принцессы и российской карьеры честного, а не совсем мирно уживавшегося в его близости. Он дважды переменил сторону, гордая и в конце концов погиб от руки злого казана. Работа живо воссоздает географический, культурный, социальный и политический контекст русского завоевания, позволяя лучше понять корни сегодняшних проблем на Северном Кавказе. Михаил Ходарковский — историк, профессор Университета Дэйви в Чикаго (США).

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ